

Хайнц Кноке

Я летал для фюрера

**Дневник офицера люфтваффе.
1939–1945**

Предисловие

Закончив чтение этой книги, я невольно вернулся на первую страницу: то, что Кноке родился в Хамельне, показалось мне иронией судьбы. Он пишет: «Многим известна история Крысолова», но не говорит дальше о том, что в действительности сам повторил эту историю в своей жизни. Как дети Хамельна, околдованные волшебной музыкой, последовали за Крысоловом, чтобы навсегда исчезнуть в горных пещерах, так и юный Кноке был увлечен колдовством другого «музыканта» — Адольфа Гитлера, подтолкнувшего его к пропасти.

Этот молодой человек был очень похож на обычного американского парня, отправившегося воевать за Соединенные Штаты, — впечатлительный, увлеченный романтикой войны и глубоко любящий свою родину. Нельзя осуждать его за то, что он родился немцем. Я хотел бы, чтобы этот прекрасный летчик, очень храбрый человек служил в одной из моих эскадрилий.

Но Кноке был обманут своими вождями. Высшие военные чины Германии времен Второй мировой были убеждены военными историками в том, что они сплошь военные гении. Кроме того, главенство принадлежало воинственной группе, чьи действия были основаны на лжи и полной беспринципности. Это в конечном счете и развалило немецкую военную машину. Истинная сущность правящей верхушки Германии особенно явственно проявилась при разгроме немецких войск, описанием которого Кноке заканчивает книгу, показывая, насколько истерично и непрактично действовало военное и политическое руководство.

Некоторые детали в этой книге кажутся мне преувеличенными. Например, я не могу поверить словам Кноке о том, что каждый немецкий ас сбил по 150 самолетов союзников. И наши летчики могли, при всяком удобном случае, таким образом прихвастнуть. Эта книга пестрит описаниями, которые я считаю явной нацистской пропагандой, предназначенной для импульсивной молодежи. Но в общем дневник показывает достоверную картину войны, часто грубой, даже страшной, но всегда героической. Ожесточенная ненависть Кноке к России показательна, однако то моральное разложение, которое он видел в советском руководстве, в конце концов ему пришлось узнать и в нацистской верхушке.

Но вначале он, типичный немецкий юноша, обманутый нацистами, не замечал этой слабости.

Обратите особое внимание на то, как он описывает день 18 декабря 1940 года, когда на церемонии в берлинском Дворце

спорта он впервые увидел Гитлера:

«Прошло несколько минут, и мы вскочили в напряженном ожидании, повинувшись приказу. „Идет фюрер!“ Руки взметнулись в молчаливом приветствии... Абсолютная тишина воцарилась в огромном зале... Гитлер начал говорить. Думаю, что мир не знал более блестящего оратора. Магнетизм его личности был неотразим. Весь зал пронизывало излучение его невероятной силы воли и могучей энергии».

Мне вспомнились строки Роберта Браунинга из «Крысолова из Хамельна»:

Все мальчики и девочки
С розовыми щечками и золотыми локонами
Вприпрыжку бежали, счастливые,
За чарующей музыкой, ликуя и смеясь.

Это прекрасная иллюстрация для книги Хайнца Кноке, родом из Хамельна.

Генерал-лейтенант в отставке Е. Р. Кесада,
Воздушные силы армии Соединенных Штатов

Детство

Многим известна история Крысолова из Хамельна.

Дорога в Хамельне, по которой шли дети, направляясь в горы Коппенберга, чтобы больше никогда не вернуться, известна под названием Коппенштрассе. Сейчас вдоль этой дороги протянулись серые, уродливые дома с узкими, грязными дворами. Летом здесь можно задохнуться от пыли. Дорога изрыта ухабами, которые во время весенних и осенних дождей превращаются в огромные, глубокие лужи. Эта дорога до сих пор не замощена, а ближе к концу она и вовсе превращается в узкую тропинку, ведущую к полям и огородам у подножия Коппенберга.

Мое детство прошло на этой дороге. Это было не самое подходящее место для детских игр, но и сам я был таким же, как и эта дорога, ужасным ребенком с рыжими волосами и веснушчатым лицом.

Мой отец был полицейским. Во время Первой мировой войны он служил сержантом 10-го батальона 18-го пехотного полка. Он был статным мужчиной и прекрасным солдатом. После войны он много лет служил в городской полиции, пользуясь почетом и уважением горожан. Он получил награду за битву при Фландерсе, потом был захвачен в плен в Айпре в 1915 году и четыре долгих года провел в тюрьме на острове Бель-Иль в Бискайском заливе.

Вернувшись в 1919 году, он женился на красавице Энн — дочери плотника Вильгельма Мертенса. Энн унаследовала от отца невероятное упрямство, зато у нее было прекрасное чувство юмора. Даже сейчас, несмотря на седину, ее глаза весело блестят. Я очень рад, что отец сделал прекрасный выбор, женившись на Энн, — я так же поступил бы на его месте.

Я родился через год и восемь дней после свадьбы родителей, 24 марта 1921 года. Похвастаться примерным поведением не решусь, и отец не мог позволить себе мягкость в моем воспитании. Он считал, что с ранних лет я должен привыкнуть к прусскому порядку и дисциплине. Свои взгляды он подкреплял длинным кожаным ремнем, с которым моя спина была до боли знакома. Отец обращался со мной как со своими новобранцами в армии. Позднее я понял, что на самом деле он любил меня, сейчас я благодарен ему даже за норку — должен признать, она была вполне заслуженна.

Местом для игр мне служили хибары во дворе — огромные сараи или жилые дома с длинными коридорами и холлами. С ранних лет я научился обращаться с винтовкой, знал, как целиться, стрелять, чистить ее, мне несколько раз попадал в руки даже

автомат. Меня никогда не пугали звуки стрельбы, я дружил с солдатами, и мы прекрасно проводили время.

Шли годы. В нашем городе редко происходило что-нибудь, способное нарушить его сонное спокойствие. Здесь, у подножия крутых утесов, покрытых зарослями деревьев, все было так же, как много лет назад. Рядом тихо протекала река, образуя водовороты, перекатываясь через две широкие плотины. От нее шел канал к большой мельнице, расположенной на острове. Буксиры тащили против течения вереницы барж. Неповоротливые паромы и тяжелогруженные баржи дрейфовали вниз по течению вдоль чистенькой набережной. Летом толпы туристов приезжали в город на машинах и автобусах. Атмосфера средневековой романтики старого города привлекала их, а потому в городе процветали отели, рестораны, магазины и гиды, особенно по воскресеньям и в солнечную погоду.

Таким был город, где я провел счастливое и беззаботное детство.

В 1931 году я закончил четыре класса начальной школы и стал учеником гимназии. Это была старая гимназия, с давними традициями. Мне нравилось в этой старой школе, нравилось все, что она олицетворяла. Нет, я не был примерным учеником — не переставал хулиганить и, думаю, прослыл чистым наказанием для преподавателей. Казалось, они даже перестали удивляться моим проступкам, однако я вел себя так не по злой воле.

Я никогда не забуду старшего преподавателя, старика доктора Тробитиуса, самого приятного человека в школе. Жаль, что он преподавал математику, химию и биологию. Единственное, что интересовало меня, — это философия, языки, история и искусство. Я любил заниматься спортом, особенно греблей, и летом 1937 года стал капитаном команды гребцов школы. В моем классе давали к тому же уроки танцев, поэтому на учебу оставалось очень мало времени. Вследствие этого я принял твердое решение не ходить на уроки биологии и химии. Я игнорировал эти занятия на протяжении шести месяцев, но начальство в конце концов заметило мое отсутствие, и передо мной встала реальная угроза отчисления из школы.

Меня вызвали к директору. Директор всегда был для меня просто воплощением власти — высокий, худощавый, с правильными чертами лица, всегда безукоризненно одетый отставной полковник. Он сидел за огромным столом и курил едкую калифорнийскую сигару. Позади него устроился на удобном стуле Тробитиус, его лысина блестела. Оба игнорировали меня. Я почувствовал тревогу, поскольку моя совесть была нечиста. Вероятно, я оказался не так умен, как мне виделось.

— И почему же вы пропускаете занятия доктора Тробитиуса? — наконец осведомился директор.

Я мог бы попытаться извиниться, сказать, что у меня болело горло, или прибегнуть к какой-то еще уловке из моего арсенала, но на этот раз решил сказать правду. Я не из тех дуралеев, которые всегда говорят правду, но тогда я понял, что это лучший выход. Мне не хотелось, чтобы меня мучила совесть из-за того, что я солгал директору. К тому же я понял, что правда может произвести благоприятное впечатление и это может смягчить мое наказание.

Я совершенно откровенно сказал директору, что мне не интересны уроки доктора Тробитиуса — они слишком сухи и скучны. При этом с Тробитиусом, естественно, чуть не случился припадок. Директор изумленно смотрел на меня — он ожидал услышать одну из обычных уверток. Затем громовой раскат его голоса вышиб меня из кабинета, однако молния обрушилась на голову бедного старого Тробитиуса, после того как я вышел из комнаты.

Меня не наказали. Уроки доктора Тробитиуса после этого, кажется, стали интереснее...

В то же лето, на уроках танцев, я впервые влюбился. Я обожал предмет своей страсти со всем романтическим пылом 16 лет. Ее звали Лизлотт, отец ее был врачом, а мать — дама высшего света, которая совершенно не замечала меня, поскольку мой отец был простым полицейским.

Приблизительно в то же время я начал писать, смог даже продать несколько маленьких рассказов и статей. Это принесло мне долгожданные деньги на карманные расходы. Я написал несколько маленьких поэм для Лизлотт. Она была в восторге.

Следующий год я сходил с ума от любви к Аннелиз — девушке с умопомрачительной фигурой. Я подарил ей те же самые поэмы. Все, что пришлось изменить, — это имя. Она была счастлива. Обеим я поклялся в вечной преданности. Но после того, как стал летчиком, я забыл обо всех обещаниях, которые им давал.

Однако я до сих пор горжусь тем, что мои рыжие вихры и веснушки на носу покорили их.

Кроме любви к Лизлотт и Аннелизе, я чувствовал привязанность к старой школе, к нашему городу с его старинными узкими улочками, к гребле на реке. Моей истинной любовью была сама жизнь.

В 1931 году я вступил в ассоциацию бойскаутов. Мы путешествовали по всей Германии, разбивали лагерь, гордились нашим братством и распевали песни, сидя у костра.

В январе 1933 года, когда нацисты пришли к власти, мне было 12 лет. Я прекрасно помню тот день 30 января. В полдень штурмо-

вые группы вступили в город и подняли над зданием мэрии флаг со свастикой. Мой отец в это время был там на дежурстве. Он и два других офицера полиции сняли флаг. Этот инцидент ему потом не раз припоминали.

Несколько недель спустя здание, принадлежащее церкви, было передано различным молодежным организациям. Я был среди тех скаутов, которые посещали их собрания. Выйдя как-то из церкви на рыночную площадь, мы натолкнулись на членов гитлерюгенда, завязалась такая ожесточенная драка, что была вынуждена вмешаться полиция.

На Троицу на пустоши около Люнебурга собрались в палатках 20 000 скаутов. Гитлерюгенд попытался разрушить наш лагерь. Мы отогнали их, хорошенько избив, за что и поплатились — слет был запрещен по распоряжению министра внутренних дел, палаточный лагерь следовало свернуть в течение нескольких часов. Ассоциация бойскаутов была объявлена незаконной организацией, а всех ее членов включили в состав германского юнгфолька, младшего подразделения гитлерюгенда. Мы, бывшие скауты, образовали собственный отряд, продолжив походы, лагеря и вечера с песнями у костра, как и прежде.

В 1935 году, когда мне исполнилось 14 лет, я был уже годен для того, чтобы вступить в гитлерюгенд, но отказался от этого. Два года спустя, однако, вынужден был уступить давлению и вступить в механизированные силы гитлерюгенда. Вскоре у меня начались споры с начальством. Как капитану школьного яхт-клуба, мне настоятельно рекомендовали подкорректировать мои взгляды. Это случилось после гонок на регате, когда некоторые члены клуба снова ввязались в драку с юнцами из гитлерюгенда, постовой службы, разновидности молодежной службы безопасности. Чтобы избежать позорного увольнения, я опять перешел в юнгфольк. Там в моем ведении находилась спортивная подготовка ребят, таким образом я мог избавить их от лишней муштры и обеспечить им условия для развития и приятного отдыха.

Гитлерюгенд мало чем отличался от других нацистских организаций. Однако нужно заметить, что национал-социалистские принципы и идеалы пользовались большой популярностью в молодежной среде. Мы восприняли их с большим энтузиазмом. Мы искренне гордились тем, что наша любимая страна возрождается на наших глазах, когда мы еще молоды.

6 июля 1938 года — день, когда я совершил мой первый полет.

Это были показательные полеты на старом транспортном самолете, который взлетел с большого поля на окраине города. Пятнадцать минут волшебного полета стоили всего несколько марок.

Я сидел, привязанный к креслу, в самолете, похожем на обрубок. Заурчали двигатели. Самолет, неуклюже раскачиваясь, стал разворачиваться у края ухабистого поля. Взревели двигатели, самолет два или три раза подпрыгнул на ухабах, и трава стала уходить куда-то вниз. Я летел.

Мы набрали высоту. Напротив моего кресла лежала коробочка с надписью «От морской болезни». В ней было несколько бумажных пакетов. Я удивился, зачем они нужны. Не было ни какой-либо качки, ни воздушных ям, ни сотрясений, разве что мягко вибрировали кресла. Мы поднимались все выше и выше. С такой высоты мой дом казался до смешного маленьким. Скоро мы уже поднялись выше гор, окружающих город. Линия горизонта исчезала в тумане. Поля уменьшились в размерах и превратились в мозаику из маленьких квадратов, с палитрой цветов от темно-зеленого у поймы реки до ярко-желтого на горчичных полях, ландшафт был изрезан дорогами, железнодорожными путями и извиляющейся серебристой лентой реки, виднелись игрушечные городки и деревеньки с черными и красными крышами, среди лесов выделялись лужайки, все это поражало великолепием цветовой гаммы. На дорогах двигались маленькие точки — машины или телеги, по реке плыли баржи и паромы. Крошечный поезд еле тащился по железной дороге, напоминая маленького черного червя. Когда мы повернули, мне показалось, что вся эта прекрасная картина наклонилась, как крышка стола. Я посмотрел на облака. Они лежали плотной пеленой. «Вот бы подняться над ними!» — подумал я. В этот момент я решил, что когда-нибудь обязательно поднимусь выше облаков. С разочарованием я заметил, что мы начинаем снижаться. Земля неслась нам навстречу. Скоро, слишком скоро все кончилось.

Я восторженно рассказал про мой первый полет родителям. Они смеялись. Много лет спустя я увидел на их лицах такую же улыбку, когда, будучи уже опытным летчиком, рассказывал им о том, что совершил больше 2000 полетов. Наверное, на моем лице был написан такой же восторг, как и в тот первый раз.

1939

Лето 1939 года

Лето — кульминация года. Я всегда был склонен считать годы моей жизни по тому, сколько раз я встречал лето, с теплыми, солнечными днями и нежно шелестящими ночами.

1939 год в Германии был очень богат событиями и оказал грандиозное влияние на жизнь немцев. В это лето закончилась счастливая и беззаботная пора моей юности. Я еще раз побродил по пляжу, сосновому лесу в горах, прошелся мимо тучных нив, по пойме реки в долине, спустился на каноэ по реке Везер. Аннелиз была со мной в это самое прекрасное лето моей жизни. Мы вместе бродили по замкам монастыря Мелленбек и слушали орган в старом аббатстве Фишбек. Мы загорали, катались на мотоцикле по лесу Тойтобург или через долину Екстер ездили в Зонинг, вместе карабкались по склонам Хоенштайна и купались в прохладной воде Везера. Мы не замечали туч, собирающихся на политическом горизонте. Что могло измениться в нашей жизни, даже если бы напряжение, скопившееся в Европе, достигло кульминации? За последние годы Германия все больше и больше сбрасывала оковы Версальского соглашения. Разве мы не имеем права жить свободно на этой земле?

Бедность, нищета, безработица? С ними уже покончено в Третьем рейхе. Учитывая это, разве удивительно, что Австрия ищет союза с сильным и преуспевающим Третьим рейхом? Здравый смысл подсказывает Судетам сделать то же самое, Мемель тоже хочет освободиться от литовского господства. Народ Германии доверился Гитлеру — так было повсюду: на съезде национал-социалистской партии в Нюрнберге или на празднике урожая в какой-нибудь глухой деревне Бюкебург, всего лишь в 15 километрах от Хамельна. Я был только одним из многих миллионов молодых энтузиастов, безоговорочно веривших Гитлеру и посвящавших ему всего себя без остатка.

Мы с Аннелиз наслаждались беззаботным летом, не задумываясь о черных тучах, собравшихся на горизонте. «Не нужно беспокоиться, фюрер заботится о нас» — так думали 90 миллионов немцев во всем мире.

В начале лета я подал заявление с просьбой принять меня на службу в офицерский состав военно-воздушных сил. Я надеялся сочетать военную службу и свободу летчика.

5 июля меня вызвали на вступительный экзамен. Он длился четыре дня. Психологи, врачи, преподаватели и офицеры проверяли меня и четырех других кандидатов на интеллектуальную и

физическую готовность к избранной нами карьере. Первый день нас осматривали врачи разных специальностей. На второй день мы решали тесты и отвечали на сотни вопросов, задаваемых офицерами и психологами. На третий день мы оказались в «трехмерном кресле», которое вращалось в разных направлениях, — это была проверка наших реакций. Нас помещали в камеру низкого давления, напомилавшую новейшую камеру пыток, где в течение определенного времени мы переживали недостаток кислорода.

В четвертый, и последний, день проверяли нашу физическую подготовку. Бег с препятствиями, на длинную и короткую дистанции, прыжки, метание диска и копья, упражнения на брусьях и перекладине, плавание и бокс. Это был самый строгий и всесторонний экзамен за всю жизнь.

Вечером нам объявили результаты. Экзамен выдержали два кандидата. Одним из них оказался я.

27 августа 1939 года

Наша школа превращена в ночные казармы, в армию призваны резервисты. Говорят, что на восточной границе Германии и в Польше неспокойно. Почтальоны снуют по улицам всю ночь, разнося повестки и телеграммы.

28 августа 1939 года

Правительство рейха объявило о полной мобилизации. Мы на пороге войны.

В нашей школе формируется батальон резервистов. То же самое происходит во всех остальных школах города. Вокруг только серые мундиры. В городе полно солдат.

29 августа 1939 года

Мне сообщили, что скоро я получу повестку из военно-воздушных сил с приказом собираться. Мои одноклассники присоединились к добровольцам. Вечером они уже были одеты в форму.

30 августа 1939 года

Лидер местной организации юнгфолька получил повестку, и я принял под командование около 4000 юношей округа Хамельн. Их следует направить на помощь солдатам для выполнения вспомогательных задач. На складах нужно помогать при погрузке продовольствия, обмундирования, оружия и боеприпасов; помощники нужны в казармах, в полевых кухнях нужно чистить картошку и т. д. Где бы ни были солдаты, ребята приходят им на помощь.

Вечером первый из вновь образованных батальонов погрузился в поезд на товарной станции. Вагоны украшены цветами, поскольку состав отправляется на восток, но лица серьезные. Среди отъезжающих я узнал нескольких одноклассников. Стальные каски резко контрастируют с юными лицами. (Большинство из них я не увидел больше никогда.)

31 августа 1939 года

Известия о зверствах поляков в отношении немецкого меньшинства произвели сегодня ужасное впечатление. Тысячи немцев стали жертвами резни, устроенной сегодня на земле, бывшей когда-то территорией Германии. Еще больше людей прибывают на территорию рейха, рассказывая жуткие истории.

1 сентября 1939 года

В 5.40 утра немецкие войска с боями перешли польскую границу. Это означает начало войны.

Закончилось последнее лето моей юности. Так ничтожное, незначительное, индивидуальное поглощается безжалостным потоком времени. Я должен принять войну, накрывшую меня как лавина. Нужно сделаться твердым как сталь, или я буду раздавлен. Мое самое горячее желание сейчас — стать солдатом.

5 сентября 1939 года

2 сентября Геринг приказал мобилизовать все гражданские авиационные службы защиты. Вчера поступило неожиданное сообщение о том, что Англия и Франция объявили войну германскому рейху. Сегодня над Хамельном впервые раздались вой сирен, предупреждающих о военном налете, когда британские бомбардировщики атаковали порт и немецкие военные объекты на побережье Северного моря.

8 сентября 1939 года

Варшава пала.

Война с Польшей оказалась молниеносной. Превосходство немецкой армии позволило совершить неудержимый марш к победе. Непередаваемые ощущения охватили нас, когда были освобождены пленные немцы — жители Польши. Картины ужасных зверств и преступлений против всякого представления о человечности открылись нашей армии. Недалеко от Бромберга и Торуня были найдены массовые захоронения тысяч немцев, замученных польскими коммунистами.

Польская армия разбита, уничтожена польская военная авиация. Здесь, в Германии, все говорят, что война будет закончена к

Рождеству. Люди хотят мира. Но нам пришлось заплатить за мир человеческими жизнями.

11 сентября 1939 года

Сегодня утром мой отец уехал на службу в Польшу вместе со своим полицейским отделением.

Моя сестра пережила первый воздушный налет англичан на острове Вангероге в Северном море.

Мы с матерью остались одни в нашем доме в Хамельне — в «крысиной норе». Здесь удивительно тихо. Скоро уеду и я. Война в Польше подходит к концу. Мы уже можем, наверное, надеяться, что наша семья соберется к Рождеству после разлуки.

Я хотел узнать подробнее о дате моего отъезда, но не получил внятного ответа — одни туманные обещания. Не знаю почему, но мне хочется побывать на настоящей войне.

27 сентября 1939 года

Через несколько дней после вступительных экзаменов я узнал, что принят. Учеба в школе закончена. Много раз я проклинал мою старую школу, но все-таки любил ее. Прощай, родная школа, прощай, старый добрый доктор Тробитиус. Все-таки он простил мне то, что я пропускал его уроки, долго жал мне руку, желая удачи в жизни и на службе. Вчера я узнал о смерти двух моих одноклассников. Оба погибли в бою при Радоме.

30 октября 1939 года

Сегодня я наконец-то получил повестку о призыве в военно-воздушные силы. Мне надлежит 15 ноября прибыть в расположение 11-го тренировочного полка, расположенного в Шенвальде, недалеко от Берлина.

Война в Польше продолжалась чуть больше месяца. Сравнительно небольшая активность наблюдается на наших западных границах. В операциях задействована только авиация. Я с огромным нетерпением жду первого боевого вылета.

13 ноября 1939 года

Медленно тянутся дни, сливаясь в недели, а меня терзает нетерпение. Всего через два дня я стану солдатом.

Мой последний день дома. Мать предпочитает не говорить о моем отъезде. Я знаю, что ей будет трудно остаться одной.

14 ноября 1939 года

Сегодня днем я покинул Хамельн. «Все будет хорошо», — сказала мать. Они с Аннелиз провожали меня, махали мне, когда поезд

стал отходить.

Это была моя последняя ночь как гражданского человека, я провел ее в Берлине, шум и суета большого города меня утомили.

15 ноября 1939 года

В 15.15 я прибыл на аэродром Шеневальд, где располагается 11-й учебный полк, и доложил дежурному 4-го батальона. Отныне я на военной службе. На складе мне выдали брюки, которые болтались на мне, тесный мундир, пару невероятно тяжелых сапог и стальную каску, которая была мне очень мала.

Я рискнул робко намекнуть насчет каски, но сержант-квартирмейстер резко оборвал меня. «Заткнись! — рявкнул он. — Каска как раз впору. Ты слишком много о себе воображаешь».

С этого момента я смотрел на все широко раскрытыми глазами. Все приказы должны выполняться бегом. Казарма напоминает муравьиную кучу. Все носятся в разные стороны, доносится эхо приказов, топот тяжелых кованых сапог гремит по коридорам и лестничным площадкам — солдаты, солдаты, солдаты везде. В этом странном и страшном мире я почувствовал себя одиноким.

24 декабря 1939 года

Сочельник. Война давно должна была закончиться. Первый раз я встречаю сочельник вдали от дома. Там, наверное, уже выпал снег, а у нас несколько дней идет дождь. Наша подготовка в самом разгаре, тренировки просто изматывают. Каждый день однообразная, рутинная работа: занятия на плацу, маршировка, маневры, огневая подготовка, физические упражнения, занятия в аудитории, хозяйственные обязанности, смотры и т. д.

Я снова убедился в том, что отнюдь не вундеркинд. В самом деле, я уже так долго хожу в сержантах, что решил, если я когда-нибудь буду аттестован как офицер, то уволюсь со службы и откажусь от рождественских подарков на семь лет. Во время бесконечной муштры я представляю, как заеду прикладом по голове этому умнику.

Я смертельно устал. Завтра вечером заступаю в караул, зато на следующий день могу поспать лишний час. Этот час — лучший рождественский подарок для меня.

26 декабря 1939 года

Сегодня у нас бокс. Нам запрещено выходить из лагеря. Я перелез через забор, увидев девушку, которая сказала, что ищет брата. Поспрашивал ребят, но не нашел его, поскольку было уже темно. Мы несколько часов погуляли в лесу, я поцеловал ее. Она хотела вернуться, чтобы узнать, может ли она встретиться с братом в

воскресенье. Возможно, мне удастся поцеловать ее еще раз. Хочу посмотреть, как она выглядит при дневном свете. Если бы сержант или караульные увидели, что я перелез через забор, я получил бы три дня гауптвахты.

1940

31 января 1940 года

8 января я зачислен в Военную академию. Здешняя жизнь — совсем не пикник у озера Монотонная муштра на плацу в лучших прусских традициях, но я уже привык к этому. «Здесь вы станете твердыми, — твердят они, — твердыми, как сталь Крупна. Каждый, кто даст слабину, будет отчислен».

Наша жизнь — это переходы от занятий на плацу к занятиям в аудиториях. Нам приходится штудировать учебники даже в казармах, часто до поздней ночи. У нас первоклассные инструкторы, офицеры, сержанты, технические работники, они передают нам всесторонние знания по таким дисциплинам, как тактика воздушного и наземного боя, авиация, инженерное дело, артиллерийское дело и метеорология. Вдобавок мы проходим курс для младшего командного состава.

Сейчас мы ждем, когда погода станет устойчивой, — тогда начнутся тренировочные полеты.

17 февраля 1940 года

В 13.50 я совершил мой первый полет на «Фокке-Вульфе-44» — учебном биплане с двойным управлением (идентификационные буквы TQVZ) с инструктором Ван Дикеном.

23 февраля 1940 года

За последнюю неделю я совершил 35 полетов. Земля покрыта глубоким снегом, поэтому к самолетам приделаны лыжи.

Тридцать шестой полет — проверочный: со мной летит старший лейтенант Волль, старший инструктор курса. Он совсем не в восторге от моих действий.

1 апреля 1940 года

Я уже совершил 83 тренировочных полета. Старший лейтенант Волль экзаменовал меня на последних двух. «Это нельзя назвать приземлением — чуть лучше, чем контролируемое падение», — покачал он головой.

Вдобавок я потерял управление, заходя на посадку. Самолет полностью вышел из повиновения, и от безнадежности суетливо дергал за штурвал.

Я поздно понял, что мы вошли в штопор, и чуть было не врезался в церковь, стоявшую неподалеку. Волль схватил штурвал и взял управление на себя, йотом повернулся ко мне: «Вы что, хотели сделать мою жену вдовой? Идиот несчастный!» — прокричал

он.

Мне дан еще один шанс, определенно последний, после того как я совершу еще десять учебных полетов с Ван Дикеном. Курсанты, которые провалили летный курс в Военной академии, отправляются в войска ПВО. Это очень неприятная перспектива.

2 апреля 1940 года

Сержант Ван Дикен (Van Diecken) принял меня сегодня на десять заключительных полетов. Остальные курсанты уже давно летают одни. Завтра я сдаю последний раз тест старшему лейтенанту Воллю.

В группу под руководством инструктора Ван Дикена входят, кроме меня, еще три курсанта: Гайгер,[1] Менапасе[2] и Хайн, мы живем в одной комнате.

Гайгер родом с севера Германии, замкнутый, но очень энергичный. Его отец — простой рабочий. Он получил право учиться в «Школе Адольфа Гитлера», и это был прекрасный шанс для такого способного мальчика. Поступив в вуз, он получил право быть аттестованным как офицер.

Менапасе и Хайн (Hain) — австрийцы. Оба родом с гор Тироля. Сепп Менапасе — лучший летчик из нас. Кажется, он управляет самолетом инстинктивно. Низкий, смуглый и очень выносливый — настоящий хищник. Он робок и неуклюж в отношениях с окружающими, на земле движения его мускулистого тела напоминают работу автомата, но в воздухе он чувствует себя как дома, двигаясь осторожно, по-кошачьи. Природные данные позволяют ему управлять самолетом так, словно он занимался этим всю жизнь.

Хайн стал летать один после сорокового полета с нашим инструктором. Все трое наблюдали мои последние приземления и подбадривали меня. Даже Гайгер процедил: «У тебя все будет хорошо».

3 апреля 1940 года

Ровно в 13.00 я первый раз полетел один.

«При посадке самолет лучше выровнять на десять метров выше, чем на метр ниже земли!» — прокричал мне на прощание старший лейтенант Волль (Woll), перекрыв шум двигателя, и с сардонической ухмылкой отступил назад.

Я пристегнул ремень безопасности. Постепенно прибавлять скорость, движение вперед, когда возрастет скорость — штурвал на себя. «TQVZ» практически взлетел сам, и я оказался в воздухе раньше, чем кончилась взлетная полоса. Кончики крыльев задрожали, в динамике прозвучало предупреждение: «Осторожно! В

воздухе курсант, он совершает свой первый самостоятельный полет. Будьте внимательны, если вам дорога жизнь».

За несколько минут я облетел аэродром. Напряжение постепенно ушло, и я начал расслабляться. Не нужно большого напряжения, чтобы держать самолет в повиновении. Я посмотрел вниз и увидел тени облаков, несущиеся по земле. Я действительно лечу, свободный, как птица!

Пора на посадку. Я начал снижаться, земля устремилась мне навстречу. Сбросить скорость, выровнять машину, сейчас помягче, касание! Я на твердой земле, и даже самолет цел.

Моя первая посадка была далеко не блестящей, следующие четыре тоже оказались далеки от совершенства, хотя были лучше, чем первая. Но по крайней мере, я не сломал шасси.

10 мая 1940 года

На западе наша армия начала наступление на Францию, но я боюсь, что не успею поучаствовать в этой операции.

16 мая 1940 года

Несколько недель устойчивой хорошей погоды позволили нам усовершенствовать наши летные навыки. Я уже совершил около 250 полетов. Теперь нас обучают технике высшего пилотажа на «Фокке-Вульфе-44» и «Бюкер-Юнгмане». Мы осваиваем боевые самолеты: устаревшие истребители и самолеты ближней разведки типа «Арадо-65» и «Арадо-68» и «Хейнкель-45», «Хейнкель-46». Мы летаем на «Юнкерсе W-34», на котором Коль и Хюне-фельд перелетели Атлантику, и на специальном «Фокке-Вульфе Вайе», предназначенном для дальней навигации. Вчера я летал в Восточную Пруссию на древнем «ГО-145», и у меня заглох мотор. Отказал основной канал подачи топлива. Я летел на высоте всего лишь 150 метров, и у меня было не очень много шансов найти подходящее место для экстренной посадки. Я приземлился на вспаханное поле. Шасси снесло, самолет перевернулся, я вылез из-под обломков, стирая с головы кровь.

Я вынужден возвращаться на поезде. Голова основательно перевязана. Глядя на меня, пассажиры, очевидно, думают, что я ранен в боях во Франции. Мне было бы стыдно признаться, что я всего лишь приземлился, уткнувшись в землю носом.

19 мая 1940 года

Кажется, неудачи преследуют меня. Сегодня у меня опять отказало шасси, когда я заходил на посадку в Альтдамме (Altdamm). Дул сильный ветер, и мой старый «KL-35» не выдержал.

Я снова был вынужден вернуться на поезде.

16 августа 1940 года

Я получил удостоверение пилота, период учебных полетов закончен.

1 июня мне присвоено звание капрала.

Война тем временем продолжается. Франция капитулировала в июне. Французская армия не смогла противостоять высокому боевому духу и современному техническому оснащению немецкой армии. Они пользовались давно устаревшим вооружением; часть тяжелой артиллерии была задействована еще в Первой мировой войне.

Британские подразделения, по-видимому, остались более или менее невредимыми, несмотря на то что они потеряли много техники в Дюнкерке. Искусные маневры высшего британского командования позволили большинству английских частей вернуться домой без ощутимых потерь. Воздушные силы Германии явно упустили прекрасную возможность разбить англичан, упустив их в Дюнкерке.

Британия, кажется, недостаточно хорошо вооружена для участия в войне, и Королевские военно-воздушные силы проводят свои операции на сравнительно низком уровне. Я не понимаю, почему мы не использовали наше преимущество в воздухе над англичанами — это означало бы конец войны.

Авиация Франции также не могла принять достойное участие в боях. Во Франции, как и в Польше, немецкие военно-воздушные силы еще раз продемонстрировали свое преимущество в технике и выучке личного состава. Это не значит, что английским и французским летчикам недоставало храбрости в воздушных боях, просто они имели не столь хорошие технические возможности.

Такую быструю капитуляцию Франции я воспринял как должное, вследствие низкого боевого духа французской армии (французские офицеры впоследствии с горечью говорили об этом). Французские солдаты 1940 года были не похожи на тех, которые столь храбро и упорно сражались, защищая каждую пядь земли своей родины в Первую мировую. Последние 20 лет Франция безмятежно почивала на лаврах Версальского договора. Каждая победа таит в себе опасность подобной безмятежности.

Настроения в Германии радужные, может быть, даже слишком.

26 августа 1940 года

Я стану летчиком-истребителем.

Несколько дней назад пришли приказы о переводе Менапаса и меня в школу летчиков-истребителей № 1 в Вернойхене. Сегодня днем мы совершили наш первый полет на боевых «AR-68». Наш инструктор — сержант Куль, который отличился в боях в Польше

и Франции. Конечно, его опыт бесценен. От волнения у меня даже выступила испарина, когда мы приземлялись.

Продолжается и наша общая военная подготовка. Мы изучаем базовую тактику воздушного боя.

Начальник нашего училища — полковник, граф Хувальд, служил в знаменитой эскадрилье «Рихтхофен» во время Первой мировой войны. Главный инструктор — майор фон Корнацки.[3] До недавнего времени он был заместителем рейхсмаршала Геринга. Каждый из офицеров и инструкторов опытный боевой в прошлом летчик.

12 октября 1940 года

Я надеялся, что меня отправят в действующие части в этом месяце. К несчастью, наши тренировки отстают от расписания из-за плохой осенней погоды.

Сейчас мы занимаемся очень интенсивно. В последнее время каждую неделю происходят одна или две катастрофы в нашей группе. Сегодня разбился сержант Шмидт.[4] Он был из нашей пятерки.

Несколько дней мы проходили теоретический курс подготовки к полетам на «Мессер-шмитте-109», он очень сложен в управлении, очень опасен поначалу. Мы уже можем повторить каждое движение даже во сне.

Этим утром мы выкатили из ангара первый «109-й» и подготовились к полетам. Мы бросили жребий, решая, кому лететь первым. Выпало сержанту Шмидту. Он взлетел на большой скорости, такая поспешность может привести к аварии на взлете, если не соблюдать осторожность. Преждевременная попытка набрать большую высоту могла привести к тому, что самолет стремительно войдет в штопор. Я видел это много раз, чаще всего это заканчивалось смертью пилота.

Шмидт пошел на посадку, совершив один круг над аэродромом, но неверно выбрал скорость. Она была выше той, к которой он привык, поэтому Шмидт не попал на взлетную полосу. Он зашел на посадку снова, но опять неудачно. Мы начали волноваться — было видно, что Шмидт потерял хладнокровие. Он поднялся и совершил последний разворот, перед тем как заходить на посадку, когда машина заглохла из-за слишком низкой скорости, потеряла управление и, рухнув на землю, взорвалась в пятистах метрах от начала посадочной полосы. Мы как безумные рванули к месту катастрофы. Я подбежал первым. Шмидта вышвырнуло из кабины, и он лежал в нескольких метрах от обломков самолета. Весь в крови, он кричал как дикий зверь. Я наклонился над телом моего товарища и увидел, что у него оторваны обе ноги. Я при-

поднял его голову. Его крики привели меня в ужас, кровь текла по моим рукам. Я еще никогда не чувствовал себя таким беспомощным. Потом крики прекратились, и наступила еще более страшная тишина. Когда подбежал Куль вместе с остальными, Шмидт был мертв.

Майор Корнацки приказал немедленно возобновить полеты, и менее часа спустя другой «109-й» выкатился из ангара. Теперь наступила моя очередь.

Я зашел в ангар и смыл с рук кровь. Затем механики затянули мне ремень безопасности и отбуксировали мой самолет к взлетно-посадочной полосе. Мое сердце бешено колотилось. Даже оглушительный грохот двигателя не мог заглушить предсмертных криков Шмидта, раздающихся в моих ушах. Еще до взлета я заметил на моем комбинезоне большие темные пятна крови. Я испугался. Меня охватил дикий, парализующий страх. Единственное, что меня утешало, — это то, что никто не видит, как я напуган.

Я несколько раз облетел аэродром и постепенно успокоился, ко мне вернулось хладнокровие. В конце концов я настолько овладел собой, что смог пойти на посадку. Все прошло хорошо. Я еще раз взлетел и снова посадил самолет, потом проделал то же самое в третий раз.

Слезы стояли у меня в глазах, когда я откинул крышку кабины и снял шлем. Спрыгнув с крыла, я не мог остановить трясущиеся колени.

Неожиданно передо мной вырос Корнацки. Суровый взгляд стальных глаз сверлил меня насквозь.

— Вам было страшно?

— Да, господин Корнацки.

— Вам лучше скорее привыкнуть к этому, если хотите участвовать в бою.

Мне было очень стыдно. Лучше бы я провалился сквозь землю.

14 октября 1940 года

Этим утром я в числе других кандидатов из сержантского состава участвовал в траурной церемонии похорон сержанта Шмидта.

Позже вечером над летным полем опять случилась катастрофа: столкнулись самолеты. Два курсанта, совершающие второй полет, погибли мгновенно. И снова я оказался среди тех, кто первым прибыл на место катастрофы, и вытащил из-под обломков тело одного из пилотов. Его голова превратилась в бесформенное месиво.

При таких обстоятельствах меня скоро перестанет пугать вид окровавленных останков летчика, лежащего среди обломков са-

молета.

15 октября 1940 года

Замечательный день 1 октября 1940 года мне присвоено звание прапорщика военно-воздушных сил.

17 октября 1940 года

Вернойхен расположен совсем недалеко от Берлина, и я завел привычку проводить каждые выходные в большом городе. Обычно я останавливаюсь в маленьком отеле недалеко от Фридрихштрассе. Быстро обследовал все кабаре и бары, расположенные недалеко от зоопарка, на улицах Курфюрстендамм и Фридрихштрассе, рядом с музеями, театрами и прекрасными зданиями на Унтер-ден-Линден и в Лустгартене. На выходные я возвращался в город, где царило неистощимое веселье. Каждый раз погружался в водоворот развлечений большого города, блеск которого еще не затронула война.

Мой девиз: «Живи и учись у жизни».

У меня еще никогда не было достаточно денег с тех пор, как я приехал в Вернойхен.

8 ноября 1940 года

Получен приказ:

«Прапорщики Хардер, Хоип и Кноке, сержант Куль, инженер капрал Хензе должны отправиться в Мюнстер (аэродром Лодденхайде) на самолете „Юнкерс-160 СЕКЕ“ с целью получения и доставки в Вернойхен трех самолетов „Мессершмитт-109“».

«СЕКЕ»[5] — новейшая модель транспортного самолета. Из-за плохой погоды мы отложили взлет до 10 часов.

В воздухе мы не смогли убрать левое шасси, поскольку сломался вал. За штурвалом Куль. Мы летим низко — высота от 30 до 60 метров. Бортмеханик пытается произвести ремонт прямо в воздухе, и приблизительно через двадцать минут ему удается исправить положение. Затем мы поднимаемся на высоту 200 метров. Куль передал управление мне, а сам пошел отдыхать в уютный салон, к Хоппу и Хардеру.

Я сделал крюк к югу от Берлина и полетел вдоль оживленной дороги на запад. Слева от меня за пеленой тумана виднеются радиомачты передатчика в Кенигвустерхаузене (Konigswusterhausen). Высота 350 метров.

Что-то случилось с двигателем: упало давление подачи топлива. Я больше не могу сохранять эту высоту. Мотор кашлянул, зашипел и замолк.

— Держитесь крепче — аварийная посадка! — крикнул я в салон.

Позади меня бортмеханик закрыл лицо ладонями. Под нами густой лес, слева радиомачты, а справа крошечное поле размером с почтовую марку — это наш единственный шанс.

Слишком поздно я заметил впереди линии электропередач. Это конец. Куль побледнел как полотно.

Я дернул штурвал на себя, и самолет устремился вверх, чудом не задев провода, мы прошли всего в нескольких сантиметрах от них. Затем машина снова стала падать, и ветер засвистел в ушах.

И вот удар!

Три огромных дерева с треском переломились, как спички, левое крыло отвалилось, самолет с глухим звуком рухнул на землю, пронесся еще более 30 метров, круша все на своем пути.

Куля бросило на приборную доску, он ударился головой.

Наступила тишина — могильная тишина, нарушаемая только шумом топлива, вытекающего из пробитых баков.

Куль лежал без сознания, весь окровавленный. Кажется, его основательно приложило. У меня течет кровь из раны на голове. Я хотел открыть крышу кабины, но ее заклинило, как и дверь кабины. Запах керосина сводит меня с ума. Мы в смертельной ловушке — если баки взорвутся, мы сторим заживо. В отчаянии я начал бить кулаками по плексигласовому стеклу.

Неожиданно я увидел лица Хоппа (Hopp) и Хардера (Harder), вглядывающихся внутрь. Они разбили стекло. Мы вытащили Куля (Kuhl) и бортмеханика и положили их на траву. Они были живы. Я попытался оказать первую помощь. Хопп и Хардер отправились за подмогой.

Рана на моей голове оказалась легкой.

Я снова вынужден возвращаться на поезде.

18 декабря 1940 года

Три тысячи будущих офицеров сухопутных войск, военно-морского флота, военно-воздушных сил и элитных подразделений СС собраны в берлинском Дворце спорта в ожидании прибытия фюрера и главнокомандующего вооруженными силами. Три тысячи молодых, увлеченных солдат, практически завершивших период обучения, через несколько месяцев должны быть в качестве офицеров направлены на фронт. Я — один из них.

Гитлер будет говорить с нами.

Первым из командующих этими тремя родами войск прибыл рейхсмаршал Геринг. Он и члены его штаба расселись на широкой сцене. Один из курсантов школы военно-воздушных сил — высокий, худой юноша с бледным и нервным лицом — был пред-

ставлен ему лично. Курсанта зовут Ханс Иоахим Марсель, он уже имеет Железный крест первой степени. Получил эту высокую награду в битве в Англии как самый молодой летчик-истребитель в германских военно-воздушных силах. (Через два года ему вручат высшие награды Германии за героизм, он станет самым знаменитым летчиком-истребителем в африканском корпусе, его больше всего будут бояться вражеские летчики.) Прошло несколько минут, и мы вскочили, повинувшись приказу. «Идет фюрер!» Руки взметнулись в молчаливом приветствии. Я увидел его, идущего по центральному проходу к сцене, в сопровождении фельдмаршала Кейтеля и адмирала Редера. Абсолютная тишина воцарилась на несколько минут в огромном зале. Это был торжественный момент. Гитлер начал говорить. Думаю, что мир не знал более блестящего оратора. Магнетизм его личности был неотразим. Весь зал пронизывало излучение его невероятной силы воли и могучей энергии.

Нас было 3000 юных идеалистов. Мы слушали его заманчивые речи и воспринимали их всем сердцем. Никогда до сих пор мы не испытывали такого взрыва патриотических чувств. Здесь и сейчас каждый из нас поклялся посвятить жизнь сражению за родину, ожидавшему нас впереди. (В последующие годы наша готовность к высоким жертвам была проверена. Большинство из этих 3000 погибли в боях на суше, на море и в воздухе.) Это событие глубоко затронуло меня. Я никогда не забуду выражение восторженного экстаза, которое было написано на лицах окружающих меня людей.

19 декабря 1940 года

Сегодня получен приказ о моем назначении в авиакрыло № 52. Я должен прибыть в распоряжение резервной эскадрильи авиакрыла в Крефельде 2 января, а до этого дня получил отпуск.

1941

2 января 1941 года

— Курсант Кноке прибыл в расположение 52-го истребительно-го авиакрыла из Первой истребительной школы, согласно распоряжению от 2 января 1941 года.

Меня определили в первое звено. Старший лейтенант Ольшлегер (Ohlshlager), мой командир, поздоровался со мной без всякого энтузиазма. Вяло пожал мне руку. У него распухшее лицо с глазами навывкате, как у лягушки. Я сразу почувствовал инстинктивную неприязнь к этому человеку.

В комнату вошел маленький лейтенант, выглядевший как школьник. Я представился; он понравился мне не больше старшего лейтенанта — очень заносчив. Я не знаю, почему у него нет никаких наград. Он похож на одного из тех, кто промочит штаны в первом же бою.

Эскадрилья, к которой я приписан, относится к резерву авиакрыла. Она состоит из двух звеньев и штаба. Новые пилоты назначаются сюда из тренировочных школ для того, чтобы окончательно усовершенствовать свои навыки перед тем, как отправиться в бой. Их направляют в боевые части по мере необходимости.

Курсантов здесь чуть больше. Нас, наверное, не отправят в действующие войска до того, как мы будем аттестованы лейтенантами. Наша офицерская подготовка продолжается. Эта бесконечная муштра надоела мне до смерти. К дьяволу все это — я хочу в настоящий бой!

Мне здесь не нравится.

10 февраля 1941 года

Наша эскадрилья переведена на юг Франции. К нашему удивлению, мы оказались в провинции Коньяк. Мы расположились на бывшей базе военно-воздушных сил Франции. Все сооружения и оборудование, которое мы там обнаружили, оказались примитивными, взлетно-посадочная полоса тоже не из лучших.

Старый город сер и уныл, но известен на весь мир. Название говорит само за себя, кроме того, мы утешаемся бутылками с известным напитком, которых здесь в изобилии.

1 марта 1941 года

Мне присвоено звание старшего прапорщика. Я был бы более счастлив, если бы меня отправили в боевую часть.

После окончания Французской кампании война в воздухе приобрела главное значение в войне. Наши наблюдения показали, что германские военно-воздушные силы очень успешно действуют над Ла-Маншем и над территорией самой Англии. Жестокая борьба в воздухе продолжается между двумя державами несколько последних месяцев.

Но факт остается фактом — победа в битве над Англией осталась за летчиками Королевских военно-воздушных сил. Англичане, наши противники, проявили себя стойкими и очень благородными бойцами. Бои английских летчиков составили блестящую главу в истории воздушных боев.

Когда верховное командование Германии полагает, что последний из отчаянно сражающихся безумцев сбит, день за днем, неделя за неделей наши бомбардировщики и истребители встречают в воздухе еще больше противников, не боящихся участи огромного числа предшественников, которые погибают каждый день.

Наша неудача при попытке установить господство в воздухе, необходимое для вторжения, — заслуга английских летчиков, результат их смелости и решительности. В конечном счете благодаря им вторжение Германии на Британские острова было предотвращено.

«Спитфайры» доставляют много проблем нашим войскам благодаря их маневренности и технической оснащенности. «Внимание: „спитфайр“!» Немецкие летчики становились особенно внимательны, когда слышали это предупреждение в наушниках. Мы считали, что сбить «спитфайр» — большое достижение, и это было действительно так.

Мне очень интересно, что будет, если я встречу с моим первым «спитфайром». Сейчас все спокойно, даже над Ла-Маншем.

Битва за Англию, кажется, закончилась, и закончилась поражением.

7 марта 1941 года

Я снова в Германии.

Эскадрилья расположилась в Деберлице, недалеко от Берлина, мы входим в состав иод-разделений, обеспечивающих защиту столицы с воздуха. Томми появляются только по ночам.

8 марта 1941 года

Следующую неделю я провел в Берлине. Вчера встретил свою давнюю, еще со времен Вернойхена, подругу, и мы провели вместе несколько счастливых часов.

Я не мог даже предположить такого, но изменить ничего не могу: кажется, я влюбился в Лило. В этом виноваты томми. На

улице меня застал налет, и я вынужден был идти в убежище. Собралось много людей, и я уступил половину моего сиденья поразительно красивой девушке. Она была весьма сдержанна и оттаяла только к тому моменту, когда прозвучал отбой и нам разрешили выйти. Прошло много времени, прежде чем она позволила мне увидеть ее снова.

И надо же мне было влюбиться в нее!

24 марта 1941 года

Сегодня я и Лило были помолвлены. Думаю, мы сможем пожениться осенью, при условии, что я получу разрешение отдела кадров. Сегодня еще и мой день рождения. Мне исполнилось 20 лет. Слишком молод, чтобы жениться, по мнению старшего лейтенанта Ольшлегера.

«Лучше дождитесь конца войны», — советует он. Но война может тянуться 30 лет, и я, наверное, уже не решусь жениться в таком возрасте. В любом случае я не хочу ждать так долго.

Ольшлегер советует мне подождать, но я понимаю, чего он добивается на самом деле. Он крутится вокруг Лило, как мотылек возле пламени, и все может закончиться очень неожиданно, если он будет продолжать в таком же духе.

25 апреля 1941 года

«ИМЕНЕМ ФЮРЕРА

Я присуждаю старшему прапорщику ХАЙНЦУ КНОКЕ звание ЛЕЙТЕНАНТА с 1 апреля 1941 года.

Я подтверждаю это назначение в полной надежде на то, что сознательным отношением к исполнению своих обязанностей в соответствии с присягой доверие, оказанное Комиссией вышеуказанному курсанту, будет оправдано. Он, со своей стороны, имеет право на особое покровительство фюрера.

Берлин, 22 апреля 1941 года

Геринг, рейхсминистр авиации,

Главнокомандующий Военно-воздушными силами».

Этот документ вручил мне сегодня командующий, вместе с кинжалом офицера.

Итак, первая цель достигнута. Если бы еще получить назначение в боевое подразделение...

22 мая 1941 года

До встречи, Лило, любовь моя!

Поезд отходит от платформы Силезского вокзала в Берлине. Вагоны переполнены, но Лило каким-то образом пробилась к окну. Мы махали друг другу, пока поезд не отошел от платформы.

Она останется с моими родителями.

Военный эшелон в Шербур стоит на соседней платформе, он отправляется через несколько минут. Это мой эшелон: приказ о назначении на фронт лежит у меня в кармане.

23 мая 1941 года

2-я эскадрилья 52-й истребительной авиагруппы расположена в Остенде. Я разыскал штаб, расположенный на восточной стороне аэродрома и доложил командующему, капитану Войтке. Это человек громадного роста и габаритов, он с такой силой пожал мне руку, что у меня потемнело в глазах. Это приятно удивило меня после дремотного Ольшлегера.

Войтке пригласил меня выпить бренди в его квартире. Мне нравится этот гигант. Он опытный кадровый офицер и прекрасный летчик. Носит Железный крест первой степени на поношенном мундире. В боях в Англии он сбил 15 английских самолетов, но большей части «спитфайров».

Через полчаса он отвез меня на своей машине в 6-ю эскадрилью, куда я был назначен Я четвертый офицер в эскадрилье. Командир моей эскадрильи старший лейтенант Рех (Rudolf Resch). Как и командующий, лейтенанты Баркхорн и Ралл[6] тоже имеют Железные кресты. Лейтенант Крупински находится здесь всего неделю, мы служили вместе в резервной эскадрилье с января. Остальные летчики — опытные сержанты, прекрасные парни, отлично знающие свое дело. Они подозрительно смотрят на меня краем глаза, кажется, они не очень высокого мнения о молодых лейтенантах. А когда узнали, что я не играю в карты, стали полностью меня игнорировать. В такие времена звания и нашивки не стоят и гроша.

Главный механик показал мне закамуфлированный ангар с моим самолетом, «Мессершмиттом-109Е», и усмехнулся: «Не лучшая машина, но летать на ней можно». «Неплохо для такого старья» — так он думает на самом деле.

Через час я поднялся в воздух, чтобы немного освоиться на моей колымаге. Приземлялся я ужасно. Сейчас понимаю, что даже рядовые солдаты косятся на меня. Кажется, я не вызываю здесь особого доверия, что не слишком воодушевляет.

Вечером меня подняли на учебный полет с командующим. Кажется, он доволен.

24 мая 1941 года

Подъем в 4 часа утра.

Командир привез нас на аэродром на своей машине. В мой самолет загружен полный боекомплект. Я завершаю проверку

двигателя.

«Всем пилотам докладывать о готовности командиру!»

Старший лейтенант Рех дает задание на сегодняшний день. Эскадрилья должна выполнить два патрульных полета над южным побережьем Англии. Первый полет в 8.00, второй в 17.00. В остальное время все пилоты должны находиться в состоянии пятиминутной готовности на случай тревоги. Четыре самолета должны быть постоянно готовы к взлету.

Это мой первый вылет, в составе 3-го звена под командованием лейтенанта Баркхорна. Я должен следовать в позиции номер 4, ведомым унтер-офицера Грюнерта.

После совещания все пошли спать, развалившись в креслах и на диванах в ожидании завтрака. Я вышел наружу, слишком возбужденный, чтобы заснуть, шагал между самолетами, пока не надоело. Вернувшись в казарму, я попытался читать. После десяти вылетов я, наверное, буду спать так же, как и остальные ребята.

В 7.00 появился ординарец с двумя корзинами. Завтрак! Я вдруг понял, что голоден.

В 7.50 старший лейтенант Рех надел спасательный жилет.

— Подъем, ребята! Всем на выход!

Самолеты выкатили из ангаров. Моя машина стоит в дальнем конце летного поля, рядом с самолетом унтер-офицера Грюнерта (Grunert).[7] Он бродил около него и зевал.

— Кноке, если мы ввяжемся в бой, держитесь рядом со мной, что бы ни случилось, а то «спитфайр» наделает дырок в ваших штанах.

7.55. Я застегнул лямки парашюта, механик помог мне пристегнуться.

7.58. Я очень взволнован. Командир поднял руку. Люк закрыт. Контакт! Взревели двигатели. Мы медленно едем через поле. Спустя несколько минут эскадрилья уже в воздухе.

Рех сразу же поворачивает к морю. Видимость плохая, облака на уровне 150 метров. Через несколько секунд земля скрылась из виду. Горизонт едва различим. Я увеличил скорость, поскольку моя колымага отстает от остальных.

Мы направляемся на запад, держась низко над водой. Море спокойно. Нет никаких признаков кораблей или самолетов. Мы поддерживаем тишину в эфире. Слышен только монотонный гул двигателя.

Вдали смутно замаячила серая тень: побережье Англии. Мы пересекаем границу.

Рех несколько минут ведет нас вдоль железной дороги по направлению к Кентербери. Никакого движения. Люди, задрав го-

ловы, смотрят на нас, несомненно принимая за «спит-файры», поскольку туман мешает как следует нас разглядеть.

Неожиданно мы натолкнулись на огонь зениток слева. Трассирующие снаряды оранжевого цвета сливаются в линию, кажется, эти жемчужные ожерелья исчезают за нами в облаках.

Командир заложил вираж и спикировал к земле, я не заметил, какую цель он атакует. Мой ведущий тоже спикировал к земле, открыв огонь. Я разглядел, что он атакует позицию зенитной пушки, обложенной мешками с песком. Зенитные снаряды сверкнули прямо передо мной. Грюнерт зашел на вторую атаку. Я прицелился и проверил оружие. Огонь становился все плотнее, сверкая на сером фоне облаков.

Мне не удалось выйти на удобную огневую позицию, поскольку я мог потерять из виду Грюнерта. В любой момент «спитфайры» могли появиться из тумана и атаковать нас.

Эскадрилья выстроилась в прежнем порядке и направилась на восток, оставляя позади зарево пожаров. Я так ни разу и не выстрелил и чувствую себя полным идиотом. Правда, я был слишком взволнован, чтобы попасть в цель: мне нужно учиться сохранять спокойствие.

На севере, в Рамсгейте и Маргейте, находятся аэродромы, где базируются истребители. Мы не встретили ни «спитфайры», ни «харрикейны». Может быть, они на подходе? Я нахожусь в самом конце строя, а здесь сразу становится очень жарко. Особенно это касается новичков, если они волнуются так же, как и я, то...

9.14. Посадка в Остенде. Я доложил командиру.

— Так, что вы увидели? — спросил он. — Попали в кого-нибудь?

— Нет, господин Грюнерт.

— Почему?

— Я не стрелял совсем.

Рех засмеялся и сказал, похлопывая меня по плечу:

— Не расстраивайся, в следующий раз будь внимательнее. Рим тоже построили не сразу.

В 17.05 мы полетели на второе задание.

В этот раз никому из нас не представилась возможность открыть огонь. Мы долго кружили над морем между Фолькстоуном и Дувром. Томми не летают в такую плохую погоду, а погода над островами была ужасная.

27 мая 1941 года

Небо над Ла-Маншем последние два дня покрыто тяжелыми облаками. С обеих сторон не наблюдается никакой активности.

Сегодня мы можем организовать атаку аэродрома англичан недалеко от Рамсгейта. Из-за плохой видимости мы держимся на

очень низкой высоте.

Мы поднялись в воздух на первую атаку в 7.15. Грюнерт и я решили поджечь баки с горючим. Ни одного самолета не видно. Мы атаковали снова и снова, расстреливая все, что движется. Зенитки ответили редким огнем, но это нам не очень мешало. Несколько резервуаров с горючим уже горело к тому времени, когда нам пришла пора возвращаться.

Мы вернулись для второй атаки в 10.00. На этот раз я выбрал позицию зенитки на западном конце взлетной полосы. Зашел на атаку с высоты всего лишь 3 метров. Томми упорно сопротивлялись. Ленты трассирующих снарядов проходили совсем близко от меня, я же попадал только в мешки с песком. Я снова попытался атаковать. Грюнерт ожесточенно палил по закамуфлированному ангару, в котором заметил «харрикейн». Моя третья атака оказалась удачной: я увидел, как очередь из моей 20-миллиметровой пушки прошла по зенитке. Первый стрелок свалился с сиденья.

В наушниках раздалось: «Спитфайры!» Шесть или восемь вражеских самолетов приближались к нам с севера. Не совсем ясно представляя, что делать, я держался за Грюнертом. Началась схватка, продлившаяся несколько минут. Мои товарищи предупреждали друг друга об атаках томми. Грюнерт приказал мне держаться рядом с ним.

Мы находимся на высоте всего лишь нескольких метров. Левое крыло моего самолета едва не задевало верхушки деревьев, когда я развернулся вслед за Грюнертом. Прямо лад головой мелькнул «спитфайр», затем показался еще один, оказавшись ненадолго под моим прицелом, и я открыл огонь. Тот сразу же нырнул в облака.

— Попал! — закричал кто-то, кажется, Баркхорн.

Вражеский самолет упал на другой стороне дамбы.

Эти мерзавцы могут совершать невероятные маневры: казалось, нет никакой возможности захватить их в прицел. Грюнерт несколько минут пытался попасть по двум самолетам, летящим вплотную друг к другу, но им удалось увильнуть, скрывшись в низких облаках.

Горючее на исходе — нора возвращаться домой. Красный предупредительный огонек мог в любой момент появиться на приборах. То же самое было и у других.

Рех повернул на восток.

Когда мы приземлились в Остенде, оказалось, что нет сержанта Обауера.

28 мая 1941 года

Томми прибыли с ответным визитом, «Бленхеймы» и «спитфайры» совершали налеты весь день.

Они появились на рассвете, в 4.00, когда мы готовили самолеты к взлету. Несколько «харрикейнов» на бреющем полете атаковали наш ремонтный ангар.

Наши самолеты поднялись на перехват. К сожалению, моя машина не может взлететь — из-за неисправности в механизме я не могу убрать правое шасси.

В 18.30 я наконец поднялся в воздух вместе с Баркхорном, Крупински и Грюнертом. «Бленхеймы» в сопровождении «спитфайров» обнаружены недалеко от Дюнкерка. Наши зенитчики уже открыли огонь по ним — без всякого эффекта конечно. Зенитчики всегда очень важничают, когда им предоставляется шанс непрерывно палить в воздух. Они не любят, когда мы, летчики-истребители, говорим, что они никого не сбивают.

Мы поднялись на высоту 6000 метров. Небо совершенно чистое. Солнце с запада светит нам в глаза. Я заметил точку, показавшуюся мне вражеским самолетом, но это оказалось масляное пятно на стекле кабины. С базы поступил приказ двигаться в направлении Кале. Недалеко от нас замечены «бленхеймы». Чувствуя сильное возбуждение, я осматриваю небо.

Внезапно Баркхорн повернул в сторону, направившись туда, откуда мы прилетели. «Харрикейны» пристроились нам в хвост — это единственная позиция, которую я не мог наблюдать. Они попытались атаковать. Мы поднялись вверх практически вертикально, резко повернув влево, оказались у них в хвосте. Они стали удирать в сторону открытого моря, но у нас скорость выше, и через две минуты мы их настигли.

Разгорелся бой. Началась страшная неразбериха, мы крутились друг вокруг друга, как в бешеном водовороте. Я оказался в хвосте у томми и попытался удержаться. Он заметил меня и нырнул влево, в направлении солнца. Я бросился за ним, стреляя из всех стволов, но солнце слепило меня. Проклятие! Я попытался прикрыть глаза рукой, но это не помогло. Он скрылся. Я не мог сдерживать злости на самого себя.

Грюнерт пытается меня подбодрить. Я ответил, что очень плохо вижу и должен свернуть. Подумать только, я мог сбить свой первый самолет!

В следующий раз нужно взять солнечные очки.

30 мая 1941 года

«Патрулировать территорию Дувр — Эшфорд — Кентербери» — это наше следующее задание. «Молочное путешествие» — так называли его ветераны эскадрильи.

Погода облачная, видимость плохая. Мы поднялись в воздух на полтора часа и вернулись, не встретив ни одного вражеского самолета.

21 июня 1941 года

Три недели прошло с тех пор, как эскадрилья последний раз поднималась в воздух.

Сейчас мы базируемся в Сувальки, на бывшей базе польских военно-воздушных сил, недалеко от русской границы. Пикирующие бомбардировщики и истребители-бомбардировщики тоже расположились на этой базе.

Две прошедшие недели наши войска собирали все возрастающие силы вдоль восточной границы. Никто не знал, что происходит. Ходили слухи, что русские позволят нам пройти через Кавказ, чтобы захватить нефтяные месторождения Средней Азии и Дарданелл и взять под контроль Суэцкий канал. Посмотрим.

Вечером поступил приказ сбить рейсовый самолет Берлин — Москва. Командующий поднялся в воздух вместе со штабными летчиками, но они не смогли перехватить «Дуглас». Всю ночь мы строили догадки. Что значит операция «Барбаросса»? Таково было кодовое название необычайной военной активности на востоке рейха. Приказ о том, чтобы сбить русский «Дуглас», убедил меня в том, что мы на пороге войны с большевизмом.

22 июня 1941 года

4.00. Общая тревога для всей эскадрильи. На летном поле все в движении. Всю ночь я слышал гул танков и автомобилей. Мы всего в нескольких километрах от границы.

4.30. Всем летчикам приказано собраться в штабе эскадрильи на инструктаж. Командующий, капитан Войтке, зачитал специальное распоряжение фюрера вооруженным силам рейха на этот день.

Германия нападает на Советский Союз!

5.00. Эскадрилья поднялась в воздух и вступила в боевые действия.

Четыре машины нашего звена, включая мою, оборудованы механизмом для сброса бомб, и я прошел серьезную подготовку по бомбометанию за несколько прошедших недель. Теперь на фюзеляже моего доброго «Эмиля» установлено приспособление для бомбометания и 100 пятифунтовых бомб. Мне доставит большое удовольствие разбомбить грязных иванов.

Низко пролетая над широкими равнинами, мы видели нескончаемые колонны немецких войск, направляющихся на восток. Эскадрилья бомбардировщиков и пикирующих бомбардировщи-

ков летят неподалеку от нас в том же направлении. Перед нами поставлена задача атаковать русские штабы, расположенные в лесах к западу от Друскининкая.

На русской территории, к моему удивлению, все казалось погруженным в сон. Мы обнаружили русские штабы и на низкой высоте пролетели над деревянными постройками, но ни одного русского солдата не было видно. Спикировав на один из этих сараев, я нажал кнопку и открыл бомболюк. Я отчетливо ощутил, насколько легче стал самолет, освободившись от груза.

Остальные начали бомбить в то же время. Огромные массы земли взметнулись в воздух, и на некоторое время мы потеряли видимость из-за дыма и огромного количества пыли.

Одна из построек моментально загорелась. С автомашин сорвало маскировочные сетки, потом их перевернуло взрывной волной. Наконец, появились иваны. Они в замешательстве снуют туда-сюда, напоминая растревоженный муравейник. Мужчины в одних подштанниках в поисках укрытия устремились в лес. Я увидел легкие зенитки. Захватив их в прицел, открыл огонь из пулеметов и обеих пушек. Иван, стоявший у пушки в подштанниках, упал на землю.

Теперь следующий!

Снова зайдя на атаку, я поддал им жару. Русские быстро опомнились и открыли ответный огонь. Это еще больше раззадорило меня. Ну, стойте, мерзавцы!

Я сделал еще круг, чтобы атаковать.

Никогда еще я не стрелял так хорошо. Я спустился на высоту шести метров, едва не задевая верхушки деревьев, затем резко взмыл вверх. Мои иваны лежали на земле позади своей пушки. Один из них вскочил и бросился бежать в лес.

Я атаковал еще пять или шесть раз. Мы кружили над русскими как пчелиный рой. Горели уже почти все хибары. Я расстрелял грузовик, который тоже загорелся после первой же очереди.

5.56. Звено вернулось в полном составе.

На лицах летчиков сияли улыбки, когда они докладывали командиру.

Самолеты быстро заправлены, загружен полный боекомплект. По летному полю лихорадочно снуют люди и машины. Бомбардировщики вернулись с задания, они поддерживают сухопутные силы. Их пилоты тоже ликуют.

6.30. Всего лишь через 40 минут после приземления мы снова в воздухе. Наша цель — те же штабы, которые мы атаковали недавно. Мы уже издалека видим столбы дыма от горящих домов и спешим туда.

К этому времени собраны значительные силы ПВО, чтобы приветствовать нас. Это похоже на бои у Кентербери. Я опять поработал с зенитками Иванов. На этот раз я сбросил бомбы на огневую позицию. Грязь и пыль осели, и я увидел, что пушка разбита! Это избавит иванов от лишних забот.

Кажется, русские укрылись в лесу и спрятали свои машины. Мы начали методично обстреливать из пулеметов лес вокруг лагеря. В нескольких местах запылал огонь. Наверное, загорелись резервуары с горючим. Я расстреливал каждую цель, которую видел, пока не кончились патроны.

Мы вернулись в 7.20. И снова наше звено мгновенно подготовлено к вылету. Наземные службы работают четко и безошибочно. Мы помогаем им и даем подробное описание того, что происходит во время операции. На этот раз мы подготовили машины к вылету за рекордное время — 22 минуты. Мы взлетаем немедленно.

В лагере русских практически ничего не осталось. Мы атакуем любую цель, замеченную в близлежащем лесу. Я сбросил бомбы над последней постройкой, которая еще цела. Крупински сделал то же самое, разрушив то, что оставалось. Лагерь полностью ликвидирован.

После 48 минут полета мы возвращаемся на аэродром и рассредоточиваемся по летному полю. Берем короткую передышку и можем первый раз за весь день поесть.

Вскоре пришел новый приказ. Транспортные колонны русских замечены нашими разведывательными самолетами на шоссе Гродно — Житомир-Скидель-Щецин. Они отступают на восток, преследуемые по пятам нашими танками. Нам приказано поддерживать танки с воздуха.

Взлетаем в 10.07, вместе с бомбардировщиками. Они должны бомбить огневые позиции русской артиллерии в том же районе.

Вскоре мы достигли Гродно. Дороги забиты русскими войсками. Нам постепенно становятся понятны причины внезапной атаки, подготовленной нашим верховным командованием. Мы оценили подлинные объемы приготовлений русских для агрессии против нас. Мы только опередили их решительное наступление против Германии в борьбе за господство в Европе.

Этот день я никогда не забуду. Наши армии повсеместно продвигаются вперед, русские застигнуты врасплох. Наши солдаты машут нам, когда мы пролетаем над ними на низкой высоте. Скопления русских войск на дорогах подвергаются массированным бомбардировкам и пулеметному огню с воздуха.

Тысячи иванов стремительно отступают, это превращается в беспорядочное бегство. Когда мы открываем огонь, они, спотыкаясь и обливаясь кровью, пытаются скрыться в ближайших лесах.

После наших атак на дорогах остаются горящие автомашины. Моя бомба попала в повозку с лошадьми, везущими тяжелую пушку. Я рад, что не нахожусь там, внизу.

Мы поднялись в воздух в 20.00, в шестой раз за этот первый день. Не было никаких признаков авиации русских, и мы могли атаковать без помех.

23 июня 1941 года

Первый раз мы поднялись в воздух в 4.45. Снова работали по колоннам иванов. Утро холодное. Вчера я целый день обливался потом. Когда солнце поднимется выше, станет невыносимо жарко.

Авиация русских пока не появляется. До сих пор не замечен ни один русский самолет. Вечером мои приятели из 4-го звена рассказали о встрече с русскими истребителями недалеко от Гродно. Они говорят, что у иванов примитивные машины. Они тихходны, но удивительно маневренны.

Лейтенант Гюнтер Герхард, мой старый друг со времен летной школы, сбил русского в первый же день боевых действий. Гюнтер прибыл из резерва только вчера. Он прекрасный пилот. Вечером, после последней операции, я ходил на базу 4-го звена, чтобы навестить его и поздравить с «первым». Капитан Войтке сбил троих русских в одном бою.

25 июня 1941 года

Эти бомбардировки все больше мне надоедают. Мои товарищи из 4-го и 5-го звеньев два дня сражались с русскими. А мы пропустили это, поскольку заняты на бомбардировке. Сейчас самое время для меня, чтобы сбить моего «первого».

Успехи нашей армии превзошли все ожидания. Русские не могут остановить наше наступление. Мы стараемся разбить их отступающие части. Их авиация, кажется, не особенно жаждет боя. Русские летчики-истребители плохо обучены. Их знания по тактике боя так же примитивны, как и машины, на которых они летают. Через несколько недель, однако, они получают необходимый боевой опыт. Несмотря на потрясающий успех вначале, слишком большой оптимизм с нашей стороны был бы ошибкой. Русский солдат понимает, за что он воюет: коммунизм превратил их в фанатиков.

2 июля 1941 года

Зазвонил телефон. Сообщение из штаба эскадрильи — лейтенанту Кноке приказано явиться к командующему.

Что нужно старику от меня? Я надел португую с пистолетом и отправился в штаб.

Капитан Войтке сидел в высоком кресле. Я поприветствовал его: Докладывает лейтенант Кноке. Войтке поднялся из кресла и пожал мне руку: Приказ из отдела кадров военно-воздушных сил. Вы назначены в первую истребительную авиагруппу и должны как можно скорее прибыть в распоряжение командующего в Гузуме.

Через час я поднялся в воздух на моем старом добром «Эмиле». Самая старая машина в эскадрилье закончила свою боевую службу и должна быть переведена в летную школу в Вернойхене, где будет использоваться как учебная.

Русская кампания закончена для нас обоих. Это меня разочаровало, но делать нечего — приказ есть приказ.

Я приземлился в Вернойхене вечером.

Завтра утром я на поезде должен поехать через Гамбург в Гузум, он находится в отдаленном месте на побережье Северного моря.

30 июля 1941 года

Первое истребительное крыло в настоящее время состоит только из одной эскадрильи. Две другие эскадрильи должны быть сформированы в течение нескольких следующих недель. Я назначен в 3-е звено. Командир звена, как и я, прибыл с русского фронта.

Жизнь здесь очень спокойная. Со времени моего прибытия я очень много летал, не заметив ни одного томми.

Единственное беспокойство причиняют внезапные тревоги, вызванные появлением вражеских самолетов-разведчиков. До сих пор мы не смогли сбить ни одного.

3 августа 1941 года

Эскадрилья переведена на острова Вангерооге и Боркум в Северном море.

17 августа 1941 года

Каждый день мы занимаемся прикрытием с воздуха морских конвоев из Бремена или Гамбурга до Ла-Манша. Английские «бленхеймы» и «бофайтеры» атакуют наши конвои. Но в общем активность здесь очень невысокая. Наши летчики постоянно сбивают томми, пытающихся атаковать наши корабли.

Наши самолеты оснащены дополнительными баками. Полеты над морем в течение нескольких часов превращаются в монотонную работу.

26 августа 1941 года

В 10.00 заместитель командующего авиакрылом, старший лейтенант Румпф, позвонил мне и сообщил, что моя просьба о разрешении на женитьбу удовлетворена. Я подал заявление командующему с просьбой разрешить отъезд. Он был в очень хорошем настроении и разрешил мне взять в эскадрилье самолет связи, маленький «Бюкер Юнгмайстер». Это спасло меня от утомительного путешествия на поезде.

Я могу отправиться сегодня, и послезавтра мы с Лило поженимся.

В 12.00 мой самолет поднялся в воздух, я сделал круг над аэродромом, перед тем как лечь на нужный курс — к моей невесте. Товарищи махали мне рукой. Полет доставляет мне удовольствие: чудесный летний день, а более прекрасный пейзаж трудно себе представить. Я летел сквозь облака, медленно плывущие на восток по синему небу. Небольшой двигатель храбро рвется вперед. Я снижаюсь над полями и озерами. Крестьяне собирают урожай, детвора резвится в воде.

Скоро я увижу Лило.

Через три часа я приземлился в Пренцлау, заправился и продолжил полет к Лило. Внезапно погода испортилась. Мой маленький «бюкер» качают порывы ветра, видимость становится все хуже и хуже. Я уже не могу лететь до Позена, где собирался сделать следующую остановку. Такую погоду лучше переждать в безопасном месте. Лило совсем не захочется выходить замуж за безрассудного летчика. Я взял курс на Вернойхен и в 16.31 приземлился там под проливным дождем.

27 августа 1941 года

Я очень хотел вылететь в 6.00, но не смог получить разрешения до 8.30. Дождь моросит, не прекращаясь ни на минуту, но видимость лучше, чем вчера. Мне потребовалось почти три часа, чтобы долететь до Позена, где находится тренировочная база летчиков.

Здесь я снова долго ждал разрешения на взлет. Проклятый дождь! Все внутренние полеты запрещены по приказу метеорологов. Черт бы их побрал! Я надеялся встретиться с Лило сегодня.

Я направился к моему самолету. Учебные полеты запрещено проводить в непосредственной близости от летного поля. Семь или восемь маленьких тренировочных бипланов взлетали и садились по нескольку раз. Среди них было несколько «бюкеров».

Тут мне пришла в голову блестящая идея. Я сел в самолет, запустил двигатель и подрулил к взлетной полосе. Там один из курсантов торопливо записывал полетные данные.

Он махнул мне рукой, спросил мое имя. Конечно, он не мог узнать меня. Я сказал ему, что собираюсь всего лишь немного покругить и он может не записывать меня. Он заметил мои петлицы и, щелкнув каблуками, сказал: «Очень хорошо!» Я усмехнулся про себя, вырубивая на взлетную полосу. Несколько раз взлетев и приземлившись, я помахал парню на контрольной машине. Следя за мной, он поднял зеленый флаг, давая разрешение на взлет.

Я летел низко, пока не скрылся за деревьями, оказавшись вне зоны видимости служб аэродрома. Затем я взял курс на Лодзь.

После того как я пролетел 100 километров, погода стала ужасной. Облака спустились высоты 30 метров. Видимость упала до опасного уровня, впереди была дождевая завеса. Я летел всего лишь на высоте нескольких метров, порывами ветра меня бросало из стороны в сторону. Пролетая над деревнями, я видел людей, которые, запрокинув головы, смотрели на меня. На их лицах было написано изумление.

Недалеко от Калиша я обнаружил железнодорожные пути между Бреслау и Лодзью. Видимость практически нулевая. Что бы ни случилось, я не должен терять из виду эти пути. Я вздрогнул при мысли о вынужденной посадке. Катастрофа была бы неизбежной, и меня отдали бы под трибунал. Лишение звания стало бы прекрасным свадебным подарком для лейтенанта Кноке.

Неожиданно я увидел горизонт впереди. Я вышел из зоны дождя, и тучи уже на высоте 1000 метров.

Через несколько минут я уже над Ширацем. После военных действий в Польше сюда вернулся мой отец и больше года работал начальником полиции. Лило тоже там, внизу.

Я пролетел над зданием полиции. Лило живет там вместе с моими родителями. Я поднялся выше и сделал два или три круга.

Люди вышли на улицы и смотрели на меня, чуть не свернув себе шеи. Дверь на балкон в квартире моих родителей открылась. Отец, мать и сестра вышли на балкон. За ними вышла Лило, размахивая белым платком.

Я сделал последний круг над домом, чуть не задев крышу, потом взял курс на Лодзь, где и приземлился.

Через полтора часа Лило была в моих объятиях. Когда я сказал ей, что мы сможем пожениться завтра, она не поверила своим ушам. Мои родители тоже были очень удивлены, поскольку я не сообщил им, что приезжаю.

28 августа 1941 года

Все формальности, необходимые для совершения бракосочетания, были быстро улажены утром.

В 17.00 Лило и я вышли из зала бракосочетаний мужем и женой. Наша комната в квартире похожа на цветочный магазин.

Мне больше нечего сказать об этом дне. Мы совершенно счастливы.

29 августа 1941 года

Я снова отправляюсь в полет на несколько долгих часов. Приземлялся только во Франкфурте и Шверине на дозаправку. Вернулся в расположение нашего звена в 17.00, где меня встретил горячий прием товарищей.

Незадолго до наступления темноты была объявлена тревога, и я взлетел на перехват «бленхеймов», замеченных около побережья. Нам не удалось их найти.

За последние два дня я почти забыл о войне.

1942

1 января 1942 года

Побережье Северного моря стало для меня почти родным.

Я совершил более 100 вылетов, включая сопровождение конвоев и вылеты по тревоге на перехват «бленхеймов» и «веллингтонов» над открытым морем в плохую погоду.

На западе боевые действия практически прекратились. Теперь томми редко появляются днем. У наших ночных истребителей работы больше, чем у нас. Сейчас спокойно даже над Ла-Маншем.

На востоке наши войска добились впечатляющих успехов. Передовые силы немецких войск достигли ворот Москвы. Но сейчас, с наступлением зимы, немецкое командование столкнулось с серьезными проблемами, которые невозможно было предусмотреть. То, что приходится переносить немецким солдатам, не поддается никакому описанию. Войска не привыкли к русской зиме, а их экипировка непригодна для действий в таких условиях. Принимаются срочные меры, чтобы как можно скорее выправить ситуацию.

Некоторые из моих старых товарищей по 52-й истребительной авиагруппе погибли за последние несколько месяцев, но они успели сбить много вражеских самолетов.

Я узнал, что Гюнтер Герхард разбился при взлете после того, как сбил 18 русских. Баркхорн и Ралл получили награды, уничтожив более 100 русских. Мне очень жаль, что я не мог остаться вместе с ними.

Осенью нас на несколько дней перевели на Балтику. Мы участвовали в маневрах с недавно укомплектованным линкором «Тирпиц». Я получил возможность несколько дней контролировать полеты истребителей с борта огромного боевого корабля.

С сентября мы разместились на новой авиабазе на аэродроме Джевер. Теперь и штаб нашей авиагруппы расположился здесь.

8 февраля 1942 года

Острова в Северном море отрезаны от материка льдами. Кроме боевых операций, мы осуществляем экстренную связь между островами и материком. Мы доставляем почту и продукты, а в особых случаях перевозим штатских.

10 февраля 1942 года

Командование авиацией на западном направлении объявило общую тревогу.

Часть флота, находящегося за пределами территориальных вод, в Бресте, включая линкоры «Принц Евгений» и «Гнайзенау», несколько крейсеров и эсминцев, должны пробиться в Ла-Манш и дальше в Норвегию. Ожидается, что англичане постараются воспрепятствовать нашему флоту выполнить свою задачу.

В Ла-Манше разворачиваются сейчас такие активные действия, как во время боев за Англию. В истребительных авиаотрядах у Ла-Манша поддерживается круглосуточная готовность.

Флот вышел с базы.

Погода — хуже не бывает. Летать небезопасно, как для англичан, так и для нас.

Вечером мы переместились на аэродром недалеко от побережья Голландии.

11 февраля 1942 года

Туманное утро мешает нам взлететь, но к 10.00 видимость улучшилась. Мы сидим без дела часами, готовые к взлету. Мы должны быть готовы взлететь в течение минуты.

Поступают сводки с Ла-Манша. Как мы и ожидали, англичане атакуют, несмотря на очень плохие погодные условия. Они бросают в бой даже самые старые самолеты. Наши экипажи докладывают о боях с устаревшими британскими торпедоносцами типа «свордфиш». Вряд ли хоть один из этих самолетов вернется на базу. Британцы несут тяжелые потери, но продолжают упорное сопротивление. Наш старый противник еще раз демонстрирует свою храбрость. Над нашим аэродромом свирепствует буря, периодически проходят снегопады, и мы вынуждены отказаться от полетов.

12 февраля 1942 года

Наш флот достиг Па-де-Кале и находится вблизи Кале.

Британцы продолжают самоубийственные полеты. До сих пор ни одна попытка нанести удар по нашему флоту не увенчалась успехом. Однако их береговая артиллерия дальнего действия у берегов Дувра бьет по нашим кораблям, причиняя существенный ущерб.

Погода на нашей стороне.

Наши самолеты остаются на аэродроме.

13 февраля 1942 года

10.16. Боевая тревога!

Расчистка аэродрома, покрытого снегом, не заняла много времени.

Над морем наше звено подверглось массированным атакам томми. Они отправили в бой остатки своих «свордфишей». Британские летчики знали, что идут на смерть.

Наша задача — перехватить атакующие «бленхеймы». Видимость все еще плохая. Мы пытаемся хоть что-нибудь разглядеть сквозь туман. Море внизу покрыто волнами. Внезапно показались минные тральщики, и командир выпустил опознавательную сигнальную ракету. Нашим кораблям приказано открывать огонь по приближающимся самолетам.

Мой самолет качает порывами неожиданно налетевшего ветра. Крылья едва не задевают белые гребни огромных зеленых волн.

С базы постоянно передают данные о местонахождении противника. Чем дальше мы летим над морем, тем хуже становится качество связи. Мы находимся в воздухе уже 15 минут. Согласно донесениям с базы, можем в любой момент натолкнуться на «бленхеймы».

Я отрегулировал рефлекторные прицелы и подготовил оружие к бою. И вдруг увидел в тумане слева от меня какие-то неясные тени.

Это они!

Мы сразу перестроились. Каждый хотел первым встретиться с противником. Сержант Вольф идет рядом, шесть месяцев назад он стал моим ведомым. Он кивнул, сквозь плексигласовое окно я увидел его широкую белозубую улыбку.

«Бленхеймов» оказалось двенадцать. Нас тоже двенадцать. По одному на каждого. Один из англичан показался в моем прицеле, и я готовлюсь стрелять, пока он не заметил меня. Томми резко взял вверх, пытаясь скрыться в облаках.

Я последовал за ним, держа под прицелом. Огонь! Я нажал обе гашетки и увидел, как мои трассирующие снаряды прошли его левое крыло и попали в фюзеляж. Мы оба заложили крутой левый вираж. Я продолжаю жать на гашетки. Попал в его левый двигатель. Облако скрыло от меня происходящее. Томми скрылся в облаках.

Вдруг раздался грохот.

Кабина полна осколков, а прямо над моим плечом зияет огромная дыра. Туше! Я заметил, что снаряд попал в мое левое крыло.

Это опять «бленхейм», прямо впереди. Я открыл огонь и нырнул в облака.

Томми, летевший передо мной, превратился в огромную тень.

Я почувствовал запах гари. Сбросив скорость, я через несколько секунд снова увидел море.

А что, если мой самолет горит?

Я осторожно оглянулся. Крышка, висевшая за мной справа, была сорвана, разбито плексигласовое окно в задней части фюзеляжа. Моего томми уже не было видно. Запах гари все не пропадает. Проклятие! Что за чертовщина происходит?! Двигатель работает ровно, обороты не падают. Судя по приборам, все нормально. Что же горит?

«Бленхейм» серьезно поврежден, но, если ему повезет, он сможет добраться до английского побережья, в то время как я упаду в море, объятый пламенем. Хорошенькое дело!

Я сделал широкий поворот налево. По моим расчетам, следуя курсом 100, я смогу добраться до голландского побережья. Моих товарищей не видно. Я пытаюсь вызвать их по радио, но не получаю никакого ответа.

Минуты тянутся бесконечно. Сейчас 11.26. Я в воздухе 70 минут, запах гари стал постепенно уменьшаться, а люк отрывается все больше и больше. Я мог бы наверняка увидеть сейчас землю: понять бы, где нахожусь! Не верю своему компасу, но, несмотря на это, всегда надеюсь, что он не обманывает.

Спустя десять минут я должен буду садиться. Стрелка на измерителе топлива указывает на ноль.

Мелькнула земля, но я снова оказался над водой, несмотря на то что курса не менял. Этот проклятый компас работает или нет? Сейчас не имеет никакого смысла менять курс. Я лечу в прежнем направлении.

Впереди снова показалась земля. Плоская равнина с точками озер, перегороженных плотинами. Я наконец понял, где нахожусь. Я на севере Голландии.

Через две минуты я приземлился на посадочную полосу в Лейвардене. Стоявшие рядом с диспетчерской вышкой солдаты столпились около моего самолета. Картина была тягостная. Когда я попытался открыть верхний люк, он отвалился и упал на крыло. За моей головой отстрелена часть фюзеляжа. На правой стороне несколько рваных пробоин. Металл обуглился и почернел — вот почему я чувствовал запах гари. В штабе я увидел календарь. Сегодня 13-е. Что-нибудь плохое обязательно случается 13-го. Это мой несчастливый день.

— Вам очень повезло, — сказал диспетчер.

Он прав, конечно. Эти предрассудки — полная чушь, но мы продолжаем верить в них.

14 февраля 1942 года

Погода ужасная. Свиристствуют бесконечные снежные бури. Мне приказано лететь назад в Джевер на «Me-108 Тайфун», но взлететь невозможно.

Я позвонил в штаб своей эскадрильи в Вангерооге. У телефона старший лейтенант Блуме, заместитель командующего:

— Хайнц, старина, куда вас занесло? Вы назначены заместителем Лозигкайта,[8] в подразделение особого назначения. Вам приказано завтра отправиться в Норвегию.

Это прекрасные новости! Я пообещал вылететь, как только небо хоть немного прояснится.

Поздно вечером тучи стали рассеиваться. Изредка пробивалось тусклое солнце. Мы поднялись в воздух. Унтер-офицер находится на контроле. Я могу расслабиться в мягком кресле и наслаждаться видом широких равнин Фрезии.

Прибыв в Джевер, я немедленно рапортовал начальнику отдела особого назначения капитану Лозигкайту. Это невысокий человек с прекрасной репутацией, который несколько дней назад прибыл из Японии, после нескольких месяцев отпуска. Он служил в летной школе инструктором Военно-воздушных сил Японии.

Мы работали далеко за полночь, дел по горло. Прибыло пополнение. Это инструкторы из разных летных школ. Каждый прилетел на своем самолете.

Два новых звена находятся в процессе формирования; командиры — старший лейтенант Эберле и лейтенант Фрай.[9] Третьим звеном, в которое вхожу и я, командует капитан Доленга.[10] Они все прибыли в распоряжение Лозигкайта

15 февраля 1942 года

Утром прибыли два «Ю-52» и два «В-34». Они должны доставить оснащение, продукты и экипировку для операции «Колочая проволока» и наземный персонал для обслуживания наших самолетов в Норвегии. Эти транспорты отправятся в Осло как только будут загружены.

Эскадрилья в 10.26 отправляется в Есбьерг в Дании — пункт промежуточной посадки. После полета в условиях плохой видимости над морем командующий и я первыми прибыли в пункт назначения. Сразу после дозаправки мы взяли курс на Аальборг. Там мы вынуждены были садиться на западном краю аэродрома. Поле покрыто глубоким снегом. Взлетно-посадочные полосы очищены, по обеим сторонам огромные сугробы. Сами полосы покрыты слоем льда.

Когда мы заходили на посадку, «Ю-88», садившийся впереди нас, разбил шасси прямо посередине узкой взлетно-посадочной полосы. У нас осталось совсем мало места для посадки.

Через несколько минут показалось наше первое звено. Я остался в самолете и управлял по радио посадкой прибывающих ма-

шин, обращая внимание пилотов на обломки на посадочной полосе и лед.

Я корректировал приземление каждого самолета. Все в порядке, слава богу! Мы не можем допустить катастроф на этом этапе. В Норвегии нужен каждый самолет. Второе звено также приземлилось нормально. Обломки «Ю-88» уже убраны с взлетной полосы.

Но что случилось с 3-м звеном и старшим лейтенантом Эберле?[11] Из сообщений по телефону мы узнали, что 3-е звено вылетело из Есбьерга (Esbjerg) в полном составе в 13.10. Мы затратили на перелет 56 минут, а со времени вылета 3-го звена прошло больше часа.

Ночью стало известно, что Эберле заблудился и совершил вынужденную посадку во льдах в Лимфьорде вместе со всем звеном. Потерян один самолет. Он перевернулся и разбился во льдах. Летчик, сержант, утонул. Его тело выловили товарищи и отвезли в датскую деревню, находящуюся по соседству, где его перенесли в маленькую церковь. Несколько датских женщин положили на гроб цветы и венки. На ленте была надпись: «Сыну Германии от датских матерей».

16 февраля 1942 года

Плохая погода на юге Норвегии мешает нам продолжить движение.

Тяжелые тягачи доставили самолеты из Лим-фьорда.

17 февраля 1942 года

Погода не улучшается.

Старший лейтенант Эберле прибыл в Аальборг со своими пилотами. Он надеется встать в строй через два дня. Его самолеты ремонтируют днем и ночью.

18 февраля 1942 года

В офицерской столовой подали прекрасное французское вино. Скоро нас уже не заботила погода на улице.

19 февраля 1942 года

3-е звено полностью готово. Эберле очень мрачен, поскольку должен предстать перед военным трибуналом.

Метеорологи прогнозируют улучшение погоды на завтра. Я не поверю, пока не увижу собственными глазами.

20 февраля 1942 года

Самолеты на летном поле готовы к взлету. Снег валит стеной, покрыв весь аэродром. Метеорологическая служба продолжает утверждать, что погода улучшается. Пилоты слоняются около самолетов, дрожа от холода и чертыхаясь. В полдень автобус отвез их в казарму. А метеорологи все настаивают, что погода улучшается. На этот раз они оказались правы. В 15.35 эскадрилья поднялась в воздух.

Хочется надеяться, что томми не отправили наши корабли на дно к этому времени. Мы пересекли штормовые заливы у побережья Дании. Через 50 минут показалось скалистое побережье Норвегии. Мы летим низко, почти касаясь волн. Вскоре подошли к фьорду Осло.

Приблизительно в 53 километрах от Осло в горах расположена взлетно-посадочная полоса. Она покрыта глубоким снегом, как и остальная часть поля. Это Гардермоен.

Приземление в 16.50.

24 февраля 1942 года

На три дня мы остаемся в горах, как на необитаемом острове. Крутые вершины на севере от аэродрома скрылись в облаках. Три долгих, тягостных дня.

Утром «Ю-88», приспособленный для слепого полета, поднялся в воздух и передал несколько сообщений о погоде в районе. Сообщения положительные — мы можем лететь.

Лететь над высокими вершинами Норвегии настолько же опасно, насколько прекрасно. Покрытые снегом горы, изрезанные глубокими ущельями, возвышаются на 3000 метров. К западу от нас горы заканчиваются отвесным обрывом у моря. За последние месяцы несколько наших самолетов разбились, совершая вынужденную посадку на этих заснеженных вершинах.

Мы провели около 90 минут в воздухе, топливо израсходовано до последней капли, и мы приземлились в Тронхейме. Я никогда не видел такого аэродрома. Он расположен на горном плато над городом и портом. На севере и западе горы резко обрываются к фьорду, глубоко вдающемуся в горы. Единственная взлетная полоса, длиной 800 и шириной 30 метров, покрыта деревянными блоками. Полоса обледенела после того, как ее очистили от снега.

25 февраля 1942 года

Командующий и я устроили штаб в маленьком деревянном доме недалеко от взлетной полосы. Здесь ужасно холодно.

Вчера ночью 36 000-тонный «Принц Евгений» вошел во фьорд. Он получил серьезные повреждения, подорвавшись на mine, и нуждается в ремонте.

Наши самолеты постоянно контролируют воздушное пространство над фьордом. Пар от двигателей висит в ледяном воздухе. Ожидаем атак томми. Они не позволят так просто ускользнуть у них из-под носа кораблю, который мы охраняем, — это слишком лакомый кусок для них.

По сведениям, которые я получаю, почти все наши военные корабли получили более или менее серьезные повреждения, проходя Ла-Манш. «Гнайзенау» находится в порту Килия.

26 февраля 1942 года

В 13.12 наши акустические радары возвестили о приближении одного вражеского самолета на высокой скорости. Разведчик?

В 13.15 я взлетел с аэродрома один, решив найти этого мерзавца. Поднялся на высоту 8000 метров. Нашему патрулю приказано контролировать пространство над «Принцем Евгением».

Я продолжаю осматривать окрестности в поисках незваного гостя. Томми не видно. Донесения с земли были не очень четкими. Они не имели для меня никакой ценности, поскольку были расплывчаты. Через 85 минут я прекратил поиски и приземлился.

27 февраля 1942 года

Назойливый гость вернулся. Я поднялся за ним, но он опять ускользнул от меня.

28 февраля 1942 года

Сержант-штурман из штаба, возбужденный, прибежал в мою комнату, где я уже несколько часов занимался делами.

Господин Кноке, этот самолет появился снова!

Я выскочил в окно и, скользя, сбегал по ледяному склону к взлетной полосе.

Воет сирена. Механики уже подготовили мой самолет к взлету. Маскировочная сетка сброшена на снег, и люк открыт. Уже когда я застегивал ремень безопасности, зарокотал инерционный стартер.

Контакт!

Механики закрыли люк и спрыгнули с крыла. Я включил зажигание, и двигатель взревел. Облако искрящегося снега взметнулось за моим самолетом. Мне понадобилось дать полный газ, чтобы самолет смог двигаться по глубокому снегу.

Через несколько секунд я уже в воздухе. Время — 11.46.

Наземные службы сегодня работают великолепно. Я получаю непрерывные сообщения о местонахождении томми. Недалеко от Кристиансана он пересек побережье, точно так же как и вчера,

и позавчера. Высота 8000 метров.

Через 18 минут полета я поднялся на ту же высоту, что и англичанин. «Бандит в зоне Берта-Курфюрст Ханни-восемь-ноль», — пришло сообщение с базы.

Это значило, что нарушитель находится в районе, обозначенном на карте как сектор Б-К, на высоте 8000 метров. Значит, я могу натолкнуться на него в любой момент. Облачность несколько ухудшает видимость. Мне нужно быть очень внимательным.

Бандит в зоне Берта-Людвиг.

Проклятие! Куда направился этот ублюдок? Я повернул голову в одну сторону, потом в другую. Я вошел в зону облаков и повернул направо.

Неожиданно я напрягся. Вот он, на несколько метров выше меня. «Спитфайр». Знак Королевских военно-воздушных сил был размером с тележное колесо.

Я резко поднялся вверх. Я должен достать его!

Но к этому времени он тоже заметил меня и резко повернулся в мою сторону, понесся к земле и выровнял самолет далеко внизу подо мной.

Сбросив скорость, я заложил левый вираж. Нельзя упускать его из виду. Я потянул штурвал на себя двумя руками, поднимаясь вертикально вверх, кажется, чья-то гигантская рука прижала меня к креслу, на какое-то время у меня потемнело в глазах.

Я увидел его снова. Он двигался в сторону открытого моря, набирая высоту. Я погнался за ним на полной скорости. Двигатель взревел, как дикий зверь, крылья задрожали от напряжения.

Я прицелился и открыл огонь.

Нужно подобраться ближе. Для того чтобы увеличить скорость, я закрыл крышки радиатора. Не важно, что радиатор может закипеть, что двигатель может разлететься на куски, — я должен достать его во что бы то ни стало.

«Спитфайр» понесся вниз, как метеор. Этот самолет действительно великолепен, а парень за штурвалом знает, что делает, и обладает железными нервами.

7000 метров. Я вижу его в прицеле и снова стреляю.

6000 метров. Расстояние слишком большое, приблизительно 300 метров.

4000 метров. Мой двигатель начинает перегреваться.

3000 метров. Пикировка еще круче, чем раньше.

2000 метров. «Спитфайр» быстрее. Расстояние между нами увеличивается. У меня лопаются барабанные перепонки и раскаляется голова. Вертикальное пикирование — ад для летчика. Я сорвал кислородную маску с лица. Распространяется сильный запах гликоля. Мой двигатель перегрелся. Температура растет. Прибо-

ры показывают скорость 1000 километров в час.

1000 метров. Томми постепенно вышел из пике. Мы оба летим очень низко над заснеженным полем в высоких прибрежных горах.

Этот «спитфайр» — прекрасный самолет. Расстояние между нами постоянно увеличивается. Мы достигли открытого моря.

Я прекратил погоню. Мой двигатель вот-вот взорвется. Я сбросил скорость и открыл крышки радиатора. Мой томми теперь всего лишь точка на горизонте.

Сделав широкий разворот и направившись к суше, я летел над Иннер-фьордом, окруженный отвесными скалами. Потрясающее зрелище для того, кто может это оценить.

Я приземлился в 13.00.

Почувствовал, что весь дрожу от ярости и от холода. Не говоря уже о последствиях этой бешеной пикировки, которая, конечно, тоже не прогулка на пикнике.

Принесите мне двойной бренди!

4 марта 1942 года

Мой томми не показывается три дня. Командующий обещал в награду бутылку настоящего «Хеннесси» тому, кто сможет сбить англичанина, прекрасный приз, особенно здесь, на далеком севере.

Конечно, меня не столько заботил приз, сколько желание сбить этого недоноска. Я летчик-истребитель и поэтому должен достать его.

5 марта 1942 года

Сигнал из штаба — он снова здесь!

Прыгаю через окно и вскоре оказываюсь в кабине моего самолета. Через несколько секунд я уже беру разбег на взлет.

12.02. Круто набираю высоту в безоблачном небе.

12.10. Высота 5000 метров. Я проверил кислородную маску. Она очень холодная.

— Бандит в зоне Цезарь-Ида Ханни-семь-ноль.[12]

— Виктор. Виктор, сообщение принял, — ответил я.

Высота 6000 метров.

— Бандит в зоне Цезарь-Курфюрст.

— Виктор, Виктор, сообщение принял.

Высота 7000 метров. Мне нужно подняться на высоту 8000 метров. Я обязательно должен покончить с ним сегодня.

— Бандит в зоне Берта-Людвиг.

Кажется, он кружит у северной оконечности пролива, направляясь к стоянке наших военных кораблей.

Сейчас я на высоте 8000 метров, обследую воздушное пространство. Впереди слева я увидел маленькую темную точку в небе Это «спитфайр», за ним тянется тонкая белая полоса. Томми сделал широкий разворот, направляясь к Иннер-фьорду. Я поддерживаю высоту и изучаю мою жертву. Оказавшись над своей целью, томми совершал круг за кругом — фотографировал.

Я воспользовался возможностью, чтобы занять удобную позицию над ним. По всей видимости, он так увлечен своим делом, что не замечает меня. Сейчас я на 1000 метров выше его.

Он взял курс на запад. Я прибавил скорость и проверил оружие, устремившись вниз прямо на него. Я на хвосте у него. Огонь!

Мои снаряды пробили его фюзеляж. Его стало отчаянно качать. Нельзя дать ему уйти. Я использую все огневые возможности, которые у меня есть.

Он нырнул вниз, потом выровнялся. Из хвоста у него повалил черный дым, становясь все плотнее. Я открыл огонь снова.

Вдруг что-то брызнуло на переднее стекло. Масло. Мой двигатель? Видимость очень плохая, я не вижу «спитфайр». Черт побери!

Мой двигатель работает ровно. Наверное, масло вытекло из подбитого «спитфайра».

Я взял немного правее, чтобы видеть томми из бокового окна. Он постепенно теряет скорость, но пока не падает. Черный дым уже не такой густой.

Вдруг я увидел другой «мессершмитт», приближающийся слева. Это лейтенант Дитер Герхард, мой старый товарищ, я передал ему по радио, что стрелять больше не могу.

— Тогда дай мне добить его, Хайнц!

Он открыл огонь. Правое крыло «спитфайра» откололось. Самолет стал падать, кружась, как осенний лист.

А летчик? Жив ли он? У меня комок подкатил к горлу. Он такой же парень, как я. Если он жив, то почему не прыгает с парашютом?

«Спитфайр» падает, объятый огнем, надает на заснеженное поле. Он разобьется, а вместе с ним и пилот.

Я закричал так, словно он мог меня услышать: «Прыгай, парень, прыгай!» Все-таки он тоже человек, тоже солдат, тоже летчик, с такой же любовью к небу и облакам, как и у меня. Интересно, есть ли у него жена, может быть, такая же девчонка, как Лило?

«Прыгай, парень, прыгай!» Наконец от пылающего самолета отделился человек. Раскрылся белый парашют и стал медленно дрейфовать в сторону гор.

Моя радость неопишима. Это первая победа в воздушном бою. Я победил другого летчика, и он еще и остался жив.

Мы с Дитером разделили бутылку коньяка. Подняли тост за наших истребителей и еще один — за томми. Дитер доставил его на лыжах, после приземления в горах на «Физелер-Шторх». Это офицер Королевских военно-воздушных сил — высокий, худой парень. Хороший глоток коньяка привел его в чувство. Он рассмеялся вместе со всеми, когда я объяснил, что эта бутылка коньяка посвящена ему.

6 марта 1942 года

Утром неожиданно пришел приказ штаба военно-воздушных сил о нашем переводе назад, в Германию. Голова раскалывается, вечеринка прошлой ночью в офицерской столовой была очень буйной, вспомнил я.

В полдень звено истребителей-бомбардировщиков приземлилось на аэродроме. Они заменят нас.

Мы взяли курс на юг, небо безоблачно. Впереди летит двухмоторный «Мессершмитт-110», оснащенный автопилотом и радиоконпасом. Мы летим безостановочно в Осло (Форнебю). Горючего в наших баках едва хватит на такой перелет.

Еще раз я восхитился великолепием норвежских гор: покрытые снегом широкие склоны, ледники, изрезанные узкими лощинами, глубокими настолько, что солнце не всегда добиралось до их дна. Невысокие скалы выдавались в море, образуя изрезанные края.

Открытым строем мы летим вокруг ведущего «Мессершмитта-110». Мой двигатель работает ровно, монотонно, так что мне стоит больших усилий не заснуть. Никаких разговоров в эфире.

Мы летим над крутыми вершинами недалеко от Роро. Пейзаж восхитительный. Не так привлекательна мысль о вынужденной посадке на эту суровую местность или прыжок с парашютом в пропасть.

Кажется, мой измеритель горючего вышел из строя. Если верить ему, я расходую в три раза больше топлива, чем обычно. Конечно, это невозможно: я по опыту знаю, что мой двигатель очень экономичен.

Я сделал несколько фотоснимков. Думаю, Лило будет рада получить такие прекрасные снимки. Лило! Несколько недель назад она отправилась к своей тете в Тюбинген. Скоро у нас будет ребенок. Она пишет, что в августе. Я стал вспоминать, когда мы виделись в последний раз...

Но что это?! На измерителе горючего зажегся красный предупредительный огонек. Боже правый! Но этого не может быть! Мы в полете всего 30 минут.

Только сейчас я отчетливо почувствовал запах газа. Может быть?.. Проклятие! Только мне могло так повезти — совершить вынужденную посадку в этой ледяной пустыне!

Я вызвал по радио капитана Лозигкайта:

— Джамбо-второй Джамбо-первому, у меня утечка топлива, не осталось ничего. У меня пять минут на экстренную посадку.

Командир чертыхнулся в ответ. Он ничем не может помочь, мы оба это знаем.

— Джамбо-второй совершает посадку.

Нужно спуститься пониже и присмотреть место для посадки, прежде чем двигатель заглохнет.

— Удачи! Мягкой посадки!

Пожелав мне удачи, товарищи продолжили полет. Они не могут задержаться, каждая минута на счету.

Горы внизу выше 2000 метров. Их склоны покрыты снегом, при внимательном осмотре я увидел множество расселин и огромных валунов. Здесь посадка невозможна — от меня и от самолета мокрого места не останется.

Сонливость совершенно пропала, я напряжен до предела. Впереди ледник, рядом с ним небольшое горное озеро. Оно замерзло и по-крыто льдом. По всей видимости, озеро глубокое. Выдержит ли лед? Впрочем, другого выхода у меня нет.

Я приготовился к посадке. Она должна быть мягкой, на самую вершину ледника. Снизить скорость, опустить закрылки. Пропеллер замер. Земля несется навстречу. Шасси не выпускать. Теперь спокойно — посадка мягкая, как на масло. Взметнулась снежная пыль. 100 метров я скользил по скрипучему снегу. Наконец мой самолет остановился. Откинув люк, я спрыгнул на крыло, достал вещмешок и меховую куртку. Кажется, лед скрипит под тяжестью самолета. Он трещит и хрустит. Выдержит ли?

Я побежал к ближайшим скалам и с облегчением почувствовал твердую землю под ногами. От пережитых волнений мои колени дрожат. Немало летчиков, совершавших вынужденную посадку в таких местах, заплатились жизнью. Сейчас около 15.00. Через час мои товарищи совершат посадку в Осло и вызовут помощь. Они видели, где я приземлился. Но в любом случае этот день я буду вынужден провести здесь. К западу от места моей посадки я заметил ущелье. Прошел несколько сотен метров в западном направлении. С вершины холма я могу осмотреть равнину. На другой стороне, на 600 метров ниже, я заметил дорогу. Крутые обрывы неприступны для меня. Кроме того, вокруг, насколько я могу различить, нет никаких признаков человеческой жизни.

Мой самолет ровно стоит на льду. Думаю, лед достаточно крепок, чтобы выдержать тяжесть. Я проведу ночь в кабине. Начинаю

чувствовать голод. В карманах у меня шоколад и несколько сигарет. С этим я могу продержаться до утра. Хорошо, что перед отлетом успел взять с собой еще и мою меховую куртку. Она очень мне пригодилась, поскольку становится все холоднее.

С наступлением темноты я вытащил парашют и завернулся в него. Стало теплее. Затем я заполз в кабину и закрыл люк. Я смотрел, как снег кружится в небе, пока не заснул в кресле.

7 марта 1942 года

Ночью я несколько раз просыпался, одеревенев от неудобной позы, выходил и совершал пробежки около самолета. Ближе к полуночи снег повалил стеной. К утру были видны только хвост и лопасть пропеллера моего «мессершмитта».

Снег теперь падает довольно вяло. Я вижу не больше чем на 100 метров вокруг. С воздуха мне помочь не смогут, это ясно. Собираются ли они вообще меня искать?

Не имеет никакого смысла идти пешком, поскольку я быстро потеряю всякую ориентацию в этой буре. Время 8.00. Я съел плитку шоколада и пожевал одну сигарету, пожевал, потому что у меня нет огня. Это притупило голод.

Сидел в самолете, поскольку там теплее, но теперь снова вышел пройтись. От нечего делать перебрал инструменты и обнаружил, что электрооборудование не повреждено. Дал несколько очередей из пулемета. Над поверхностью озера взметнулись фонтанчики снега. Эхо от выстрелов многократно раздалось в мертвой тишине гор. Его должно быть слышно за несколько километров отсюда.

Час за часом я терпеливо жду. Ищут они меня или нет? Я пожевал еще несколько сигарет, чувство голода все сильнее. Никотин облегчает страдания.

Снег, видимо, никогда не перестанет идти. Уже 14.00. Погода ухудшается — поднимается ветер.

Через каждый час я стреляю из пулемета. Если ночью небо прояснится, смогу пустить сигнальную ракету.

Я потерял чувство времени в этом бесконечном ожидании. Снова наступила ночь. Снег налетает стремительными порывами. Шелк парашюта очень мягкий, нежный, как платье прекрасной женщины. Мысленно я могу отправиться куда угодно, а по-другому отсюда трудно выбраться. Я промерз до костей и не выхожу никуда, сижу и дрожу как собака, несмотря на меховую куртку и парашют. Это, видимо, из-за голода. Мой желудок восстал против табака, который я жевал.

Пытаюсь заснуть, чувствуя голод и холод.

8 марта 1942 года

Опять наступил полдень. Снег перестал идти. Сегодня они должны меня найти, иначе мне не выбраться отсюда. Время от времени я даю короткие очереди. Они должны найти меня сегодня.

В 16.00 я услышал собачий лай, а через минуту увидел прекрасного ирландского сеттера, он громко меня поприветствовал. Вскоре я пожимал руку старшему лейтенанту из альпийского полка.

9 марта 1942 года

Ночью меня отвезли на машине в Осло. Я немедленно доложил дежурному офицеру в штабе военно-воздушных сил.

Я прекрасно выспался этим утром в гостиничной комнате, предоставленной в мое распоряжение. В полдень меня забирает транспортный самолет, направляющийся в рейх. Он доставит меня в Аальборг в Дании. Там эскадрилья Лозигкайта пережидает плохую погоду.

10 марта 1942 года

Вчера я встретил горячий прием моих товарищей. Им очень понравился мой ирландский сеттер, Турит. Я купил его у горного отряда.

В 15.11 мы вернулись в Джевер. Турит спокойно лежал в багажном отделении за моей спиной во время перелета.

Эскадрилья специального назначения расформирована. Дитер и я вернулись в наши прежние звенья.

21 июня 1942 года

После возвращения из Норвегии я совершил уже более 150 боевых вылетов, патрулируя воздушное пространство над Северным морем с баз Джевер, Вангерооге и Гузум.

Все летчики — прекрасные профессионалы и хорошие ребята. Наш командир — капитан Доленга, я — его заместитель, а лейтенант Герхард, которого я знаю по 52-й истребительной авиагруппе, — наш главный инженер. Лейтенант Штайгер назначен к нам несколько месяцев назад. Это высокий рыжеволосый парень — прекрасный пилот, сбивший свой первый «бленхейм» при атаке на наш морской конвой несколько дней назад.

Унтер-офицеры Мауль, Фогет и Добрик — опытные солдаты. Они удостоены Железного креста первой степени в битве за Англию. Сержанты Веннекерс[13] и Раддац начали войну в Голландии год назад. Сержант Бирман, невысокий парень из Берлина, прибыл из России, как и я. В начале войны он вместе с пехотой был в Польше.

Наземный персонал тоже состоит из очень квалифицированных сотрудников. Большинство из них — специалисты, прежде работавшие на гражданской службе. Только небольшая часть их — профессиональные солдаты. То же и у пилотов.

Около года капрал Арндт руководит группой, обслуживающей мой самолет. Этот преданный парень, мой «Мессершмитт-109» и я образуем неразлучное трио. Мы еще долго оставались вместе.

Будет несправедливо не упомянуть наших четвероногих друзей. Турит, мой сеттер, прекрасен и избалован, темперамент у него как у примадонны — он самый быстрый пес в военно-воздушных силах. Фипс, обезьянка, — наш талисман, полная анархистка — она вовсе не признает дисциплину. Во время очередной инспекции она утащила фуражку полковника и забралась с ней на крышу ангара. Это была самая веселая инспекция, которую я когда-либо видел. Фипс была предупреждена о том, что ее отправят на русский фронт. Наверное, она будет нашим секретным оружием — если русские ее увидят, они будут смеяться так, что не смогут стрелять.

Так мы, летчики, и живем в нашем странном маленьком мире, в конце взлетной полосы.

22 июня 1942 года

К моему удивлению, вчера вечером пришло распоряжение о том, что часть самолетов нашего звена переводится в Голландию под моей командой. Для оперативных целей я вошел под прямое подчинение штаба дивизии, где применяются новейшие методы воздушного контроля и перехвата.

Ночью наши самолеты были оснащены новейшими ультракоротковолновыми приемниками. Мне было приказано провести тестирование новой системы «У» в боевых условиях. Для этого мне предоставлена свобода действий и широкие полномочия. Среди прочих документов я получил из штаба дивизии следующее письменное удостоверение:

«Лейтенант Кноке прикомандирован к экспериментальному подразделению Второго авиационного корпуса для выполнения специальных заданий Верховного командования, эта работа очень важна для ведения военных действий.

Настоящим удостоверяется то, что он имеет право приземляться на любом аэродроме, включая те, которые находятся за пределами территорий 1-й истребительной дивизии и 12-го авиационного корпуса».

Подписано майором, представителем Генерального штаба при штабе дивизии.

Внедрение новой системы «У» существенно улучшило дальнюю радиосвязь между самолетом, находящимся в полете, и базой. На деле это означает, что база может определять местонахождение наших летчиков и направлять их полет в любое время.

Штаб превратился в огромное бетонное бомбоубежище. В центре на зеркальном стекле установлена огромная карта Голландии. В дальнем конце этой гигантской карты высокая площадка, где сидят девушки в военной форме в наушниках и с микрофонами. Девушки получают с радаров, расположенных вдоль побережья, донесения о приближающихся вражеских самолетах и помещают на картах, отображая изменения в их расположении. Другие девушки определяют местонахождение наших самолетов при помощи системы «У» и также обозначают их на карте.

Перед картой расположена другая площадка со сложной системой микрофонов и переключателей. Отсюда каждое звено самолетов может направляться офицерами с земли при помощи ультракоротковолнового радиотелефона. Одного взгляда на карту достаточно, чтобы увидеть полную картину обстановки в данный момент.

Всю информацию осматривает командир дивизии, сидящий за пультом с контрольными приборами, со старшим офицером из Генерального штаба и начальником отдела разведки.

На их стол выведены все линии радио-, телефонной и телетайпной связи дивизии. Рядом находится помещение, где систематизируют метеосводки со всех метеорологических станций, прежде чем они поступят на главную контрольную панель. Два остальных этажа заняты оперативной, административной и технической службами.

Приблизительно 1000 офицеров, унтер-офицеров, солдат, технических работников, метеорологов, административных работников и множество красивых девушек обслуживают этот штаб по контролю за самолетами, этот мозговой центр, день и ночь.

18 августа 1942 года

За последние два месяца я сделал более двухсот испытательных полетов. Несколько раз над устьем Шелды нас атаковали «спит-файры», часто превосходя нас численно. Мы чудом уносили ноги.

Эксперименты с системой «У» дали прекрасные результаты. Все западные авиасоединения оснащены системой, которую мы опробовали. Службы наблюдения такого же типа устроены в Штаде, Метце, Мюнхене, Вене и Берлине.

Главное командование военно-воздушных сил готовится противостоят интенсивным воздушным атакам на рейх после вступления в войну Америки.

2 октября 1942 года

«Me-109E» несколько месяцев назад был заменен на усовершенствованный «Me-109F». Несколько дней назад первые машины серии «G» сошли со сборочных конвейеров. Летные данные «Густава» (так мы называли «Me-109G») были определенно лучше, чем у «спитфайра».

Капитан Марсель, которого я встретил во Дворце спорта в Берлине еще курсантом, два года назад сбил не менее 16 «спитфайров» за один вылет на «Густаве». Несколько недель назад он получил из рук фюрера самую высшую награду Германии за храбрость, после того как сбил 150 вражеских самолетов в небе Африки.

Два дня назад он, Ханс Иоахим Марсель, непобежденный, погиб как настоящий летчик недалеко от Эль-Аламейна. Двигатель его «Густава» неожиданно загорелся в воздухе. Марсель выпрыгнул с парашютом, но парашют зацепился за хвостовой стабилизатор. Товарищи доставили его тело из пустыни. Мы потеряли нашего аса номер один.

Нечто странное случилось сегодня, через несколько часов после того, как мы узнали о смерти Марселя.

В 12.15 нас подняли по тревоге. Я поднялся в воздух вместе с сержантом Веннекерсом, моим ведомым. В районе Ольденбурга был замечен «москито», совершающий разведывательный полет.

Веннекерс отставал все больше и больше. На высоте 4000 метров я потерял его из виду. Я вызывал его по радио, но не получил ответа. Вдруг я увидел горящие обломки самолета, который только что рухнул на широкое поле.

Веннекерс?

«Москито» скрылся прежде, чем я достиг его высоты. Я прекратил преследование и решил возвращаться в Джевер.

Приземлившись, я не мог поверить своим глазам. Веннекерс стоял и улыбался мне. Его «Густав» загорелся без видимых причин, точно так же как и самолет Марселя три дня назад. Огонь возник в передней части двигателя и стал продвигаться по корпусу.

Это происшествие сбило нас с толку. Несколько дней назад 4-е звено потеряло «Густав» при точно таких же обстоятельствах. Из других эскадрилий также приходили подобные сообщения.

Я стал с опасением поглядывать на мой самолет.

31 октября 1942 года

Несколько дней назад капитан Доленга назначен к ночным истребителям. Руководство возложено на меня.

Несмотря на плохую погоду, мы сопровождаем конвои с раннего утра, вместе с флотом.

В 14.14 пришло сообщение о том, что «бленхеймы» атакуют наш конвой. Через две минуты я уже в воздухе вместе с лейтенантом Герхардом. Наш дежурный патруль уже ведет бой. Командир звена, сержант Добрик, попросил о помощи. Топливо на исходе, и они должны вернуться на базу через несколько минут.

Я достиг места боя за несколько минут. К северу от меня товарищи ожесточенно сражаются с четырьмя «бленхеймами». Один вражеский самолет уже горит, через несколько секунд он упал в море. Остальные попытались скрыться в тумане. Я не потерял их из виду и приготовился атаковать «бленхейм» сзади.

Я дал длинную очередь из всех пулеметов и пушек и увидел, что у противника загорелся правый двигатель. Он стал резко падать в низкие облака и вскоре скрылся из виду, было видно только красное зарево. После того как я приземлился, с нашего корабля сообщили, что они видели, как горящий «бленхейм» упал в море в секторе Антон-Квелле-три.

Это, наверное, мой — значит, я сбил свой второй самолет.

6 ноября 1942 года

12.00. Из штаба дивизии пришло сообщение о двух приближающихся «москито». В этот же момент зазвонил мой телефон. Лейтенант Крамер (Kramer), дежурный офицер штаба дивизии,[14] спрашивает, смогу ли подняться в воздух при такой плохой погоде.

Я ответил, что не смогу. На высоте 30 метров сплошная пелена туч, видимость нулевая. Я не вижу даже другого конца летного поля. Извини, Крамер, но это невозможно. В такую дрянную погоду томми разобьются без нашей помощи. Дождь продолжается уже несколько часов — монотонно морозящий. Летчики бездельничают одни играют в карты или пишут письма домой другие спят в соседней комнате. Я отметил про движение «москито» на карте. Они летят в глубь территории рейха, к самому сердцу Германии. Через час пришло сообщение, что они над Берлином, и наши зенитчики открыли по ним огонь. У этих парней железные нервы. Полет в такую погоду — это не шутки. Телефон снова зазвонил.

— Пятое звено, лейтенант Кноке у аппарата.

На этот раз звонит полковник Хеншель,[15] командующий воздушными силами, прикрывающими побережье Северного моря.

— Какая у вас погода, Кноке?

— Ужасная, господин полковник. Видимость — несколько метров.

— Кноке, вам нужно взлетать, другого выхода нет. Мне только что звонил рейхсмаршал Геринг. Он в бешенстве. Почему мы не в воздухе? Для нас погода слишком плоха, а эти проклятые томми долетели до Берлина, вы не представляете, как я скажу это рейхсмаршалу? Эти «москито» должны быть уничтожены любой ценой. Вы поняли?

— Да, господин полковник.

— Кого вы намерены послать?

— Полечу я сам, вместе с сержантом Веннекерсом.

— Очень хорошо, желаю вам удачи.

— Спасибо, господин полковник.

Веннекерс и я — единственные пилоты в нашей части, которые имеют опыт полетов вслепую. Мы не первый раз поднимаемся в воздух в такую погоду.

Мы взлетаем в 13.30.

Я практически ничего не вижу. Проклятый дождь! Постепенно снижаясь, мы летим над самыми крышами домов, деревьями и линиями электропередач. Радиосвязь с землей нормальная. Лейтенант Крамер корректирует наш полет с земли.

Томми двигаются к северо-западу через Бремен.

Я взял курс к побережью. Погода над морем не лучше. Последние сообщения с земли говорят о том, что «москито» находятся в секторе Бета-Квелле-восемь, курс три-один-пять. Мы скоро их заметим, если будем смотреть в оба. Хоть бы дождь перестал! Мы смогли бы сосредоточиться на этих мерзавцах.

Время — 13.47.

Я совсем ничего не вижу. Это меня бесит.

База сообщает: «Вы уже должны их увидеть. Попробуйте чуть повернуть влево».

Я не ответил, передо мной неожиданно появилась расплывчатая тень. Это «москито».

Он тоже заметил меня, резко взял вверх и налево, чуть не зачерпнув крылом воду. Потом метнулся вправо, опять рванул влево.

Нет, нет, друг мой. Не так просто уйти от Кноке. Каждый раз, когда он уворачивался, моя очередь проходила у него перед носом.

Мы летим низко, очень низко, направляясь в открытое море. Мой томми оставляет слабый след. На полной скорости он идет курсом три-два-ноль. У него поразительно высокая скорость. Но мой добрый «Густав»[16] идет не менее быстро. Я у томми на хвосте. Веннекерс постепенно отстает. Такая бешеная скорость не под силу его самолету.

Я хочу открыть огонь с наиболее близкого расстояния, поэтому стараюсь приблизиться к нему. Медленно, почти незаметно я подкрался к томми. Закрыв крышки радиатора и приблизился к нему до 50 метров. Он прямо передо мной.

— Стреляй, Кноке, стреляй!

Я надавил обе гашетки. Очередь прошла его левый двигатель. Его самолет сделан из дерева, поэтому крыло загорелось и оторвалось. Через несколько секунд «москито» исчез в зеленых глубинах Северного моря.

Это мой третий.

На воде не осталось ничего, кроме масляного пятна. Я вытер пот с лица.

23 декабря 1942 года

В 11.50 я вернулся с патрулирования конвоя. Грузовые корабли, сопровождаемые эсминцем и четырьмя торпедными катерами, вышли в устье Везера. С приливом они доберутся в Бремерхафен.

В 12.57 я возвращаюсь туда. Экипажи кораблей стоят на палубах и машут нам руками. Они ждут не дождутся, когда окажутся в порту.

Через 20 минут я получил приказ возвращаться. Едва я приземлился и механики дозаправили мой самолет, снова объявили тревогу.

«Бленхеймы» направляются к нашим кораблям. Мы перехватили их у Нордернея. Самолетов было два, но, заметив нас, они исчезли в облаках и больше не показывались. Проклятие! Это мой 150-й вылет. Хотелось бы отпраздновать это событие увеличением моего боевого счета.

Сегодня сочельник. Ко мне приезжает Лило с Ингрид, нашей маленькой дочкой.

24 декабря 1942 года

Сочельник.

Никакой активности с обеих сторон. Враги соблюдают молчаливую договоренность о перемирии.

Лило и я снова вместе. Первый раз мы втроем у сверкающей елки. Я взял на руки маленькую Ингрид. Ее тоненькие ручки тянутся к елочным огням.

Вокруг странная, мирная тишина. Лило поцеловала дочку и меня. Ее полуоткрытые губы излучают тепло и нежность. Аромат духов смешивается с запахом хвои. Ощущение радости и счастья распространяется по комнате.

Тихо постучавшись, вошел Дитер Герхард. Он поцеловал руку Лило и пожелал нам счастливого Рождества. Мы с ним позже

обойдем летчиков нашего звена. Солдаты украсили свои комнаты елками или веточками пихты. Сейчас они лежат в кроватях, читают, курят или сидят за столом, едят, играют в карты.

— Всем счастливого Рождества!

— Спасибо, господин лейтенант, и вам того же желаем!

Через некоторое время мы с Дитером вернулись в наши комнаты. Земля покрыта снегом. Это необычно для побережья. Доносятся звуки гармоник. «Тихая ночь, святая ночь...» Это самая прекрасная из всех немецких рождественских песен. Даже англичане, французы и американцы поют ее сегодня. Знают ли они, что это немецкая песня? Понимают ли ее глубинный смысл? Почему люди во всем мире ненавидят нас, немцев, но поют немецкие песни, слушают музыку немецких композиторов, Бетховена, Баха, читают стихи великих немецких поэтов? Почему?

Далеко за полночь Дитер, я и Лило сидели в моей уютной комнате в глубоких удобных креслах за чашкой горячего пунша. Мы вспоминали события этого года, подошедшего к концу. Сколько раз мы сидели за этим столом вместе с капитаном Доленга и лейтенантом Штайгером. Герд Штайгер... этот спокойный, высокий, рыжеволосый парень сбит на наших глазах «москито» на южной стороне аэродрома... Мы нашли его тело под полураскрывшимся парашютом...

Лило тихо слушала. Она улыбнулась и погладила длинные прямые волосы Дитера. Он не очень твердо держался на ногах, когда встал и захотел пойти к себе. Кажется, наш пунш оказался слишком крепок для него. Я проводил его до комнаты.

Когда я вернулся, Лило в задумчивости смотрела в приоткрытую дверь спальни на Ингрид, спящую в своей кровати.

Наша дочь тихо и мирно спит.

Наконец мы одни, снова вместе...

1943

27 января 1943 года

1 января я был назначен ответственным за тренировочные курсы для сержантского состава, которые организуются каждую зиму во 2-й истребительной дивизии. Я уже вел эти курсы в прошлом году, поэтому меня прозвали Последний Пруссак. Я должен считаться с этим прозвищем, даже если оно ничего для меня не значит. Мы, летчики, не занимаемся муштрой, зато занимаемся физической подготовкой, воспитанием стойкости и боевой выучкой солдат.

Стойкость и боевая выучка — это важнейшие элементы воспитания немецкого солдата. Война обрекает нас на невероятные трудности. Кампания в России стоит нам величайших усилий и огромных жертв. Несколько дней назад мы потеряли Сталинград. Величайшая битва в истории этой войны закончена.

Я коротко рассказал моим курсантам, наблюдая их мрачные лица, о широкомасштабной операции, которая закончилась окружением и уничтожением 6-й армии.

Я прошел к взлетной полосе. Полк, набранный в моем родном городе, входил в состав армии Паулюса. В этом полку служили многие мои одноклассники и друзья детства из Хаммельна. Они отняты у своих матерей новым Крысоловом.

Глядя на снежные просторы за окном, я представлял себе могилы — тысячи и тысячи могил, на каждой деревянный крест со стальным шлемом на верхушке в бесконечно тянущейся русской зиме.

В полдень американские бомбардировщики нанесли первый удар по германскому побережью Северного моря. Мы ожидали этого уже несколько недель. Налеты совершали четырехмоторные тяжелые бомбардировщики «Консолидэйтед либерейтор» и «Боинг-Б17с». «Боинги» нам известны, их по праву называют «летающая крепость». Это не натяжка — у них исключительно тяжелое вооружение, создающее большие трудности для нашего командования.

Наша разведка несколько месяцев доносила сведения об этих огромных самолетах. Понемногу мы осваивали каждую техническую деталь их конструкции. Как истребители, мы интересовались их вооружением. Шестнадцать супертяжелых пулеметов расставлены так, что поле обстрела с самолета лишено мертвых зон.

Я провел много часов, обсуждая с пилотами наилучшую тактику боя с этим самолетом. Мы быстро сделали модели и использу-

ем их для демонстрации разнообразных тактических маневров. Каждая минута свободного времени посвящена вычислению оптимальной скорости для разных атакующих маневров. Составлены таблицы дальней стрельбы, нарисованы чертежи и планы, сделаны новые модели.

С момента, когда наша истребительная эскадрилья, расположенная у Ла-Манша, первый раз встретила с «летающей крепостью» и вступила в бой, постоянно посылаются донесения нашим лучшим летчикам-истребителям для анализа, до самых мельчайших деталей.

Во время налета на цели во Франции были сбиты первая «летающая крепость» и «либерейтор». Так был развеян миф о том, что эти монстры неуязвимы.

Продолжается интенсивный инструктаж летчиков-истребителей, направленных на защиту рейха, их подготовка к грядущим ожесточенным воздушным боям.

Создание сложной сети радиолокационных завес и дополнительных наземных станций, оснащенных системой «», а также новейших приемно-передающих радиоустановок очень облегчило обнаружение и перехват самолетов на большой территории.

Мне совершенно ясно, что сегодняшняя первая дневная атака американцев означает новую фазу войны в воздухе.

Вечером я позвонил в свою часть в Джевер. Дитер Герхард и лейтенант Фрей, назначенный командиром, сбили свои первые тяжелые бомбардировщики. Они возбуждены до крайности. Сержант Мюллер был сбит, но спасся, выпрыгнув с парашютом.

Затем я отослал телефонограмму командующему дивизией с прошением о моем немедленном возвращении в эскадрилью. В такое время мое место там, с моими товарищами. Ночью я улетел в Джевер.

4 февраля 1943 года

С раннего утра мы были готовы взлететь по тревоге. Служба обнаружения сообщила о большой концентрации вражеских самолетов над Ярмутом.

Мне не терпелось встретиться с ними. Настроение у летчиков прекрасное. Каждый из моих товарищей будет биться с полной отдачей, когда представление начнется.

11.13 — взлет. Через минуту я в воздухе над полем. Одинадцать моих товарищей летят рядом.

Сообщение с базы: «Малышки в секторе Дора-Нордпол. Двигайтесь к Ханни-восемь-ноль».

Это значит, что бомбардировщики находятся на востоке от Лейвардена и я должен подняться на высоту 8000 метров.

Вдруг на высоте 5000 метров двигатель зашипел. Самолет не может подняться выше, Я связался с Дитером, передал ему командование и в бешенстве вернулся на базу. Механики столпились вокруг моего самолета. Что могло случиться с проклятой колымагой?

Оказалось, закупорка насоса мешала доступу топлива в двигатель на большой высоте. Механики работали как бешеные над устранением неполадки.

Через 13 минут я снова в воздухе.

«Вражеские самолеты в зоне Фридрих-Паула».

Это далеко на юге. Я увеличил скорость. Теперь двигатель работает прекрасно. На высоте 7000 метров вошел в зону облаков. Я должен найти моих товарищей.

8000 метров.

«Малышки в зоне Густав-Паула».

Мерзавцы направляются на юг, они в 40 метрах от меня.

«Следуйте курсом два-ноль».

Что за черт?! Почему я должен поворачивать назад? Сомневаюсь, я полетел в обратном направлении. На мой запрос с базы пришло приказание на посадку.

Я сел в 12.58. Через две минуты появились мои товарищи, они тоже зашли на посадку.

Позвонил лейтенант Крамер, дежурный. Он сообщил, что, достигнув южного побережья, американцы развернулись и полетели обратно. Сообщений о бомбардировке не поступало.

У меня не было времени даже на то, чтобы выругаться. В 13.08 я должен лететь на очередное сопровождение конвоя. Эту монотонную работу я ненавижу.

26 февраля 1943 года

Что за день!

Я чувствую неистовое желание схватиться со стайей американцев. Погода прекрасная, небо чистое и безоблачное.

Над Ярмутом полное спокойствие.

Летчики, закутавшись в одеяла, греются под лучами весеннего солнца. А я, прищурившись, лениво рассматриваю небо.

Из двух огромных колонок доносится танцевальная музыка. Мы наслаждаемся музыкальной программой Би-би-си для немецких солдат. Когда диктор начал пропаганду, раздались иронический смех и аплодисменты.

— Заткни пасть, парень, давай музыку!

Неожиданно музыка стихла.

— Внимание! Всем внимание! Лейтенант Кноке к телефону!

Это вызов из штаба дивизии: вражеские самолеты замечены в секторе Дора-Дора. Значит, янки готовятся к атаке на Ярмут.

В 10.50 нам приказано находиться в готовности. Янки направляются к Вильгельмсхафену.

10.55. Тревога!

Люки закрыты. Механики заводят стартер. Мой двигатель завелся сразу. Я посмотрел, как обстоят дела у других.

Все прекрасно! 12 самолетов взлетели одновременно в правильном строю.

Я включил радио и вызвал базу: «Ельба-один вызывает Бодо. Ельба-один вызывает Бодо. Прием. Прием».

«Бодо — Ельбе-один, Бодо — Ельбе-один. Прием».

Связь с землей хорошая. Мы быстро поднимаемся на высоту 8000 метров.

«Малышки в зоне Литон-Квелле-восемь».

Я повернул налево. Наши самолеты оставляют полосу дыма на голубом небе. Вдруг я заметил вражеские самолеты.

Это было впечатляющее зрелище. Около 300 бомбардировщиков, собранных в одном строю, напоминали гроздь винограда.

Я проверил оружие и прицелился.

Враги в нескольких километрах от нас, направляются на юг. Я сообщил о своих наблюдениях на базу. Сейчас их строй превратится в растревоженный пчелиный улей, я не могу удержаться от улыбки, вообразив эту суматоху.

Мы подобрались к ним ближе. Я невольно прибавил скорость. Теперь могу рассмотреть каждый самолет. Большинство из них «либерейторы». Кажется, их толстое брюхо набито бомбами. Я наметил свою жертву.

— Сейчас ты у меня попляшешь, дружок, — пробормотал я.

Хочу зайти на лобовую атаку. Янки виден в моих прицелах. Он растет прямо на глазах. Я протянул руку к гашеткам. За моей головой прошла очередь. Они открыли огонь по мне!

Огонь! Я нажал обе гашетки, но янки удалось улизнуть. Я вижу только несколько царапин на правом крыле.

Я почти догнал этого толстопузого, ринувшись вслед, но попал в аэродинамический мешок, меня сильно закачало, и в какой-то момент даже показалось, что мне отстрелили хвостовой стабилизатор. Я круто поднялся вверх и повернул влево. Трассирующая очередь прошла слишком близко от меня.

Проклятая куча металлолома!

300 тяжелых бомбардировщиков в общей сложности вооружены почти 5 тысячами тяжелых пулеметов. Даже если один из каждых десяти имеет возможность стрелять, это значит, что нас накроет шквал огня.

Я зашел на вторую лобовую атаку, спустившись чуть ниже, и стрелял непрерывно, пока не был вынужден свернуть, чтобы избежать столкновения. На этот раз я попал.

Я нырнул вниз и оглянулся. Нижняя часть фюзеляжа «либерейтора» охвачена огнем. Он далеко отстал от основной группы.

Я атаковал еще дважды, на этот раз зайдя сзади. Меня встретила стена огня. Мой самолет трясет от отдачи двух пушек и 13-миллиметровых пулеметов. Вижу, что попал в верхнюю часть фюзеляжа и правое крыло, но не могу оторвать рук от гашеток.

Правое крыло у него загорелось, а через некоторое время отвалилось совсем. Тело раненого монстра, закрутившись, понеслось вниз. Длинный черный хвост протянулся за ним. Один из членов экипажа попытался выпрыгнуть с парашютом, но парашют загорелся. Черт возьми! Тело камнем упало на землю.

Чудовищный взрыв, разрушивший фюзеляж бомбардировщика, произошел на высоте 1000 метров. Часть пылающих обломков упала на ферму в 200–300 метрах от аэродрома Цвишенан. От взорвавшихся баков ферма загорелась. На огромной скорости я последовал за своей жертвой и, приземлившись на аэродроме, побежал к месту падения самолета. Там уже собрались люди, спешившие потушить пожар на ферме. Я присоединился к ним, помогая спасать мебель, животных и технику из горящих построек. Дым слепил, сдавливал горло, комбинезон опалило, когда я пытался вытащить из свинарника, охваченного огнем, жирную свинью, которая визжала как бешеная. Наконец дом и коровники спасены.

Обломки «либерейтора» раскиданы по луку, а в грудe дымящихся обломков лежат изуродованные тела летчиков.

На расстоянии 1000 метров я обнаружил кресло командира и переднее колесо. Маленькая фигурка, очевидно талисман, невредимая лежала в кабине.

Через час я приземлился в Джевере. Парни несли меня на руках. Это моя четвертая победа в 164-м боевом вылете, а вообще я поднялся в воздух 1004-й раз с начала учебы у сержанта Ван Дикена.

Дитер сбил свой седьмой самолет и второй тяжелый бомбардировщик. Кроме того, Раддац, Веннекерс и Добрик сбили по «летающей крепости». Значит, всего пять сбитых самолетов без каких-либо потерь.

Я не мог перестать думать об американских летчиках. Когда придет наша очередь? Эти люди такие же романтики неба, как и мы. Сейчас мы разделены барьером войны, но после смерти в воздухе мы пожмем друг другу руки.

28 февраля 1943 года

Всю ночь лейтенант Герхард и я сидели в моей комнате. Американцы доставляют нам много беспокойства. Мы размышляли о том, что же с ними делать.

Дитер предложил прекрасную идею. Почему бы не разбомбить плотный американский строй, используя наши самолеты как бомбардировщики.

Всю ночь мы рассчитывали скорость и траектории и пришли к одинаковому выводу: желаемый результат может быть достигнут путем одновременного сброса бомб всем звеном на плотный строй американских бомбардировщиков. За этим может последовать традиционная атака с использованием наших обычных возможностей.

«Мессершмитт-109G» способен нести груз весом 500 (250 кг) фунтов. Таким образом, каждый самолет может взять пять [17] бомб по 100 (50 кг) фунтов или одну бомбу весом 500 фунтов, либо кучу маленьких осколочных бомб, таких, какие я сбрасывал на головы Иванов в России.

Нам нужен 15-секундный взрыватель. Высота для эффективной бомбардировки — 1000 метров. Утром я доложил командующему [18] о нашем плане. Он подумал, что это шутка, и расхохотался. Но наши серьезные доводы убедили его, и он согласился поддержать наш план в штабе дивизии.

Вечером, предварительно предупредив командующего, я полетел в штаб дивизии в Штаде (Stade). Генерал Швабедиссен [19] и полковник Хеншель (командующий истребительной авиацией дивизии) выслушали мой рапорт и согласились помочь.

Затем я представил на одобрение прошение о выделении нам 100 стофунтовых учебных бомб, бомбометательных механизмов для всех типов бомб, средств для загрузки бомб в самолет. Кроме того, я попросил предоставить нам на один час в день самолет для буксировки мишени, желательно «Ю-88». Этот самолет, движущийся со скоростью, равной скорости «боинга», будет нести мишень, к которой мы станем пристреливаться.

Мои просьбы были немедленно удовлетворены. Полковник Хеншель не отходил от телефона, пока нам не было предоставлено все необходимое.

Мы будем пользоваться каждой возможностью для того, чтобы в ближайшие дни отработать все до мелочей.

8 марта 1943 года

Через 48 часов после моего визита в штаб дивизии прибыли три тяжелых грузовика с учебными бомбами. Все остальное нам доставили этим утром.

Тем временем звено проводит учения каждый день. Все мои летчики очень талантливы и опытные, поэтому вскоре мы уже освоили необходимые маневры. Теперь можем лететь крылом к крылу, устойчиво, как единая конструкция. Каждый маневр выполняется четко и аккуратно, включая синхронное приземление группы самолетов.

Для боевых целей мое звено выделено из эскадрильи как отдельная тактическая единица для борьбы с большими группами вражеских самолетов. Мне даже выделили мою собственную систему.

Вечером я и Дитер сбросили первые учебные бомбы на мишень, буксируемую «Ю-88». Результаты далеки от идеальных.

10 марта 1943 года

Сегодня мы целый день упражнялись в бомбометании в Цвишенане. Результаты отличные.

12 марта 1943 года

Прибыла первая партия боевых бомб. Теперь звено готово к выполнению новых задач.

16 марта 1943 года

Наши механики работают как черти, загружая бомбы в самолет как можно быстрее. Они очень стараются, и я доволен их энтузиазмом. Они действительно хорошие парни.

18 марта 1943 года

Утром Дитер и я сбросили по четыре учебные 100-фунтовые бомбы на мишень. Моя третья бомба попала точно в яблочко.

Без какого-либо предупреждения в 14.12 поступил приказ на боевой вылет. Нам следует атаковать и перехватить тяжелые бомбардировщики, приближающиеся к побережью. У нас нет времени загрузить бомбы.

Перед тем как закрыть люк, Дитер сказал мне, что хочет сегодня сбить ведущего в строю бомбардировщиков. Я, смеясь, спросил, рисуют ли янки на крыльях своих самолетов знаки отличия.

На высоте 8000 метров в районе Хелигоганда мы встретили врагов. Я вел звено плотным строем во фронтальную атаку.

Я открыл огонь по «либерейтору», находящемуся чуть ниже меня. Он немедленно загорелся и отклонился вправо от строя, рухнув вниз. Я снова зашел на атаку с хвоста, затем провел еще одну лобовую атаку, расстреливая падающий «либерейтор» спереди и снизу. Никогда у меня еще не было такой удобной цели. Вдруг он взорвался и пылающие обломки посыпались мне на

голову. На несколько минут я оказался в опасности столкновения с падающим двигателем или с крутящимися, пылающими крыльями. Это означало бы катастрофу для меня. Надо было действовать как можно быстрее, и я стал пикировать вниз. Фюзеляж «либерейтора» прошел всего в нескольких сантиметрах от меня. Самолет упал в море в 30 километрах к юго-востоку от Хелиголанда.

Это мой пятый.

Я поднялся на высоту 8000 метров для следующей атаки. Вдруг мое сердце чуть не остановилось.

Дитер находится прямо посередине строя янки, следуя тем же курсом. Первый сбитый им «либерейтор» рухнул вниз несколько минут назад. Сейчас он собирается отправить в Северное море ведущего американцев. Кажется, парень сошел с ума. Он держится прямо у хвоста «боинга», [20] непрерывно стреляя. Трассирующие очереди попадают в него.

Он совсем обезумел.

Я нырнул вниз, пробираясь к Дитеру сквозь строй американцев, беспорядочно стреляя по всем ближайшим самолетам.

Вдруг самолет Дитера стал резко падать. За ним потянулся хвост дыма. Он открыл люк и выпрыгнул. Его парашют раскрылся. Я летел рядом с ним. Лицо Дитера перекошено от боли, он обхватил себя руками. Похоже, Дитер ранен.

Через 15 минут он упал в море в секторе, обозначенном на карте как У-Р-9. Ему удалось освободиться от парашюта, его резиновая лодка надулась, и он забрался в нее. Я пролетел прямо над ним и помахал ему рукой. Он не ответил. Кажется, он ранен серьезно, видимо в живот.

Я немедленно сообщил по радио о месте падения нашего сбитого товарища и попросил для него помощи, потом вернулся на базу. Механики потрясены новостями. Мой собственный успех не принес мне никакой радости.

Только бы Дитера успели спасти...

Я один направился к морю. Остальные пока не вернулись. Не могу найти Дитера. Надеюсь, что какой-нибудь из патрульных кораблей заметил падающего парашютиста и поспешил на помощь.

Наступила ночь. Пока никаких новостей о лейтенанте Герхарде.

В его шкафчике я нашел бутылку коньяка. Такая же бутылка стоит в моем шкафчике. Когда-то мы с ним договорились, что, если кто-нибудь из нас не вернется с задания, эти бутылки достанет другой и вместе с ребятами помянет погибшего. Что же случилось с Дитером?

В полночь в моей квартире зазвонил телефон.

— Лейтенант Дитер Герхард найден экипажем корабля «Фальке». Он мертв.

Я медленно положил трубку. Дитер мертв. Он был самым близким моим другом.

Я взял бутылку из шкафа и пошел к лейтенанту Фрею. Он вместе со своей женой, Лило зашла к ним в гости. Они тоже с большой тревогой ждали новостей о Дитере. Когда я вошел, они обо всем догадались без слов.

Я протянул бутылку Фрею:

— Мы должны помянуть его.

Мы все чувствуем одно и то же, но раз мы так договорились с Дитером, значит, должны сдержать обещание.

19 марта 1943 года

Тело Дитера привезли в Куксхафен и положили в морг тамошнего госпиталя. Я сделал огромный венок. Мои ребята положили его в «Физелер Шторх», на котором я собираюсь полететь к Дитеру.

Я лечу над Ядебузенем, над широким устьем Везера. Вода блестит как зеркало, гладкая и спокойная, отражая лучи восходящего солнца. На севере раскинулось море, оттуда доставили тело моего погибшего друга.

Приземлился на маленьком поле недалеко от госпиталя и понес венок в маленькую церковь. Там, в центре белой маленькой холодной комнаты, лежит Дитер, накрытый белым покрывалом.

Кто-то откинул покрывало. Прекрасный стройный парень лежит холодный и умиротворенный. Он как будто спит, расслабившись после ожесточенной схватки и падения. Его глаза закрыты, в чертах лица сохранился вызов.

Спи спокойно, Дитер. Ты заслужил покой, сражаясь и умерев за наше любимое отечество. Ты был моим лучшим другом, я никогда тебя не забуду. Я остался один, но буду продолжать сражаться за Германию в этой великой битве, которую мы начинали вместе, ты и я, верные клятве, которую дали.

22 марта 1943 года

14.24. Завыла сирена.

Проклятие! Снова у нас нет времени, чтобы загрузить бомбы. Американцы приближаются с севера, летят над морем. Они собрались, как обычно, в том же секторе Дора-Дора, над Ярмутом.

Через несколько минут мы получили приказ возвращаться. Вражеские самолеты повернули назад и уходят на запад. Вернутся ли они?

После посадки самолеты немедленно заправлены, летчики пребывают в ожидании новой тревоги. Намерения врага не ясны, поскольку он постоянно меняет курс.

Я пытаюсь как можно быстрее загрузить 500-фунтовую бомбу в мой самолет. В это время поступает приказ на взлет, но я еще не готов.

— Сержант Веннекерс, принимайте команду, — передал я приказ.

Веннекерс помахал рукой. Он понял меня и начал разбег по взлетной полосе. Остальные последовали за ним. В тесном строю звено поднимается в воздух.

Потные механики лихорадочно работают под брюхом моего «Густава». Я, пристегнувшись, сижу в кабине и нетерпеливо курю.

— Давайте, давайте, быстрее, быстрее!

Мои товарищи исчезли из виду, направляясь в сторону моря. Янки пересекли побережье Голландии.

Готово!

Мой перегруженный самолет, грохоча, покатил к дальнему концу взлетной полосы. С бомбой я не могу стартовать по ветру. Во время разворота мой самолет неожиданно стал крениться влево — лопнула шина.

Я выстрелил красную сигнальную ракету. Мои люди поняли, в чем дело. Двадцать или тридцать человек забрались в грузовик, который помчался ко мне. Левое крыло подперли сильные спины, колесо заменили в течение нескольких секунд, я даже не заглушил двигатель.

Все в порядке! Они разбежались, я начал разбег, но самолет снова накренился влево. Несмотря на это, я попытался подняться, через 200 метров взлетел, пройдя в нескольких сантиметрах над крышей второго ангара.

Я на полной скорости поднимаюсь в безоблачное небо, направляясь к морю. Над моей головой видны следы выхлопа наших и американских самолетов. Здесь уже разгорелся бой.

7000 метров. Мой самолет еле двигается с невероятно тяжелым грузом. Я с трудом поднялся до 10 000 метров, затратив 25 минут.

Янки бомбили Вильгельмсхафен, насколько я могу понять по дыму и пожарам внизу. Они возвращаются через Хелиголанд.

Я медленно шел вперед, пока не оказался над передней машиной вражеского строя, состоящего исключительно из «боингов». На несколько минут я оказался под огнем снизу, в то время как с большим трудом пытался прицелиться, наклоняя то одно, то другое крыло, чтобы видеть вражеские самолеты внизу. На моем левом крыле появились две или три пробоины. Я поджег фитиль,

прицелился окончательно и сбросил бомбу. Она пошла вниз. Отвернув в сторону, я наблюдал за ее падением. Она взорвалась, в самом центре строя бомбардировщиков. У одной машины оторвалось крыло, еще две отбросило в стороны.

В 50 километрах к западу от Хелигоlanda мой третий тяжелый бомбардировщик упал в море. Нет никаких признаков пожара. За ним последовало его оторванное крыло, падающее, качаясь, как осенний лист. Бомба попала в цель. Это попадание произвело фурор и среди высшего командования.

Сразу после приземления меня потребовали на рапорт к командиру нашего авиакрыла. Он сам был в воздухе одновременно со мной и наблюдал падение «боинга».

— Бог мой, Кноке, вы должны повторить это вместе со всем вашим звеном!

— Я намереваюсь так поступить, господин командующий.

— Вы думаете, это сработает?

Откровенно говоря, я был не очень уверен в успехе. Возможно, сегодня мне просто повезло, но, может быть, мы сумеем сбить больше этих «малышек» таким образом.

Позже позвонил полковник Хеншель:

— Я в восторге, мой дорогой Кноке. Это было восхитительно. Хочу вас поздравить.

Он довольно блеял и казался взволнованным. Надеюсь, его монокль от волнения не упал в чашку с какао.

Авиация немецкого побережья Северного моря получила свою сенсацию.

Последние восторги ждали меня на нашем аэродроме. Мне этот ажиотаж по поводу одного сбитого бомбардировщика кажется довольно абсурдным. Во-первых, эту бомбу мог сбросить кто угодно. Во-вторых, идея была не моя, а Дитера. В-третьих, у меня восемь пробоин в самолете.

Ночью меня разбудил телефонный звонок. Это был коммутатор.

— Вам звонят из командования военно-воздушными силами.

— Что? Мне?

Я назвал свое имя.

На другом конце провода был майор из штаба рейхсмаршала Геринга:

— Вы сбили сегодня вражеский самолет, сбросив на него бомбу?

— Да, господин майор.

Он стал расспрашивать меня в деталях: какого типа бомба? какой взрыватель? насколько точно была рассчитана атака? какой был результат?

— Кто отдал приказ на бомбардировку?

— Никто, господин майор. Я действовал по собственной инициативе.

На другом конце провода наступила тишина. Первый раз я подумал о том, что не получал приказа снести такое большое яйцо на головы несчастных янки и это может рассматриваться как в высшей степени непозволительное самоуправство.

В это время на линию вернулся майор:

— Я соединяю вас с рейхсмаршалом.

Я пережил самый большой шок в жизни. Я окаменел, лежа на кровати, и отрапортовал:

— Лейтенант Кноке, командир пятого звена первой авиагруппы.

— Я очень впечатлен вашими действиями. Хочу лично выразить вам мою высокую оценку.

Так-то вот!

Таким образом, мы получили только что оперившегося прусского лейтенанта германских военно-воздушных сил, разговаривающего со своим главнокомандующим лежа на кровати, одетым только в пижамную куртку. Невероятно!

Если бы старик видел! На мне не было даже трусов, теснота раздражает меня. Я не мог удержаться от смеха при этой мысли.

23 марта 1943 года

Мне сказали, что прошлой ночью звонили с экспериментальной станции в Рехлине. Они просят прислать им полный отчет немедленно.

Боже правый! Лучше бы я не сбивал этот бомбардировщик!

В 10.00 позвонил генерал Камхубер.[21] Этот отвратительный маленький хам, известный как Гном, является командующим 12-м воздушным корпусом.

Я получил разнос за вчерашнее своеволие. Он вне себя от бешенства. Я был вынужден держать трубку телефона на расстоянии вытянутой руки.

— Где, вы думаете, мы окажемся, если каждый лейтенант будет делать то, что ему вздумается, черт побери? — доносился его разгневанный голос. — Что за чертовщиной вы занимаетесь?

Я знал, что этот вопрос возникнет. Он возникает в наших службах каждый раз, если у вышестоящего офицера иссякает запас красноречия, когда он делает выговор. Он ждет от меня признания, что я не мог удержаться и не поиграть с бомбами, поскольку мне нравится наблюдать, как они взрываются.

— Вы можете сказать что-нибудь в свое оправдание?

— Конечно могу! Да, господин генерал. Прошлой ночью мне звонил рейхсмаршал и лично выразил высокую оценку моей инициативы.

Попал! Это насторожило Гнома. Я слышал, как он шумно выдохнул. Что для одного мед — для другого яд, как говорится в старой немецкой пословице.

Полковник Лютцов, инспектор командования военно-воздушных сил, прибыл на самолете вечером.

Высокий молодой полковник — один из наших самых прославленных летчиков-истребителей, среди его наград — Рыцарский крест с мечами. Он пользуется большой популярностью, которую заслужил своей доброжелательностью. Просто и открыто он обсуждал со мной возможности, связанные с бомбардировкой летящих самолетов.

В качестве эксперимента было решено, что одно из звеньев 26-й истребительной авиагруппы, базирующееся на побережье у Ла-Манша, проведет бомбардировку американских бомбардировщиков.[22] Мы оба убеждены, что в любом случае эта тактика не может применяться долго: американцы будут посылать бомбардировщики в сопровождении истребителей.

— Что за суета вокруг такого пустяка, господин полковник! Я уже жалею, что сбил этот самолет!

Лютцов засмеялся:

— Я тоже!

17 апреля 1943 года

Сегодня американцы атаковали Бремен. Мы поднялись на перехват, загрузив бомбы, которые сбросили, когда звено в плотном строю летело над центром Бремена. Ни одна бомба не попала в цель.

Мы немедленно пошли в атаку, используя пулеметы. Я три раза атаковал «боинг», и в конце концов он загорелся. К юго-западу от Бремена, в поле, находящемся недалеко от Бассума, он разбился. Пять членов экипажа выпрыгнули с парашютами.

Мои товарищи сбили еще три самолета.

14 мая 1943 года

Враг бомбит Киль. Мы спешим к нему, погрузив бомбы. Несколько раз мы предпринимали коллективную атаку на высоте 10 000 метров над Хольштайном. Каждый раз вражеские самолеты ускользали от нас. Очевидно, они знали о наших намерениях.

Над Килем мы попали в шквальный огонь наших зениток. К несчастью, моряки стреляют так хорошо, что мы полностью дезорганизованы.

Я наблюдал, как бомбят янки. Они сбросили бомбы точно на верфи «Германия». Я впечатлен точностью, с которой работают эти мерзавцы, фантастика!

У меня появился шанс осуществить мой план, поэтому я собрал всех, чтобы довершить нашу работу.

Моя бомба не взорвалась. Но сержанты Фюрманн,[23] Фест[24] и Бирман[25] сумели попасть. Три «боинга» уничтожены в воздухе.

Положившись на мои пулеметы и пушки, я пошел в лобовую атаку на отдельную группу из 30 «боингов».

Почти сразу я почувствовал попадание в мой фюзеляж и вынужден был отказаться от атаки. Мой двигатель работает ровно, приборы показывают, что все в норме.

Я предпринял другую атаку. Мой первый залп попал в кабину «боинга». Он заметался, как смертельно раненный зверь, и резко ушел вправо. На высоте около 10 000 метров у него оторвалось крыло. Он разбился недалеко от Гузума в 12.17.

Я вернулся с несколькими пробоинами в фюзеляже и хвосте.

Сегодня мое звено сбило 5 бомбардировщиков. Общее число сбитых нами бомбардировщиков достигло 50, и 50-й сбил сержант Веннекерс. Таким образом, мое 5-е звено сбило больше бомбардировщиков, чем офицеры штаба, 4-е и 6-е звенья, вместе взятые.

Во время инспекции эскадрильи сегодня вечером генерал Холланд, командующий истребительной авиацией, оставил запись в Книге почетных гостей, выразив наилучшие пожелания и поздравления с нашей 50-й «малышкой».

15 мая 1943 года

Американцы сегодня повторили атаку на Киль.

Я могу поднять в воздух только пять самолетов, поскольку почти все наши самолеты имеют значительные повреждения. Мы встретили вражеские самолеты у Сент-Петер-Пенинсула, до того как они достигли материка.

Только одна из наших бомб, сброшенная сержантом Леннарцем,[26] попала в цель. Один из «боингов» рухнул вниз.

Я дважды безуспешно пытался атаковать одну из групп вражеских самолетов. Американцы применили тактику «волнообразного полета». Это делает лобовую атаку очень сложной, поскольку цель оказывается в прицеле на три-четыре секунды. Расчет времени очень важен из-за бешеной заключительной скорости. Наша скорость прибавляется к скорости противника на высоте 8000 метров и составляет в сумме более 1000 километров в час.

Наконец мне удалось выйти на «боинг», летевший на внешней стороне строя. Я увидел, что попал в правый внутренний двига-

тель. Но «боинг» просто переместился вглубь, в хорошо защищенный центр строя. Следующая лобовая атака не принесла результата. Я едва успел избежать столкновения с огромным хвостом одного из американцев. Только его руль был равен по размерам всему размаху крыла моего «Ме-109».

Это был один из тех дней, когда все катится к черту. Я потерял из виду «боинг», который подбил. Ждать больше нельзя. Я круто спикировал в хвост другому «боингу». Наконец мои атаки возымели эффект. Загорелись два левых двигателя. Янки стремительно теряет скорость. Он уже отстал от своих, это конец. Я опять зашел с хвоста, стреляя из всего оружия. Языки пламени появились в нижней части фюзеляжа. Все десять членов экипажа выпрыгнули с парашютами. Парашюты казались в небе бельем, повешенным на невидимой веревке. А гигантский самолет тем временем падал вниз, оставляя длинный след дыма, бесконтрольно вращаясь, и в конце концов развалился в воздухе.

Он разбился в 10.56, в секторе, обозначенном на карте как Тони-Зигфрид-четыре.

18 мая 1943 года

Кроме боев с американскими бомбардировщиками, мы продолжаем сопровождение морских конвоев. Таким образом, я совершил мой 200-й боевой вылет.

19 мая 1943 года

В 13.40 я сбил мой 7-й тяжелый бомбардировщик.

Вечером замечен вражеский разведчик, летящий на большой высоте, над Хелиголандом он улизнул от меня. Я не мог точно определить: кажется, это «лайтнинг».

1 июня 1943 года

Американцы снова приближаются над морем. При первой атаке над Хелиголандом двигатель моего самолета серьезно поврежден, как и насос для подачи топлива. Мы только что заняли позицию, удобную для бомбометания. Я был вынужден отделаться от моего «яйца», после чего чудом дотянул до базы.

Сержант Крамер также подбит над Вангерооге. Его машина с полностью оторванным хвостом, потеряв управление, столкнулась в воздухе с машиной лейтенанта Бирмана. Два самолета сцепились на несколько секунд и стали падать почти отвесно. Затем Бирман каким-то образом выровнял свой изуродованный самолет и смог спланировать на аэродром. Он пошел на жесткую посадку, но скорость оказалась слишком велика, и он перевернулся. Самолет полностью разрушен, а Бирман остался невредим.

Крамер выпрыгнул с парашютом. Он потерял хладнокровие и попытался раскрыть парашют на скорости более 900 километров в час. Две стропы на парашюте порвались, и он раскрылся наполовину. Крамер упал в море, его достали и отправили в госпиталь — он харкал кровью.

11 июня 1943 года

Американцы не появлялись до сегодняшнего вечера.

Мы два раза поднимались на перехват. Только на второй раз, когда бомбардировщики летели над морем, возвращаясь домой, я получил шанс выйти на удобную позицию. Один «боинг» в конце концов рухнул вниз после моей пятой атаки.

13 июня 1943 года

Сегодня 13-е число.

Наше звено атакует группу из 120 бомбардировщиков. Я вижу в прицеле спокойнодвигающийся «боинг». Жму обе гашетки и... ничего не происходит. Я проверяю магазин, предохранитель, жму гашетки снова — и опять молчание. Вне себя от бешенства, я ныряю в облака.

Сегодня — 13-е!

25 июня 1943 года

Я чувствую себя разбитым после того, как, вместе с другими пилотами, сидел в баре до рассвета. Там раскидана куча пустых бутылок.

На небе сплошная облачность. Мы надеемся, что в такой день янки оставят нас в покое. Не замечено ни одного вражеского самолета. Я лег в надежде хоть немного поспать в комнате отдыха, рядом с помещением для персонала.

Звонок телефона разбудил меня в 7.00 — вражеские самолеты в районе Дора-Дора.

Как будто они не могли выбрать другой день!

Летчики еще спали. Я не стал их будить, а сам пошел к самолету. Главный механик доложил, что все машины проверены и готовы к полету. Зайдя в столовую, я заказал омлет, масло, хлеб и попытался поесть. Еда показалась мне безвкусной. Первый раз я не испытал удовольствия при мысли о том, что скоро лететь на задание. Какая-то неожиданная слабость появилась в животе. Страх?

Нет, думаю, это не страх, а равнодушие. Даже визит в туалет не приносит облегчения. Я в течение пятнадцати минут бегаю по взлетной полосе, пытаюсь собраться. Турит, мой пес, бежит рядом. Снова и снова он бросается вперед, лая на чаек.

Из штаба пришло распоряжение быть готовым к взлету. Летчики, зевая, выходят один за другим. После того как немного перекусили, они надели меховые ботинки, комбинезоны и спасательные жилеты. Некоторые переговариваются. Я положил аварийный паек и аптечку во вместительный наколенный карман. Мы медленно направились к нашим самолетам. Объявления тревоги ждали в любой момент. Механики уже у самолетов. Мой главный механик болтает ногой, развалившись на крыле и жуя травинку. Какая иллюстрация бдительности!

Ардт[27] застегнул ремень безопасности, я надел шлем. Он протянул мне трубку телефона. На связи командующий. Спросил, готовы ли мы. Командиры звеньев ответили по очереди: лейтенант Зоммер,[28] я и капитан Фалькензамер.[29] Враг приближается к побережью: по всей видимости, сегодня они опять направляются в Вильгельмсхафен. 8.11. Взлет.

Звенья взлетают по очереди, всего 44 самолета. Пелена туч на высоте 2000 метров. Мы поднялись выше, приблизившись к побережью. Время от времени мы успевали мельком увидеть землю сквозь разрывы в облаках.

5000 метров. Мы преодолели еще одну пелену туч.

6000 метров. Никаких разговоров по радио. Сообщается только о расположении самолетов противника.

7000 метров. Мы ожидаем появления противника в любой момент.

Я проверил оружие. Кислородная маска мне тесна. Я пристроил ее поудобнее.

Мы летим сквозь скопления кучевых облаков. Сверху нависает третья пелена тяжелых туч. Мы летим сквозь долины, пещеры, горы в облаках. Наши самолеты кажутся невероятно маленькими, подавленными этим великолепием.

Вот и они!

«Боинги» на расстоянии около 1000 метров под нами.

Сегодня они летят не в плотном строю, а по одному или по три-четыре, сквозь сказочную пелерину облаков. Мы по одному стали пикировать вниз.

Вперед! Погоня началась.

Наша атака привела американцев в полное замешательство. Они беспорядочно мечутся, пытаются скрыться в облаках, сбежать от нас. Невозможно оценить, сколько их. Они напоминают растревоженное пчелиное гнездо. Мы сообщаем друг другу выгодные позиции по радио.

Наши пилоты парами атакуют группы «боингов». Сегодня мой ведомый молодой сержант, он первый раз летит со мной. Это его первый воздушный бой. У него прекрасная возможность одер-

жать первую победу, если он не потеряет самообладания.

Я выбрал два бомбардировщика, летящие отдельно, крыло к крылу, мы спустились ниже, чтобы атаковать их с тыла.

— Деллинг[30] (Dolling), возьми того, что слева.

Вызываю сержанта, но он отдаляется от меня и двигается вправо, не обращая внимания на мои вызовы.

— Держись ближе ко мне, парень! В другую сторону, влево! Иди влево и атакуй!

Я открыл огонь с близкого расстояния. Снаряды из моей пушки легли точно в центре фюзеляжа бомбардировщика. Задний стрелок упорно стреляет по мне. Я медленно приблизился, непрерывно паля. В моем правом крыле появились пробоины. Этот мерзавец у хвостового пулемета не хочет оставить меня в покое, и, по всей видимости, нервы у него железные.

Расстреливаю с близкого расстояния «боинг», концентрируюсь на хвостовом пулемете. После моих очередей он замолчал. Раздался взрыв, после которого замолчал и верхний пулемет.

Мы летим точно в глубоком каньоне, с отвесными стенами облаков с обеих сторон. Потрясающее зрелище! Деллинг упорно летит справа, не ввязываясь в бой. Почему он не атакует второго?

Потеряв терпение, я закричал:

— Стреляй, осел несчастный, стреляй!

Он совсем не реагирует.

Я услышал разрывы снарядов.

С правой стороны меня обстреливает пулемет со второго бомбардировщика. Он совсем близко от меня. Другой стрелок тоже начал стрелять по мне из спаренного пулемета. Очереди проходят прямо над моей головой.

Я почувствовал еще одно попадание по моему самолету. Мы попали в скопление облаков. У моего «боинга» уже пылает хвост и левый внутренний двигатель. Но два пулеметчика со второго бомбардировщика продолжают обстреливать меня. Они всего в 30 метрах от меня.

Стараюсь добить мою жертву. Этот негодяй будет сбит, даже если за это придется заплатить головой. Я держусь в 70 метрах от его хвоста. Огонь перекинулся на его правое крыло.

На мгновение я отпустил штурвал, чтобы привлечь внимание Деллинга и указать ему на второй бомбардировщик. Вдруг перед глазами у меня полыхнуло, и рука, которой я махал, отлетела к стенке. Я судорожно схватился за штурвал, но тут же бросил его. Моя правая перчатка, разорванная в клочья, набухла от крови. Боли я не чувствую.

Я снова схватил штурвал раненой рукой, прицелился и длинной очередью разрядил магазин в противника. «Боинг» стал па-

дать, пылая как факел.[31] Я последовал за ним и проводил до самого моря. Горящее масляное пятно — все, что осталось от тяжелого бомбардировщика.

Я почувствовал боль в руке.левой рукой взялся за штурвал, он скользкий от крови. Из правой руки течет кровь.

Некоторое время назад я перестал понимать, где нахожусь. Взял курс на север в надежде достичь земли. Мой двигатель чудом уцелел. Мне повезло, что стрелки на этом «бою» оказались никудашные.

Боль в руке усиливается. Я теряю много крови. Мой комбинезон выглядит так, словно я лежал в луже крови.

Как далеко от берега я нахожусь? Минуты тянутся бесконечно, но я не вижу никаких признаков этого проклятого берега. У меня появился какой-то странный жар, болезненное ощущение, кажется, я теряю сознание.

Боль в руке мучительная. Впереди замаячил остров — Нордерней. Через семь-восемь минут я смогу приземлиться. Время тянется бесконечно. Наконец я над Джевером. Несмотря на пульсирующую боль в руке, стал медленно спускаться, покачав крыльями в знак победы.

Механики махали руками и кепками, радуясь, как дети. Сейчас мне нужны обе руки, чтобы приземлиться. Я сжал зубы. Правая рука совсем онемела.

Мой механик пришел в ужас, увидев мою руку и кровь, растекшуюся по комбинезону. Другие механики столпились вокруг моего самолета. Командир ранен!

В пункте оказания первой медицинской помощи дежурный врач снял перчатку с моей руки и наложил повязку, потом сделал мне профилактическую инъекцию.

Сейчас только 9.00. Остальные самолеты не возвращались до полудня. Мы записали на свой счет еще две победы.

В поддень меня забрали в госпиталь, похоже, собираются оперировать. Мне ампутировали сустав пальца. С рукой все будет в порядке, если не начнется гангрена. Медсестра взяла меня под опеку. Я должен оставаться здесь до дальнейших распоряжений. Я выглянул в окно: моя машина стоит во внутреннем дворе. Юнгмайер, мой водитель, ждет меня.

Я осторожно осмотрел длинный коридор. На берегу тоже никого нет. Терпеть не могу запаха больницы. Через полчаса я уже вернулся на свой аэродром.

Не могу удержаться от смеха: они там, наверное, ищут меня.

2 июля 1943 года

Я хотел остаться со своими товарищами, но командир эскадрильи, капитан Шпехт (он принял командование эскадрильей два месяца назад), приказал мне отправиться в отпуск на несколько дней, поэтому я вместе с Лило и маленькой Ингрид поехал в Хамельн.

Три с половиной года прошло с тех пор, как я покинул родной город. Тогда я только что поступил в институт и хотел стать солдатом, сейчас вернулся старшим лейтенантом — мне присвоили это звание месяц назад и утвердили в должности командира звена. Я награжден Железным крестом первой и второй степени, у меня черная нашивка за ранение, значок пилота. За несколько последних месяцев я вдобавок получил бронзовый, серебряный и золотой значки-крылья за 200 боевых вылетов.

В те дни я был по-юношески влюблен в Аннелиз, а сейчас я женатый человек, отец семейства.

В моем дорогом старом городке ничего не изменилось.

Каждый день мне меняют повязку. Я хожу с правой рукой на перевязи. Почему-то горжусь моим первым ранением, не могу удержаться.

4 июля 1943 года

У меня еще почти неделя отпуска. Но я понял, что скучаю по аэродрому, по моим товарищам, по самолетам, и решил вернуться.

Кроме того, не могу представить мое звено без меня!

25 июля 1943 года

Я получил что-то вроде кожаного чехла, предохраняющего мою перевязанную руку, и теперь снова могу летать при помощи ремешка, привязанного к штурвалу.

За последние несколько дней я совершил множество полетов на красивом четырехместном самолете «Мессершмитте Тайфуне».

Сейчас я лечу над Гамбургом. Англичане ночью, а американцы днем проводят массированные бомбардировки и практически разрушили этот огромный город. Целые районы лежат в руинах, вследствие ночных бомбардировок зажигательными бомбами, проводимыми англичанами. Около 100 000 человек погибло. Американцы днем атакуют военные объекты.

Я вижу пожары, пылающие на развалинах. Клубы дыма поднимаются на высоту 1000 метров. Дым распространяется на площади 20 километров, медленно дрейфуя к Балтийскому морю, расположенному в 140 километрах отсюда.

На небе ни облачка. Огромные столбы дыма поднимаются в лазурное небо. Ужас происходящего потряс меня. Это ужасная картина человеческих страданий.

Я немедленно хочу вернуться в бой, несмотря на раненую руку.

27 июля 1943 года

Во время пробного полета я понял, что смогу летать на моем «Густаве», привязав руку к штурвалу.

Вечером поднялся в воздух вместе со всем звеном на учебный полет. Пока рука не заживет, я должен избегать столкновений с вражескими истребителями, но атаковать бомбардировщик смогу.

К несчастью, во время этого полета сержант Крамер, всего через несколько дней после того, как его выписали из госпиталя, упал в море — у него были неполадки в двигателе. Мы видели, как он падает, но помочь ничем не могли. Самолет навсегда исчез в глубинах Северного моря.

28 июля 1943 года

Скопление вражеских самолетов в секторе Дора-Дора. Это значит боевой вылет. Я привязал руку к штурвалу и взлетел.

В 8.35 мы поднялись в воздух. Бомбы прикреплены под фюзеляжем.

Над Хелиголандом мы поднялись над приближающимися бомбардировщиками и сбросили бомбы. Под нами возникла потрясающая картина огромного взрыва.

Строй плотно летящих самолетов полностью дезорганизован. Несколько «боингов» стали резко падать, остальные отброшены в стороны. Они едва избежали столкновения. Бомба, сброшенная сержантом Фестом, взорвалась в самом центре группы из трех бомбардировщиков. Все они одновременно рухнули и разбились. В небе раскрылось более 20 парашютов.

В наших наушниках гремели возгласы триумфа. Это что-то невообразимое! Мы носились над разбитым врагом в полном восторге, потребовалось несколько минут, чтобы мы успокоились. Подумать только, Джонни Фест смог сбить трех монстров одной бомбой! Несколько других самолетов повреждены.

Я прокричал моим ребятам:

— А теперь дадим им жару!

Мы строем ринулись на янки. Мои парни рвутся в бой. В наушниках раздается: «Вперед! Вперед!» Подобрались на расстояние, удобное для атаки. У меня новый самолет, с 30-миллиметровой пушкой. В фюзеляже моей жертвы появились огромные пробоины.

Летчик в панике пытается уйти вниз, надеясь спастись. Пять или шесть бомбардировщиков, некоторые из них горят, отклонились в сторону. Сейчас мы можем перебить их по одному! Один за другим они падают в море, горя как факелы. Только пылающие масляные пятна остаются на поверхности.

Какая охота!

Добив одного противника, я вернулся, чтобы наметить себе другого. Вместе с сержантом Раддацем я вел огонь по «боингу», пока он не загорелся. Раддац добил его, когда он пытался скрыться, повернув на восток.

Вдруг я увидел, что один из моих товарищей горит. Подобравшись ближе, я увидел, что это сержант Хефиг.

— Спокойно, Хефиг! Только не паникуй!

Длинные языки пламени вырываются из-под фюзеляжа.

— Прыгай, Хефиг, если не хочешь поджариться!

Я приказал остальным успокоиться. Крамер не разбился бы вчера, не потеряй он хладнокровия.

Сержант Хефиг прыгнул с парашютом. Потоки воздуха бросали его в разные стороны. Сначала он падал как камень, потом его парашют раскрылся.

Я проводил его, кружа над ним. Хефиг помахал рукой, потом показал вниз. Там его ждало море.

Я вызвал базу:

— Младший брат сбит в районе Ульрих-Квелле-шесть. Он падает в море. Прошу помощи.

База подтвердила прием. Они найдут Хефига. Он медленно дрейфовал в воздухе, пока не упал в воду.

Десять самолетов вернулись на базу в 9.50 без повреждений. Механики несли нас на руках от самолетов до казарм. Они были в восторге.

Ардт, мой механик, поздравил меня и в шестой раз подарил мне ритуальный цветочный горшок со словами:

Каждый раз я дарю этот старый горшок
И хочу, чтобы деньги мои он сберег!

На аэродроме царит невиданное веселье. Пилоты рассказывают солдатам о прошедшем бое.

Сегодня мы записали в свой актив еще 11 сбитых самолетов. 11 бомбардировщиков больше не будут бомбить Гамбург.

Спасательная команда выловила Хефига вместе с компанией его коллег-американцев.

Вечером Хефиг прибыл из Хелиголанда, куда был доставлен вместе с американцами. Он в прекрасном настроении, невредим, если не считать легкого ожога на лбу.

«Да, ребята, какая прекрасная вечеринка!» — это все, что он смог сказать в ответ на поздравления товарищей.

Джонни Фест, конечно, герой сегодняшнего дня. Он сбил три самолета за один вылет.

Нам звонят из других звеньев. Они видели наш бой и поздравляют с успехом. Я действительно горжусь моим «пятым». Сам я записал на свой счет 13-го.

Этот день останется в нашей памяти как потрясающая «вечеринка со стрельбой».

15 августа 1943 года

И снова мое звено (моя «пятерка») получило специальное задание.

Под крыльями наших самолетов установили нечто странное, с виду похожее на печную трубу. Их так и прозвали — «печные трубы». В действительности это пусковые установки для минометных снарядов или скорее для ракет. Они состоят из отсека для горючего, отсека для взрывчатки и взрывателя с таймером. Похоже, на наши самолеты скоро поставят тяжелую артиллерию.

Наша задача заключается в том, чтобы, расположившись на расстоянии 700 метров позади вражеского строя, использовать эту хитрую штуку для стрельбы ракетами.

17 августа 1943 года

Рано утром нас неожиданно перебросили за Рейн, на 200 километров к югу. Массированные атаки американских бомбардировщиков ожидаются в Центральной Германии. Нам следует работать в сотрудничестве с авиасоединениями, дислоцирующимися в этом секторе.

Но всего лишь через 90 минут нам дали новый приказ — двигаться к Гилзе-Рину, в Голландию. Мы прибыли туда в 11.15.

Несколько красивых девушек принесли нам поесть и угостили летчиков восхитительным завтраком прямо у самолетов.

Широкая взлетная полоса блестит на жарком солнце. Томми обработали ее бомбами несколько ночей назад, когда здесь приземлялись наши ночные бомбардировщики.

Я узнал, что старший лейтенант Гайгер, мой старый товарищ со времен Военной академии, тоже служит здесь. Сразу после моего телефонного звонка он приехал. Внешне он очень изменился, я едва его узнал, а он настаивает, что я нисколько не изменился. Гайгер — командир звена ночных истребителей, несколько недель назад он был награжден Рыцарским крестом. Его характер не изменился — такой же честный пруссак, серьезный и упорный, как прежде.

В 13.15 объявлена тревога. Гайгер помахал мне, когда я выезжал на взлетную полосу. Над Антверпеном мы встретили «боинги» в сопровождении «спитфайров». Из-за моих «печных труб» мне нельзя вступать в бой с ними. Я хочу использовать их только в случае острой необходимости. Сейчас нужно дождаться удобного случая для атаки.

Я следую за «боингами», направляющимися на юго-запад двумя группами, стараюсь не очень к ним приближаться и жду момента, когда «спитфайры» полетят обратно в Англию.

Над Аахеном я получил возможность атаковать. Но до того как смог открыть огонь, они пробили мое левое крыло и отстрелили «трубу». Я едва удерживаю самолет в повиновении. В левом крыле зияет огромная пробоина. Боюсь, что поврежден лонжерон. От большой нагрузки крыло может переломиться. Я должен избегать резких маневров и попытаться выстрелить из второй «трубы».

Мои летчики тем временем прекрасно отстрелялись ракетами. Фюрманн и Фест попали по разу. Их цели (бомбардировщики) взорвались в воздухе. Остальные стреляли неудачно, насколько я могу судить. Моя ракета прошла по центру строя бомбардировщиков, но никого не задела.

Я развернулся и пошел на посадку в Бонне (Хангеларе). Немедленно заехал к ремонтникам. Они подтвердили мои опасения насчет того, что лонжерон моего левого крыла серьезно поврежден. Это выбивает меня из боев. В течение ночи на моем самолете поставят новое крыло.

Я медленно побрел через взлетную полосу к диспетчерской вышке. Возвращаются из боя «мессершмитты» и «фокке-вульфы». В общей сложности 30 самолетов сейчас пополняют боекомплект и запасы топлива. Все они входят в состав разных авиасоединений. Жаль, что большинство летчиков неопытны. Среди них нет ни одного командира группы.

Американцы опять бомбят шарикоподшипниковые заводы в Швайнфурте. Они прошли над головой на огромной высоте, направляясь на юго-восток.

Меня мучает мысль о том, что мой самолет непригоден для полетов. Я решил лететь на поврежденном самолете, несмотря ни на что. Игнорируя запрет механика, я загрузил боекомплект и заправился.

Я собрал всех летчиков, находящихся на аэродроме, и сказал им, что они переходят под мое командование. Мы поднялись в воздух вместе, большой, компактной группой в 17.00. Американцы в это время уже возвращаются домой. Я надеюсь доставить им много неприятностей.

Я должен обращаться с моим самолетом как с корзиной, полной яиц. Мы быстро поднялись на высоту 7000 метров. Прямо перед нами строем летят около 150 «боингов». Мы постепенно приближаемся к ним. Посылаю пилотов в атаку одного за другим. А сам, оставаясь чуть позади, выбрал отдельно летящий бомбардировщик. С расстояния 150 метров открыл огонь короткими очередями. Американцы открыли ответный огонь: их трассирующие снаряды свистят вокруг, очень близко над моей головой. Эти жемчужные ожерелья становятся все плотнее и плотнее. Мне кажется, в воздухе слишком много металла.

Я оказался в очень невыгодном положении, вынужденный лететь за группой бомбардировщиков несколько минут, не имея возможности для атаки. С тревогой смотрю на крыло с пробойной.

Внезапно мой измученный самолет попал под град огня. Чувствуется запах пороха. Несмотря на это, двигатель работает нормально. Я уклонился, и стало чуть легче. Приблизившись на 100 метров к своей жертве, медленно прицелился.

Мой самолет содрогнулся от удара. Судя по звуку, снаряд попал в фюзеляж.

А сам я попал в цель. Самолет янки горит, отклонившись влево от основной группы. Пять парашютов выросли как грибы.

Неожиданно в мой самолет попало подряд несколько снарядов, меня закачало. Звук был такой, словно мешок с картошкой опорожнили в пустую бочку, в которой я сижу. Из двигателя поднимаются языки пламени. От дыма тяжело дышать, слезятся глаза.

Они все-таки добрались до меня! Проклятие!

Я отодвинул стекло, чтобы увеличить доступ воздуха. Дым становится плотнее. Горячее масло из двигателя течет по основанию крыла. Заложив широкий вираж, ушел от скопления самолетов. Я получил удовольствие, наблюдая за тем, как мой «боинг» разбился в горах Эйфеля. Огромный столб дыма взметнулся из соснового леса.

Вот это да!

Я выключил зажигание и подачу топлива. Термометр показывает, что температура в радиаторе и температура масла очень высока. Боже мой! Как разворочено мое левое крыло! Оно может сломаться в любой момент.

Пламя ослабевает. Пожар прекратился. Я включил экстренную деблокировку и откинул люк. От стремительного потока воздуха у меня перехватило дыхание. Ветер чуть не сорвал с меня шлем и подхватил шарф на моей шее.

Должен ли я прыгать? У моего «Густава» множество пробоин, но он все-таки летит.

Я остановил пропеллер и начал планировать. Двигался на восток, теряя высоту. Ветер свистит над крыльями и фюзеляжем, а я обливаюсь потом. Впереди река Рейн, серебряная лента, пересекающая иссушенное солнцем поле. Широкая равнина Рейнланд пышет жарой.

4000 метров. Если мне немного повезет, то я смогу добраться до аэродрома Хангелар, недалеко от Бонна.

3000 метров. Кажется, я теряю высоту слишком быстро. «Мессершмитт-109» — это не планер.

Как там мой двигатель? Я включил зажигание, выровнял крен, опустил нос, чтобы увеличить скорость движения вперед. Двигатель загрохотал и заскрежетал, но завелся.

Получилось! Не осмеливаясь прибавить скорость, осторожно вернулся на высоту 4000 метров. Снова повалил дым и появился запах гари. Скорее выключить зажигание и снова планировать.

Я не дотяну до Хангелара, не могу включить двигатель снова.

2000 метров... 1500... 1000... Я заметил что-то похожее на большое поле и стал снижаться. Земля стремительно несется навстречу.

Приготовился к посадке на фюзеляж, снова включив зажигание. Двигатель завелся. Мне нужно совершать более плотные круги, чтобы приземлиться на этом поле. Внезапно двигатель заскрежетал, загрохотал и остановился совсем. Все!

Двигатель молчит. Пропеллер застыл, словно его зажало в тисках. Самолет потяжелел и вышел из-под контроля. Скорость падает, левое крыло отвалилось.

Проклятие!

Я резко опустил нос и восстановил контроль. Внизу мелькают дома деревни. Мой спидометр показывает 500 километров в час. Я чуть не задел верхушки высоких деревьев.

400 километров в час. Я должен приземлиться.

300 километров в час. Я задеваю деревья.

На спидометре 250 километров в час. Сбил два или три деревянных забора. Обломки стоек раскидало в разные стороны. Пыль и комья земли взметнулись в воздух. Я коснулся земли, затянув ремень безопасности и упершись ногами в педали руля. Впереди показалась каменная ограда. Господи, помоги!

Удар!

Наступила мертвая тишина. Я ослабил ремень безопасности и выполз из кресла. Мой «Густав» похож на старое ведро, которое долго пинали и топтали. От него остались одни обломки. Не сохранилось ничего, кроме хвостового шасси.

Кровь сочится из моего рукава.

18 августа 1943 года

Сегодня спасательный самолет эскадрильи «Вайе» целый день собирал сбитых летчиков. Мы называем его летающим мусоровозом.

Мое возвращение в Джевер в полдень было встречено громкими криками радости. В правой руке у меня остались осколки. Врач в Хангеларе извлек их прошлой ночью.

19 августа 1943 года

В будущем наши самолеты оснастят дополнительными топливными баками, чтобы увеличить продолжительность полета. Эскадрилье поручено выполнять боевые задачи в центре и на юге Германии.

«Густавы» в моем звене стали неповоротливы и тяжелы в управлении по причине тяжелых «труб» и всего остального, что на них нагружают.

27 сентября 1943 года

Вражеские самолеты замечены в секторе Дора-Дора. Снова пора на взлет...

10.30. Мы в состоянии готовности.

10.45. Готовность к взлету. У меня новый самолет. Арндт полировал его, пока машина не заблестела как зеркало, — значит, скорость самолета увеличится на десяток километров в час.

10.55. Сигнал на взлет. Как обычно, из громкоговорителей раздается: «Всем на взлет! Всем на взлет!» Небо совсем закрыто тучами. Мы поднимаемся над облаками, на высоту 3000 метров и в тот же момент видим «боинги» прямо над нами. Мы летим параллельным курсом на восток, на высоте 6000 метров. Теперь они недалеко от нас.

Я приказал пилотам сбросить резервные баки, хотя они заполнены. Мы стремительно зашли на атаку, стараясь выйти на удобную позицию для стрельбы из ракет. Когда мы уже достигли цели, американцы разделились на группы по 30–40 самолетов и стали время от времени менять курс. Мокрые хвосты на фоне туч двигаются зигзагами. Приблизившись на расстояние 600 метров, я приказал открыть огонь из ракет. В следующее мгновение перед моими глазами открылась фантастическая картина. Две мои ракеты попали в «боинг». Я увидел огромный огненный шар. Самолет взорвался в воздухе вместе со своим страшным грузом. Пылающие и дымящиеся осколки стали падать вниз.

У Веннекерса также прямое попадание. Его жертва, объятая пламенем, рухнула вниз.

Мой ведомый, сержант Райнхард, пустил ракету, которая взорвалась позади «боинга». Кажется, у бомбардировщика повре-

жден фюзеляж, и он отвернул влево. Я наблюдаю, как Райнхард ринулся за ним и, стреляя из всех пулеметов, пристроился в хвосте американца.

Вдруг мое внимание привлек странный, очень быстрый самолет, появившийся из-за двух бомбардировщиков. Кто это может быть? Насколько я знаю, с нашей стороны в операции участвуют только «мессершмитты» и «фокке-вульфы». Эти странные самолеты кружат над бомбардировщиками. Если это немецкие истребители, то почему они не атакуют бомбардировщики?

Я поднялся выше, чтобы рассмотреть их. Боже правый! Двенадцать или четырнадцать самолетов: янки идут в сопровождении истребителей! Я предупредил по радио своих товарищей. Поскольку не мог атаковать истребители в одиночку, вошел в пике, спускаясь к бомбардировщикам.

Неожиданно еще четыре странных одномоторных самолета спикировали за мной. У них на крыльях белая звезда и широкие белые полосы. Проклятие! Это «тандерболты». Я никогда их прежде не видел.

Немедленно спикировал за ними. Они резко ушли влево, направляясь к одинокому «боингу», у которого остановились два внешних двигателя. На хвосте у него висит «мессершмитт» — это Райнхард. Болван видит только свою добычу и не подозревает о вражеских истребителях за спиной.

— Райнхард, Райнхард, проснись! Сзади «тандерболты»!

Райнхард не ответил, продолжая расстреливать свою жертву. Я двинулся за «тандерболтами». Один из них открыл огонь по моему ведомому. Тот все продолжает палить по бомбардировщику.

Сейчас ведущий «тандерболт» попал в мои прицелы. Одна очередь из пулемета — этого достаточно. Он охвачен огнем и рухнул вниз, войдя в штопор. Это моя вторая победа сегодня.

В моем самолете послышался взрыв. Я обернулся. Это «тандерболт», прямо у моего хвоста. К нему присоединяются еще два. Я вошел в крутое пике, пытаюсь скрыться в облаках.

Слишком поздно: горит мой двигатель. Я чувствую жар. Скоро он становится непереносимым.

Откинув люк, я сорвал с лица кислородную маску, отцепил ремень безопасности и катапультировался. Меня выбросило из кабины по дуге, я перекувырнулся и почувствовал, как ветер прижал мой комбинезон к телу.

Я медленно потянул вытяжной трос. Когда парашют раскрылся, меня подбросило вверх. После стремительного падения мне кажется, что я стою в воздухе. Меня качает из стороны в сторону. Надо мной колыхается широкий белый купол парашюта. Ветер

свистит в стропах. Я получаю большое удовольствие от полета. Какое прекрасное изобретение — парашют, если бы он еще всегда раскрывался.

Джевер находится севернее. Они наверняка видят меня. Если бы они знали, что это позорно болтается командир «пятерки», позволивший «тандерболту» перехитрить себя! Я приземлился в поле, пробежав по нему несколько метров.

Время 11.26. Прошла всего 31 минута с тех пор, как я в воздухе. Время, достаточное для того, чтобы были сбиты три самолета. Я утешаюсь тем, что счет два-один в мою пользу.

Ардт, мой преданный механик, смотрит, как я возвращаюсь с парашютом. На его лице написана грусть. «Этот прекрасный „Густав“...», — простонал он, удрученно качая головой.

Сегодня действительно черный день для нашей эскадрильи. Вечером выяснилось, что из моих нилотов убит сержант Деллинг, сбиты Раддац и Джонни Фест. Фест ранен, он в госпитале в Эмдене. 4-е звено потеряло двоих пилотов убитыми, один тяжело ранен.

Один из самолетов офицеров штаба тоже не вернулся.

6-е звено понесло самые тяжелые потери. Погибли девять из двенадцати летчиков. Остальные три совершили аварийную посадку или прыгнули с парашютом. Ни один из двенадцати самолетов не вернулся.

В наш актив можно записать 12 сбитых вражеских самолетов, как компенсацию наших потерь. Не менее 6 из них сбиты моей «пятеркой».

Мой личный счет увеличился до 16.

Тяжелые потери с нашей стороны можно объяснить тем, что мы не ожидали встречи с истребителями. Нас застигли врасплох.

Приятно то, что сегодня мы помешали американским бомбардировщикам достичь цели. Они вынуждены возвращаться со своими бомбами. Единственным исключением стала небольшая группа «боингов». Они сбросили свои бомбы сквозь разрыв в облаках на маленький город Есенс в Восточной Фризии. Попали в школу, 120 детей убиты. Это треть всех детей в городе.

Война стала беспощадной. Подобная жестокость неизбежна.

2 октября 1943 года

Нас перевели в Маркс, там, к югу от Джевера, огромный военный аэродром с бетонными взлетными полосами.

Наш первый вылет неудачен. Во-первых, мы не смогли догнать «боинги», они повернули к морю; во-вторых, один из летчиков 4-го звена разбился во время полета в плохую погоду.

4 октября 1943 года

С раннего утра наши станции слежения докладывают о высокой активности в воздухе на юго-востоке Англии. Погода хорошая. Ожидается появление американцев. Сообщения, полученные до настоящего времени, однако, не дают четкого представления о том, что происходит.

Мы сидим на аэродроме, около ангаров. Из громкоговорителей доносится легкая музыка.

Старший унтер-офицер подошел ко мне с папкой, набитой бумагами. Эта проклятая бумажная война доводит меня до изнеможения. Я быстро просмотрел документы, останавливаясь на самых важных. Мысленно я далеко, сосредоточившись на предстоящем бое с «боингами».

Турит бежит по взлетной полосе, сердито лая на морских чаек, прилетевших с моря.

Вчера я взял его поохотиться на кроликов. Турит прекрасный охотничий пес, быстрый, умный, задорный.

Внезапно музыка в громкоговорителе оборвалась. «Внимание всем звеньям! Внимание всем звеньям! Объявляется готовность к взлету».

Механики бросились к самолетам. Летчики бегут за ними. Турит сидит на моем левом крыле, пока я застегиваю ремень безопасности, и доверчиво смотрит на меня карими глазами. С того времени, как я привез его из Норвегии, он прыгает на крыло каждый раз, когда я готовлюсь к взлету. Только после того, как заведется двигатель, ветер сдувает его с крыла. Потом он бежит за взлетающим самолетом, пока тот не скроется из виду.

Арндт протянул мне телефонную трубку.

Командиры звеньев докладывают капитану Шпехту. Он объясняет нам ситуацию. Американцы приближаются с моря к северу Голландии. Сегодня мы в первый раз собираемся пойти в лобовую атаку плотным строем всей эскадрильей, это более 40 самолетов.

В 9.32 из штаба дивизии пришел приказ на взлет. Одно звено за другим поднимается в воздух, закладывая левый вираж и пристраиваясь к основному строю эскадрильи.

Курс три-шесть-ноль — это приказ с базы.

Мы постепенно набираем высоту. Тишина в эфире практически не нарушается. На высоте 7000 метров за нашими самолетами начинает тянуться белый след. Холодно. На кислородной маске у моего рта и носа появляется иней. Время от времени я сильно хлопаю себя по бедрам, чтобы согреться.

Мы видим вражеские самолеты, около 300 или 400 тяжелых бомбардировщиков, далеко на западе. Командир взял курс к ним.

Через несколько минут мы уже врываемся в строй самолетов противника, стреляя из всех видов оружия. Я на полной скорости

несусь к «либерейтору». Огонь! Я ныряю под его огромный фюзеляж, чтобы избежать столкновения, двигаясь по правому краю вражеского строя. Поднимаясь вверх, сделал разворот налево и снова зашел на атаку.

Я в него попал. Бомбардировщик отклонился от основной массы и полетел обратно.

Нет, друг мой, так не пойдет! Куда ты?!

Как только мой «либерейтор» оторвался от своих собратьев, я приблизился к нему снизу и расстреливал его толстое брюхо до тех пор, пока он не загорелся. «Либерейтор» горит намного быстрее, чем более современный «боинг». Девять человек выпрыгнули с парашютом. Их парашюты качаются в небе.

Огромный самолет падает вниз. Я спускаюсь вместе с ним на расстоянии 60 метров, уверенный, что ни одной живой души там не осталось. Отчетливо вижу огромные пробоины от моих снарядов на его носу и хвосте.

Вдруг я заметил огонек на верхнем пулемете. Слишком поздно! У меня загорелся двигатель. Самолет вышел из-под контроля.

Пришло время опять открыть люк, отстегнуть ремень безопасности. Мой двигатель заглох, самолет клюнул носом, выровнялся и... словно чья-то огромная рука выбросила меня из кабины. Не помню, как открылся мой парашют, кажется, я не дергал за трос. В нескольких сотнях метров подо мной вижу другие парашюты. Я и американцы будем купаться вместе.

Мне показалось, что вода прыгнула мне навстречу. Я быстро освободился от парашюта. Вода холодная, очень холодная и соленая.

Меня подхватила пенистая волна и подняла вверх. Мой спасательный жилет надулся. Я оказался на вершине волны, перекатился через нее и уже с другой стороны спустился в глубокую зеленую яму.

Моя резиновая лодка тоже в порядке. Когда она наполовину заполнилась воздухом, следующая волна чуть не вырвала ее из моих рук. В промежутке между двумя волнами мне удалось забраться в качающуюся лодку.

Волны идут одна за другой. Каждая из них покрыта шипящей белой пеной, они накрывают меня, я задыхаюсь и некоторое время ничего не вижу. Меня монотонно качает вверх-вниз, вверх-вниз, вверх-вниз. Вода в моей лодочке прибывает. Не успеваю ее вычерпывать.

Я разорвал мой маленький пакет с краской и смотрел, как вода вокруг окрашивается в какой-то нездоровый желто-зеленый цвет. В такой же цвет постепенно окрасился и мой комбинезон.

Товарищи видели мое падение. Я уверен, что помощь придет. Если бы не этот холод и бесконечная качка... Я посмотрел на часы — остановились. А предполагалось, что они водонепроницаемые.

Когда я прыгал, мне показалось, что оторвался карман на моем колене. Пакет с аварийным пайком пропал, и пистолет выпал из кобуры. Я расстегнул ремень с прикрепленными к нему сигнальными ракетами и выбросил. Зачем мне теперь этот бесполезный хлам?

Небо надо мной расчеркано следами от самолетов. Эскадрилья давно ушла на восток. Я не знаю, сколько мне придется сидеть в холодной и соленой ванне.

С юга появился самолет,двигающийся в моем направлении. Я замахал руками как сумасшедший. Они увидели меня, собираются вытащить отсюда. Не хочу быть брошенным, как бездомный пес.

Это «фокке-вульф» — самолет спасательной службы «Вайе». Он прошел совсем низко надо мной, я даже смог рассмотреть летчиков. Они тоже мне помахали и сбросили какой-то пакет. Упав в воду, он надулся. Это спасательный плот.

Поскольку я очень хотел достать этот плот, не заметил очередной волны, которая чуть не выбросила меня из лодки. Я наглotalся воды и чуть не задохнулся. В это время меня накрыла другая волна. Вода непереносимо соленая.

«Фокке-вульф» все кружит надо мной. Плот прямо впереди меня. Я могу легко доплыть до него. Мне стоило больших трудов забраться на туго надутый плот. Наконец я свалился на него в полном изнеможении.

Около двух часов лежал, качаясь в бесконечном ритме, вверх-вниз, вверх-вниз. Замаячил силуэт спасательного корабля. Сильные руки подняли меня на палубу. Спасен!

Завернув в теплое одеяло, меня перевезли в Хелиголанд, затем спасательная служба «Вайе» доставила меня назад, в Маркс.

5 октября 1943 года

Целый день я мучаюсь от похмелья. Всю ночь вместе с летчиками мы отмечали чей-то день рождения. Это было невероятно! Комната сегодня похожа на руины после боя.

Вечером я поднялся в воздух с четырьмя самолетами на поиски людей, пропавших в море. Вчера я сам качался на волнах, а сегодня мы ищем оставшихся в живых членов экипажа корабля, который вчера потонул, подорвавшись на mine.

На море сильный туман. После полутора часов безуспешных поисков вернулись на базу. Море снова забрало свою очередную

жертву. Мне повезло, что я избежал этой участи.

8 октября 1943 года

Сегодня я сделал следующую запись в своем бортовом журнале:

«Дата: 8 октября.

Взлет: 14.22 — Маркс.

Приземление: 15.21 — Маркс.

Продолжительность полета: 59 минут.

Примечания: Группа бомбардировщиков в сопровождении истребителей перехвачена в Северной Голландии. Один бомбардировщик сбит к югу от Долларта».

9 октября 1943 года

Сбив вчера мой восемнадцатый самолет, сегодня я был вынужден прекратить бой с «боингами» над Флемсбургом.

Поврежден мой пропеллер. Он застыл как вкопанный, и я был вынужден остановить двигатель и совершить аварийную посадку на аэродроме острова Вестерланд.

10 октября 1943 года

Янки не хотят оставить нас в покое. Сегодня они активно атаковали Мюнстер. А как только мы вышли на позицию для атаки «боингов», летящих над горящим городом, появились «тандерболты».

Разгорелась ожесточенная схватка. «Тандерболты» выглядят сделанными топорно, но их неуклюжесть компенсируется высокой скоростью и маневренностью. Но «мессершмитт», управляемый умелым летчиком, может его одолеть.

Во время боя я наблюдал, как «Мессер-шмитт-110» — один из самолетов 76-го авиакрыла истребителей-бомбардировщиков — выпустил четыре ракеты по группе «боингов». Два из них взорвались в воздухе. После этого несколько «тандерболтов» ринулись за героем. Унтер-офицеры Барран, Фюрманн и я бросились вслед за ними.

После моей первой же очереди один из «тандерболтов» взорвался прямо передо мной, Фюрманн сбил другого. После этого все остальные «тандерболты» стали преследовать нас. Мы сделали все, чтобы стряхнуть их с хвоста. Я совершал все маневры, на которые способен, и практически провел показательную демонстрацию фигур высшего пилотажа. В конце концов я ушел от них, введя самолет в вертикальный штопор.

Я знал, что «тандерболт» не может совершить такой маневр. К несчастью, ни Барран, ни Фюрманн не смогли последовать моему примеру. Они находятся в очень затруднительном положении —

у них на хвосте висят 10 или 12 янки, в то время как наши истребители-бомбардировщики скрылись из виду.

Я вернулся вниз, беспорядочно стреляя, чтобы отвлечь внимание преследователей от Баррана и Фюрманна, и почувствовал сильный толчок от попадания в хвост моего самолета и в левое крыло, туда, где находится шасси.

Потеряв управление, самолет рухнул вниз. Я не могу вернуть контроль над ним. Это невероятное падение продолжалось до высоты 1000 метров. Ситуация катастрофическая. Я покрылся холодным потом, руки начали дрожать. Кноке, сказал я себе, на этот раз действительно крышка!

В полном отчаянии попытался открыть люк, но его заклинило. Я снял ноги с педалей управления и из последних сил ударил по люку. Неожиданно самолет сильно трянуло, так, что я ударился головой о боковой иллюминатор, и он выровнялся.

Барран спускался вместе со мной, но, пребывая в полной растерянности, не мог вымолвить ни слова.

В Твенте я посадил самолет на фюзеляж рядом с посадочной полосой. Не было половины хвоста и правой стойки шасси.

Вскоре показался «фокке-вульф», идущий на посадку. У него сломалось шасси, и как только он коснулся бетона, перевернулся и загорелся. Летчик пристегнут к креслу, он сторел заживо на моих глазах, не успев освободиться. Я не мог ему помочь и был вынужден, едва сдерживая дрожь в коленях, смотреть, как он горит под обломками самолета.

Через несколько минут на некотором расстоянии от аэродрома посыпался град бомб, сброшенных тяжелыми бомбардировщиками.

На сегодня с меня хватит.

17 ноября 1943 года

14 октября, 13 и 15 ноября мы поднимались на перехват тяжелых бомбардировщиков над Ринеландом, но удача отвернулась от моего звена. Каждый раз мы сталкивались в ожесточенном бою с «тандерболтами», «мустангами» и «лайтнингами».

Сегодня утром три летчика-истребителя и три истребителя-бомбардировщика отправились на инспекционный парад в Ахмер. Рейхсмаршал Геринг появился в сопровождении кортежа из 30 автомобилей. Я разговаривал с ним около десяти минут, когда ему лично были представлены «специалисты по „боингам“».

Мне посчастливилось оказаться лидером дивизии — я сбил 15 бомбардировщиков. Капитан Шпехт — второй, а старший лейтенант Фрей третий, они сбили соответственно 14 и 12 самолетов.

Геринг производит очень странное впечатление. Он одет в какую-то вычурную форму. Его фуражка и эполеты украшены золотыми галунами. Полные ноги обуты в ярко-красные замшевые ботинки. При взгляде на его обрюзгшее, одутловатое лицо создается впечатление, что он болен. Приблизившись, я понял, что он пользуется косметикой. Однако у него приятный голос, он очень тепло разговаривает со мной. Я знаю, что он искренне заботится о благополучии летчиков.

Геринг расспросил меня о вражеских самолетах, которые я сбил. Особенно его интересовали подробности о моем первом «москито», которого я сбил год назад. По его мнению, «москито» — не более чем мелкая неприятность. Он выразительно повторил это снова. Год назад те два самолета особенно раздосадовали его, поскольку в тот момент он начал выступать с важной речью и должен был отложить ее на два часа в связи с налетом.

Он лично вручил мне Золотой крест.

Затем рейхсмаршал обратился к нам с речью о трудностях, связанных с защитой рейха и с теми особыми сложностями, с которыми мы столкнемся. К нашему удивлению, он сказал, что мы, летчики, стоящие на страже рейха, несем ответственность за провал воздушной обороны на западе.

Он сослался на поразительные усилия летчиков Королевских военно-воздушных сил в сражении за Британию и назвал их смелость блестящим примером для нас. С этой частью его выступления я полностью согласен. Но мне кажется, что, несмотря ни на что, командующий Военно-воздушными силами Германии имеет очень расплывчатое представление о том, что происходит, когда мы сталкиваемся с сильными американскими авиаотрядами.

Нельзя не признать, что с технической стороны летные данные наших самолетов ниже всякой оценки. После побед в Польше и во Франции высшее руководство германских военно-воздушных сил просто почивает на лаврах. Количество подразделений, стоящих на защите рейха, совершенно не соответствует выполняемой задаче. Численное превосходство врага по меньшей мере восемь к одному. Успехом, который был достигнут на фоне сокрушительного превосходства противника, мы обязаны исключительно выдающимся моральным и боевым качествам наших летчиков. Нам нужно больше самолетов, двигатели получше и поменьше штабных крыс.

19 ноября 1943 года

Вчера, после неудачной попытки перехватить приближающиеся самолеты янки, мы приземлились поздно вечером в Сент-Тронде в Бельгии.

Погода испортилась. Небо над Голландией и Бельгией покрыто плотными тучами, свирепствуют снежные бури. Сквозь просветы в облаках мы поднялись на нашу боевую высоту. На этой высоте возникает опасность обледенения. Тучи внизу растянулись, как бесконечное белое одеяло, тянущееся к северу до самого моря. Наши неутомимые «мессершмитты» блестят, искрятся на солнце. Из двигателей «Даймлер-Бенц» тянется след выхлопов по холодному и бледному осеннему небу. В кислородных масках перехватывает дыхание от холода.

Мы направляемся на север плотным строем, совсем как стая журавлей. С базы сообщают о приближении со стороны моря большого количества «боингов». Один из наших самолетов — это Фюрманн — постепенно отстает от строя и теряет высоту, словно обессилев от долгого перелета.

На мой запрос по радио он ответил, что у него проблемы с двигателем. В таком мраке, имея проблемы с двигателем, нужно прыгать — это единственный выход, если жизнь дорога. Но сержанту повезло. Его двигатель не заглох, и после часа полета мы повернули обратно, поскольку вражеские бомбардировщики вернулись на свою базу. «Тандерболты» расстреляли бы его еле двигающуюся машину, как утку на гнезде.

Сквозь приветливо проглянувший просвет в облаках я провел мое звено в Сент-Тронд.

Эрих Фюрманн приземлялся последним, его самолет рывками двигался по изрытому дерну в конце посадочной полосы. Начал падать легкий снег — это довольно необычно в этих краях в такое время года. Еще до того, как мы смогли согреться у печки в столовой, наши самолеты покрылись толстым слоем снега и выглядели как окаменевшие монстры из какой-нибудь сказки. Через час, когда Фюрманн присоединился к нам, мы шумной компанией сидели за дымящимися стаканами ромового пунша. Двигатели его самолета уже в полном порядке: неполадки были обнаружены в компрессоре. К этому времени мы начали нашу обычную игру в карты и опустошили по несколько стаканов крепкого, согревающего душу напитка.

Сначала Фюрманн не хотел присоединяться к азартно играющей, шумной компании. Он просто пожимал плечами и, подняв руку, потер большой палец об указательный, объясняя этим жестом, что у него нет денег. Кто-то насильно усадил его на стул. Кто-то еще сунул две пятифранковые монеты. Много событий играли свою роль в жизни Эриха Фюрманна, но в конце его жизни самая странная роль была сыграна этими двумя монетами.

Эрих начал играть и — этого никогда до сих пор не случалось — выиграл. Фюрманн поднял свою ставку и снова выиграл. Он про-

должал выигрывать с поразительным постоянством. Он взял банк и опять выиграл. Мы были потрясены. Прошло несколько часов. Большие облака голубого табачного дыма клубились под низким потолком. Пустые бутылки и стаканы были разбросаны по полу.

Я смотрел на Фюрманна.

Он был назначен в наш полк несколько месяцев назад и стал одним из наших товарищей. Небо было его родным домом. Как и остальные, он чувствовал себя там как рыба в воде. При всей своей изменчивости, небо давало нам возможность отдалиться от развороченных боями полей Европы, над которыми мы пролетали.

Как и мы все, он влюбился в жизнь летчика-истребителя — сочетание радости полета и волнующего восторга боя. Поскольку Фюрманн разделял наше чувство патриотизма, он стал хорошим воином и летчиком.

Для него, как и для нас, удивительный момент полета и дух рыцарства, витающие в воздушных боях, выливались в ощущение бесконечного счастья и душевного спокойствия. Постоянная близость смерти добавляет пикантности жизни, пока она продолжается. Преданно сражаясь за интересы родины, мы можем наслаждаться простым фактом нашего существования с искренним восхищением, просто потому, что жизнь так непредсказуема и прекрасна. Мы рассматриваем ее, как бутылку изысканного рейнвейна, с чувством настоящей необходимости насладиться им до последней капли, пока мы имеем такую возможность, осушая бутылку до дна в атмосфере веселого праздника.

Когда мы не были в воздухе, Фюрманн мог находиться в окрестностях аэродрома, в ангарах, в столовой. Он просто был там. Никто не обращал на него особого внимания, но, когда он уходил, оставалось смутное ощущение, будто чего-то не хватает. Он воспринимался как элемент фона. Он редко открывал рот, но, даже когда что-то говорил, никто его не слушал.

Однажды, когда мы говорили о нем, о том, какой он тихий, одна из девушек заметила, что в тихом омуте черти водятся. Она улыбнулась украдкой, наверное, знала, о чем говорила...

Когда игра закончилась, возбужденный шум, царивший вначале, сменился напряженной тишиной. Фюрманн продолжал выигрывать до самого конца. Затем он удовлетворенно положил в бумажник шесть банкнотов по 100 марок и любовно, с улыбкой добавил две монеты по пять франков.

Затем он вернулся на свое обычное место где-то сзади.

Сегодня в полдень мы отправились в обратный путь. Погода не изменилась.

Когда мы приземлились, Фюрманна не было. Он снова отстал от нас. Его самолет постепенно терял высоту, пока совсем не исчез в пелене облаков.

Я доложил на базу о том, что мы потеряли его, и вечером начались поиски. Мы долго ждали без всякого результата. Стемнело. Зазвонил телефон. Новости о Фюрманне? Товарищи смотрели, как я нервно схватил трубку.

В районе Емс-Мура произошла катастрофа. Кто-то из крестьян нашел обломки крыльев и хвоста самолета. Двигатель, кабина и тело пилота погрузились в колыхающееся, бездонное болото. Среди груды искореженного металла спасательная команда нашла обрывки комбинезона и бумажник. В бумажнике были шесть банкнотов по 100 марок и две монеты по пять франков.

Фюрманн!

Товарищи, потрясенные, смотрели на меня. У меня такое чувство, что будущее всегда приносит какие-то потери.

23 ноября 1943 года

Сегодня в полдень пришло известие о том, что разбился капитан Доленга.

На стене комнаты для летчиков мы повесили его фотографию, рядом с фотографиями наших погибших товарищей. Под каждым портретом печатными буквами написаны звание, имя и дата смерти. На некоторых подпись, иногда юмористическое посвящение.

Сержант Волни, лейтенант Штайгер, унтер-офицер Кольбе, лейтенант Герхард, сержант Крамер, сержант Деллинг, лейтенант Киллиан, сержант Фюрманн...

Кто следующий?

«Никто не остается наверху», — написал Штайгер своими характерными каракулями. Мы точно знали, что хотел сказать этот рыжеволосый здоровяк, когда написал это под улыбающимся портретом. Тысяча взлетов подразумевают тысячу приземлений. Каким-нибудь образом приземление происходит, так или иначе. Но когда-то это будет в последний раз.

— Хорошо, что мы не нашли его, — не переносу вида трупов!

Это Барран. Много лет они с Фюрманном были неразлучными друзьями. Он сидел, широко расставив ноги, и смотрел на портрет друга, не в силах свыкнуться с мыслью о его смерти. Он не жаловался, не просил сочувствия, он нашел выход своей скорби, приглушенно ворча, что из всех людей именно Фюрманн должен быть погребен на дне северного болота.

Барран, конечно, прав в том, что он говорит о трупах. Мы все прекрасно понимаем, что он имеет в виду. Это чувство непросто

выразить словами.

Каждая черта лиц наших товарищей и каждая особенность их характера близки нам. Мы храним в памяти их жесты, походку, голос, смех, даже когда их самих нет рядом. Изуродованное тело не сочетается с образом товарища, сохраненного в нашей памяти. Это страшное явление отталкивает нас. Поэтому мы отводим глаза, чтобы не отравлять память о нашем хорошем товарище, не разрушать образ, хранящийся в нашей памяти, глядя на бранные останки. Нет, не будем смотреть. Мы любим жизнь. То, что сделала смерть, не должно стать частью нашего мира.

Кроме того, они на самом деле не мертвы — Дитер, Доленга, Фюрманн, Штайгер, Кольбе и остальные. Просто они больше не с нами, они ушли. Господь забрал их к себе — это то, что я хочу сказать их матерям. Они остались в облаках — наших облаках, которые мы знаем и любим. Разве мы не стремимся к ним, измучившись в этом безумном мире?

Этот предмет, который утонул в болоте, вещь, которую выловили из моря, изуродованные останки на каменистых утесах — они не имеют ничего общего с нашей памятью о Фюрманне, Дитере, Доленге...

— Друзья, вам не кажется, что они могут умереть от смеха, глядя на наши тоскливые лица? Можно поклясться, что этот негодяй Фюрманн просто ждет следующего партнера, чтобы сыграть с ним в карты, — сказал Джонни Фест. Его юмор неподражаем.

— Это невыносимо, — прорычал Барран.

Его девиз: «Ругательство — это слабительное, облегчающее душу». Он уже написал эти слова на своем портрете, на тот случай, если этот портрет присоединится к тем, которые на стене.

11 декабря 1943 года

26 и 27 ноября и 1 декабря мы перехватили американские истребители над Руром и Рейнландом.

Сегодня мой личный счет достиг 20 сбитых самолетов.

18 декабря 1943 года

Мне предложили отпуск на три дня, но сейчас я не могу уехать.

Американцы появляются каждый день. Вчера я уже сидел в машине, которая должна была доставить меня к поезду, когда из громкоговорителей раздался сигнал тревоги. Я выпрыгнул из машины и помчался к моему «Густаву». Мой водитель покачал головой, и даже Арндт сказал, что мне действительно нужно отдохнуть несколько дней.

На высоте 3000 метров я вынужден отказаться от преследования, потому что у меня не убирается шасси. Веннекерс принял

командование. Они сбили две «летающие крепости» и «тандер-болт». Кажется, они смогут обойтись без меня, в конце концов.

Сегодня я уезжаю. Юнгмайер довез меня до железнодорожного вокзала. Стоя на перроне, я вижу, как эскадрилья поднимается в бой.

Я долгое время видел их из окна поезда. Первый раз за год меня с ними нет.

20 декабря 1943 года

Мы с Лило снова в Берлине. Планируем провести здесь несколько веселых деньков, навещая старых друзей, совершая походы в оперу и на спектакли.

Мы едва узнали Берлин: здесь все так изменилось. Город наводнили сотни и тысячи иностранцев — голландцы, французы, датчане, бельгийцы, румыны, болгары, поляки, чехи, норвежцы, греки, итальянцы, испанцы. Любой из европейских языков можно услышать в переполненных кинотеатрах, театрах, кабаре, ресторанах, в метро, на улицах. Везде они потеснили берлинцев. Мы с Лило не могли найти местечка, где можно было бы присесть.

Это смешение языков и толпы людей, кишачих повсюду, куда бы мы ни пришли, действует мне на нервы. Люди живут здесь так, словно на свете и не было войны.

Наша жизнь на войне, может быть, проста и примитивна, но, по крайней мере, она реальна. Есть нечто, что мы, солдаты, поняли здесь, каждый день рискуя своей жизнью в этой смертельной битве. Для меня было шоком обнаружить то, что здесь, в городе, люди стремятся удовлетворить только свои собственные, эгоистичные стремления к всяческим увеселениям. Такое поведение продиктовано всецело менталитетом гражданского человека, не воспринимающего основные истины, к которым мы привыкли там, на войне.

Я вижу штабных офицеров, которые служат в Берлине, чистеньких, ухоженных, одетых в безукоризненные мундиры. Я слишком долго жил в другом мире, и у меня сложилась другая система ценностей. Атмосфера этого места выбивает меня из равновесия.

22 декабря 1943 года

Вместе с Ингрид мы поехали навестить моих родителей в Ширац. Здесь, дома, с моей семьей, я начал ощущать некоторое спокойствие. Я запрягал лошадь в сани и отправлялся в долгие путешествия по зимней дороге на берегах Варты.

Лило и я счастливы быть вместе, Ингрид — прекрасная малышка с вьющимися локонами, и мне здесь очень нравится. Но даже

здесь я скучаю по моим товарищам и аэродрому, запаху самолетов и звуку ревущих двигателей.

26 декабря 1943 года

Мы встречаем очередное Рождество. На земле все еще царит война.

Сегодня рано утром пришла телеграмма из штаба эскадрильи: «Фалькензамер убит. Зоммер ранен. Шпехт».

Командир эскадрильи не приказывает мне прямо закончить отпуск и немедленно вернуться в часть, но я понял, как необходимо ему сейчас, когда убит капитан Фалькензамер, командир 4-го звена, и ранен старший лейтенант Зоммер, командир 6-го звена. Сейчас я единственный командир звена, готовый к бою.

Через два часа после получения телеграммы я уехал с первым же поездом. Лило поняла меня. Она храбрая, такой может быть только жена солдата. Она махала мне рукой, улыбалась, когда поезд тронулся.

Встретимся ли мы еще?

27 декабря 1943 года

Я ехал весь день и ночь. Юнгмайер встретил меня в Вунсдорфе. Он доставил меня к аэродрому. Эскадрилья переведена сюда несколько дней назад. Это прекрасно оборудованный гражданский аэродром, по самому современному проекту.

Я немедленно доложил о своем прибытии командиру эскадрильи:

— Старший лейтенант Кноке прибыл из отпуска, господин капитан.

Шпехт улыбнулся, пожав мне руку:

— Я знал, что вы не бросите меня, Кноке. Вы мне очень нужны сейчас.

Он рассказал мне, как погиб Фалькензамер. Я очень тяжело переживал смерть этого первоклассного офицера. Безукоризненно выглядящий, высокий, стройный. Его любили, его поведение, манеры очаровывали. Он был из Вены, раньше служил в Военно-воздушных силах Австрии. Его отец был офицером империи во время Первой мировой войны. У него совершенно очаровательная жена, с которой Лило и я встречались в Джевере несколько месяцев назад.

Фалькензамер был очень высок ростом, а Шпехт, который сейчас сидит напротив меня в своем кожаном комбинезоне, — низкий. Он самый маленький во всей эскадрилье. Но каждый человек, который общался с ним, чувствовал его мощь.

Ни один из офицеров, которых я встречал, не влиял на меня в такой степени.

Он строг к себе в той же мере, что и к подчиненным, и ожидает от них поддержки спартанских методов руководства, приверженцем которых он является.

Он потерял глаз во время боя в начале войны. Но даже с одним глазом он смотрит как орел. Бой сделал его таким. Единственное, о чем он мог говорить, — это «боинги», «тандерболты», «мустанги» и «лайтнинги». Однажды он вытащил меня из постели среди ночи только для того, чтобы обсудить некоторые тактические вопросы Женщины были для него абсолютным злом. Он запретил своим офицерам привозить жен или подруг в расположение части. Если он замечал летчика с проституткой, то применял по отношению к нему строгие дисциплинарные взыскания.

За последние десять месяцев он сбил 20 бомбардировщиков, и теперь он опередил меня. Точность его стрельбы поистине сверхъестественна.

Он очень жесткий командир, и у меня с ним было много столкновений. Несколько недель назад он сделал мне выговор за то, что несколько моих летчиков организовали вечеринку в соседней деревне с девушками, известными своим легким отношением к морали. Он приказал мне объявить дисциплинарные взыскания моим ребятам.

Я отказался выполнить приказ, сказав:

— Я не могу сделать этого, господин капитан.

— В таком случае вы не достойны командовать звеном! — рявкнул он вне себя от ярости.

— Тогда вам нужно поискать другого командира «пятерки».

— Я освобожу вас от должности командира и разберусь с вашими летчиками.

— Должен напомнить вам, что за последние несколько месяцев, которые были трудными для всех нас, мои летчики сбили больше самолетов, чем два остальных звена и ваши штабные, вместе взятые.

Я знаю, что Шпехт очень высокого мнения о моей «пятерке», но такой сдержанный человек никогда бы этого не признал.

Несмотря на раздражительный характер, я очень уважаю его. Вне всякого сомнения, это — большой человек.

31 декабря 1943 года

Мы запланировали вечеринку в канун Нового года. В 17.00, однако, Шпехт приказал не покидать казармы ни офицерам, ни летчикам, ни персоналу. Вместо вечеринки мы устроили праздничный обед в офицерской столовой. Шпехта никогда так не

ругали, как после этого приказа. Когда мы вошли в столовую в 20.00, у всех было приподнятое настроение. Несколько бутылок были опорожнены, чтобы забыть о наших печалях.

Шпехт призвал нас к тишине и кратко объяснил причину своего приказа: Господа, я получил сообщение из дивизии о том, что сегодня будет принято важное решение. Предполагая, что потребуются максимальная эффективность наших действий, я решил запретить традиционное празднование Нового года. Мы вместе проведем оставшиеся часы старого года здесь и после полуночи немедленно отправимся спать.

Он говорил звучным, командирским голосом. Мы предпочли не высказывать то, что каждый из нас думал по этому поводу.

Ровно в полночь пришло важное сообщение из дивизии. Шпехту присвоено звание майора.

Он был совершенно ошеломлен, потому что ожидал какого-то специального боевого задания для эскадрильи. Под хор поздравлений он немедленно приказал летчикам расходиться. Через несколько минут в комнате никого не осталось.

1944

1 января 1944 года

Мои парни, появившись на летном поле, не могут разомкнуть глаз, страдают от похмелья. Ночью я слышал, как они возвращались из города. У меня тоже голова раскалывается. Мы надеемся, что в этот день янки не появятся.

1944 год плавно стартовал.

4 января 1944 года

Почти неделю янки не было видно. Сегодня они замечены в секторе Дора-Дора.

В 10.02 эскадрилья поднялась на свой первый в этом году боевой вылет. Над Мюнстером мы попали под огонь наших собственных зенитчиков, когда атаковали большую группу «боингов».

Заходя на атаку одной из отдельных групп бомбардировщиков, я почувствовал прямое попадание в мой самолет. Машина стала крениться в сторону хвоста. Двигатель пронзительно завыл, потом заскрежетал и в конце концов смолк. Зенитный снаряд сбил мой пропеллер, капот и переднюю часть двигателя. Я не могу вернуть управление самолетом.

Через секунду на меня спикировал «тандерболт», прострелил мне крыло, и оно запылало. У него не было повторной возможности атаковать меня, поскольку Веннекерс положил конец его карьере очередью из пулемета.

Только напряжением всех сил я сохраняю контроль над самолетом. Надо прыгать, пока огонь не охватил весь самолет. Открыть люк, отстегнуть ремень безопасности! Я уже автоматически выполняю эти действия.

Я был еще не совсем готов, но прыгнул. И остался висеть. Мой парашют застрял в багажном отделении, которое каким-то образом открылось. Моя правая нога уже с внешней стороны самолета, а левая еще в кабине.

Самолет, разваливаясь, все быстрее несется к земле. Я не могу пошевелиться. Огромная сила воздушного потока прижимает меня к фюзеляжу. Моя левая нога упирается в стенку, едва не отламываясь. Я кричу от боли. Ветер хлещет по щекам и зажимает ноздри. Он настолько силен, что я с трудом могу дышать. Языки пламени подбираются ко мне.

Самолет начал дрожать, затем вошел в штопор, практически вертикальный. Я даже руками пошевелить не могу, их прижало к самолету. Если я не сумею каким-то образом освободиться от самолета, мне конец!

Я должен отцепиться... отцепиться... отцепиться...

Земля приближается. Последним, геркулесовым усилием, после которого у меня пошла кровь носом, я дотянулся правой ногой до штурвала и толкнул его. Самолет задрожал и на мгновение завис в воздухе, потеряв скорость, — я свободен! На короткое мгновение я летел рядом с самолетом. Что-то со страшной силой ударило меня в спину, показалось, что я переломился пополам. После второго удара — по голове — я потерял сознание.

Я не знаю, что случилось потом.

Когда пришел в себя, я висел в облаках под куполом парашюта. Вытяжной трос был в своем гнезде, вероятно, парашют раскрылся сам. Я хотел вдохнуть, но ничего не получилось. Я попытался крикнуть, но получился лишь агонизирующий стон.

Неожиданно показалась земля. Тучи находятся на высоте всего 200 метров. Мой парашют качается из стороны в сторону. Я пролетел чуть выше крыши дома и тяжело приземлился на твердую, замерзшую землю.

Затем я снова потерял сознание. Пришел в себя в госпитале. Меня обследовали, сделали несколько рентгеновских снимков. Диагноз: перелом черепа, перелом поясничного позвонка, травмы плеч и поясницы, ранение на правом бедре, сотрясение мозга, временный паралич правой стороны, вызванный повреждением позвоночника.

Меня все время тошнит. Санитары отвезли меня в палату с огромным окном и положили на новенькую кровать у стены. Боль мучительная, я хочу спать.

Сегодня должен был быть мой последний день отпуска с Лило и маленькой Ингрид.

Только вечером я стал способен к связному мышлению.

В кровати напротив меня лежит старший лейтенант из бомбардировочной авиации. Мы познакомились. Он потерял правую ногу и левую ступню. Его самолет был сбит прямым попаданием зенитного снаряда в России.

30 января 1944 года

Прошло двадцать шесть дней с тех пор, как мой самолет потерпел катастрофу. Я не мог выдержать заточения в большом госпитале с его бесконечным запахом дезинфицирующих средств и попросил перевести меня в медсанчасть в Вунсдорфе. Здесь я, по крайней мере, могу быть со своими товарищами.

Каждый день меня переносили в подсобные помещения, где я мог целый день проводить в кресле, завернутый в тяжелые одеяла.

За эти дни, видимо, поседел волосы у нашего врача. Несмотря на его строгие предписания, я упорно вставал и пытался идти. Вначале мои парализованные ноги доставляли мне много страданий. Потом дела стали улучшаться день ото дня. К этому времени я уже привык к непрекращающейся головной боли.

Сегодня утром пришло распоряжение о перебазировке в Голландию. Мы должны прибыть на базу в Арнеме для противодействия тяжелым бомбардировщикам. Я на костылях доковылял до моего «Густава» и присоединился к остальным. Шпехт был удивлен, но не раздосадован, увидев меня, когда я докладывал ему после приземления.

В 13.05 мы поднялись в воздух снова.

Нас сразу же атаковали «спитфайры», неожиданно появившиеся из облаков. Они застали нас врасплох, поэтому мы не смогли организовать эффективного сопротивления. Они охотились за нами как безумные. Это был один из тех случаев, когда каждый за себя. У меня не было ни одного шанса открыть огонь. Мы понесли тяжелые потери.

Недалеко от Хильверсума в мой двигатель попал снаряд, и двигатель остановился. Мне повезло, что я сумел совершить аварийную посадку в двух километрах от аэродрома.

Шпехт — единственный, кому удалось сбить «спитфайр». 4-е звено потеряло пять человек убитыми, 6-е звено потеряло троих, штаб — одного. Я потерял в моем звене сержанта Новотны, который прибыл всего несколько недель назад.

Сержант Раддац тоже сбит над Хильверсумом, где приземлился после того, как у его самолета отстрелили хвост. В Вунсдорф мы с ним полетели вместе, на «KL-35».

10 февраля 1944 года

«Вражеские самолеты в секторе Дора-Дора», — докладывает станция слежения.

В 10.38 мы взлетаем.

— Поднимайтесь на восемь тысяч метров над Рейном, — поступил приказ.

Шпехт болен, и я временно осуществляю командование.

На высоте 8000 метров над озером Дюммерзее мы увидели врага.

Картина, представшая перед нами, без преувеличения внушала благоговейный трепет. Мы увидели около 1000 тяжелых бомбардировщиков, направляющихся на восток в сопровождении мощного эскорта истребителей. До сих пор я никогда не видел такой могучей воздушной армады: они явно шли на Берлин. Вместе с истребителями я насчитал 1200 американских самолетов.

У нас 40 самолетов. Но даже если бы нас было двое, мы должны были бы вступить в бой.

Я выбрал группу «боингов», летящих на левом фланге общего строя, и сблизился для лобовой атаки. Американцы явно разгадали мое намерение. В решающий момент они плавно сменили курс, поэтому мой маневр оказался напрасным.

Поворот направо, и широкий разворот. Дождался, пока мы оказались впереди американцев, развернулся и пошел на вторую лобовую атаку. С моими 40 «мессершмиттами» я собирался схлестнуться с вражеским строем.

По радио я приказал летчикам сохранять спокойствие и экономить патроны. Мы сомкнули строй. Я заметил «тандерболты» сзади. Они не успеют нам помешать.

Раддац летит рядом со мной крыло к крылу. Он помахал мне за секунду до того, как мы открыли огонь по янки. В то время как я искал себе цель и прицеливался, на соседнем самолете что-то сверкнуло. Раддац стал немедленно падать. Я не мог последовать за ним, поскольку стрелял по своей цели.

Я продолжал сблизаться с моим «боингом», стреляя по кабине, пока не взмыл вверх, чтобы избежать столкновения.

Мой залп попал в цель. «Боинг» закачало. В панике бомбардировщики метнулись в стороны. Затем крыло у моей жертвы отвалилось, и огромный самолет рухнул вниз. Потеряв управление, он вошел в свое последнее пикирование, чтобы развалиться на высоте 1500–3000 метров. Сбито еще более 10 бомбардировщиков. Оказавшись один, я обнаружил, что на меня насаждают восемь «мустангов». Пилоты явно неопытны. После нескольких резких поворотов и петель я увернулся от них и вскоре оказался на хвосте одного из них. Но как только я собрался открыть огонь, меня окружили несколько «тандерболтов». Я вынужден уворачиваться и подняться в вертикальном штопоре. Этот маневр всегда меня спасал. Ни одному противнику не удавалось последовать за мной. Около полудня я пытался выйти на удобную позицию, чтобы открыть огонь по «мустангу» или «лайтнингу», но безуспешно.

В конце концов я вышел в хвост группы «боингов» и открыл огонь. Но прежде чем я смог увидеть результаты своего залпа, меня атаковали два «тандерболта». На капотах у обоих самолетов нарисованы черно-белые квадраты в виде шахматной доски. Войдя в крутое пикирование, я скрылся в облаках.

В 11.41 я снова приземлился в Вунсдорфе. Там я узнал, что Раддац погиб. Это очень тяжелый удар для нашего звена. Раддац был с нами с момента формирования эскадрильи. Я не встречал более талантливого пилота. Он был самым лучшим из нас. Не могу поверить, что его больше нет.

11 февраля 1944 года

Сегодня мы вступили в ожесточенную схватку с американскими истребителями, сопровождавшими «летающие крепости». В перерывах между боями мы приземлились в Висбадене.

20 февраля 1944 года

Сегодня эскадрилья два раза поднималась на перехват «боингов» в небе над Северной Германией и над Северным морем.

Шпехт совершил вынужденную посадку на датском острове Арое.

Моя неудачная стрельба помешала мне увеличить личный счет, хотя я имел прекрасный шанс.

21 февраля 1944 года

Сегодня еще два боевых вылета. Мы получили задание отвлечь истребители сопровождения на побережье и завязать с ними бой. Другая эскадрилья в это время атаквала бомбардировщики. В моей эскадрилье двое погибших.

22 февраля 1944 года

12.54 — взлет на задание. Американцы бомбят в Центральной Германии. Я могу поднять в воздух только 5 самолетов, так как потери, которые понесла эскадрилья за последние недели, очень тяжелы.

Приближается более 1000 вражеских самолетов. Американцы теперь не летают большими группами, они разделяются по 30–40 машин. Направление, в котором они двигаются, мы называем «аллеей бомбардировщиков». Эти аллеи находятся под неусыпным контролем истребителей.

Сегодня такая аллея прошла прямо над моим родным городом, Хамельном. По странному стечению обстоятельств, я встретил вражеские самолеты прямо над знакомыми с детства холмами к западу от города. Вместе с капралом Кройгером, прибывшим в наше звено только два дня назад, я атаковал «боинги» в составе группы из 30 самолетов.

К моим пулеметам уже две недели прикреплена автоматическая камера. Отснятая пленка будет использоваться в учебных целях в школах для летчиков-истребителей. В лобовой атаке на бомбардировщик моя первая очередь попала прямо в кабину. Я повторил атаку, спикировав на мою жертву с тыла, одновременно пытаясь избежать столкновения. «Боинг» попытался уйти с линии огня и резко свернул налево. Моя очередь прошла его левое крыло и фюзеляж.

Я не мог отвлечься от камеры. Съемки этого боя, если их продолжить, могут многому научить. Языки пламени вырвались из хвоста бомбардировщика. Я держался поблизости от него и расстрелял все содержимое магазинов в этого монстра.

А юный капрал тем временем гонялся за «боингом» слева. Парню мужества не занимать, несмотря на некоторые свои повреждения, он приблизился к противнику до расстояния в несколько метров, не боясь столкновения.

Экипаж моего «боинга» прыгнул с парашютами. Их самолет горит как факел. Его немного занесло влево, и он начал падать, оставляя за собой хвост черного дыма.

Хамельн прямо подо мной.

Горящий «боинг» падает все быстрее, вскоре он вошел в штопор и разбился на лугу поблизости от реки на южной окраине моего родного города. В небо взметнулся столб огня. С этого луга около реки я первый раз поднялся в воздух во время демонстрационных полетов. Это было так давно.

В этот момент еще один самолет рухнул вниз. Он упал на склад лесоматериалов на юге Хамельна, около здания механического завода. Это мой ведомый, юный капрал. Это был его первый бой.

Я спустился к пылающим обломкам, но он погиб мгновенно. Я сделал широкий низкий круг над крышами моего городка. На улицах — ни души. Все добропорядочные жители Хамельна забились в подвалы и убежища.

На последней капле горючего, после 90 минут полета, я приземлился в Вунсдорфе.

Второй раз я поднялся в воздух, преследуя бомбардировщики, которые уже возвращались домой. Я не получил ни одного шанса открыть огонь по бомбардировщикам, более того, я полчаса бился с тучей «тандерболтов». Думаю, они слишком сильно хотят захватить меня врасплох.

24 февраля 1944 года

Утром я получил сообщение, что во время последних ночных боев убит Гайгер. Всего несколько недель назад его наградили Дубовыми листьями для Рыцарского креста и произвели в капитаны. Я остался единственным представителем группы курсантов Ван Дикена из Военной академии. Хайн и Менапасе убиты в России несколько недель назад.

Сегодня в полдень в схватке с «тандерболтами», «лайтнингами» и «мустангами» эскадрилья потеряла еще шесть человек, прикрывая группу тяжелых бомбардировщиков.

Наша и без того небольшая группа становится все меньше и меньше. Каждому из нас остается только гадать, когда придет его

очередь.

25 февраля 1944 года

Американцы и англичане проводят свои крупномасштабные воздушные операции, не давая нам ни малейшей передышки. Они сбрасывают сотни тысяч тонн взрывчатки и зажигательных бомб на наши города и промышленные центры. Ночь за ночью вой сирен возвещает об очередном налете. Сколько еще это будет продолжаться?

Снова служба слежения дивизии сообщила о проклятых янки в секторе Дора-Дора.

Постоянное, ежедневное ожидание боя, неослабевающее нервное напряжение, в котором мы живем, не дает нам расслабиться. Теперь после каждого боя все новые портреты появляются на стене.

Снова враги в секторе Дора-Дора! Это сообщение имеет сейчас для нас и другое значение — это напоминание о том, что мы пока живы. Изможденные лица моих товарищей помрачнели.

Сектор Дора-Дора! Сегодня будет то же самое. Мы молча готовимся к взлету. Один за другим заходим в туалет. Это часть ритуала. Не нужно никакого слабительного, чтобы помочь вызвать то чувство, которое вызывает Дора-Дора.

Взлет в 16.00.

Самолеты сделали круг над аэродромом, перед тем как построиться.

«Поднимайтесь на восемь тысяч метров и двигайтесь на север, — сообщает база. — Малышки приближаются с моря».

На высоте 5000 метров над Люнебергом мы соединились со звеньями 3-й эскадрильи. Холодно. Я включил подачу кислорода.

6000 метров. Мы сохраняем тишину в эфире. С базы периодически приходят сообщения о месте расположения бомбардировщиков. Они в секторе Зигфрид-Паула.

7000 метров. Мы летим открытым строем, нервы напряжены. Монотонное жужжание кодовых знаков в наших наушниках. Короткий... длинный...

8000 метров. За нами тянется длинный след выхлопов наших двигателей.

10 000 метров. Мой компрессор работает нормально. Двигатель, электрооборудование, масло, температура в радиаторе — приборы показывают, что все в норме. Компас показывает курс три-шесть-ноль.

«Слева... они слева от вас».

Мы не видим их. Нервы напряжены. Вдруг я насторожился и внимательно осмотрел небо. Широкий покров облаков скрывает

от нас землю, облака тянутся насколько может охватить глаз. Сейчас мы на высоте 11 000 метров: здесь можно подловить несколько вражеских бомбардировщиков или истреби гелей.

Белые полосы. Вот они!

— Я вижу их, — сообщил Шпехт с характерным скрипом в голосе.

«Виктор, Виктор», — подтвердила база.

Бомбардировщики шли в 2000 метрах под нами — 600 или 800 самолетов направляются на восток. Их сопровождают истребители.

В этот момент я целиком отдался азарту охоты. Шпехт заложил вираж, наклонив левое крыло, и мы выстроились для атаки. «Мессершмитт» за «мессершмиттом» пикировали вслед за ним.

Вперед! В эфире смешение звуков, все кричат одновременно.

Я проверил оружие, выбрал цель и прицелился. Затем я нащупал гашетки большим и указательным пальцами и обернулся. «Тандерболты» приближаются к нам.

Мы быстрее, и мы доберемся до «боингов» раньше, чем они успеют нам помешать. Наши истребители прошли сквозь построение бомбардировщиков в лобовой атаке. Я нажал гашетки, и мой самолет затрясло от отдачи.

Вперед!

Снаряды моей пушки проббили крыло «боинга».

Проклятие! Я целился в кабину.

Я ушел в тыл строя бомбардировщиков, за мной мое звено. На нас набросились «тандерболты». Завязалась жестокая схватка. Вновь и вновь я пытался выйти на огневую позицию и каждый раз был вынужден скрываться, поскольку на моем хвосте появлялись два, четыре, пять или даже десять «тандерболтов».

Самолеты носятся как бешеные, и свои, и враги. Но американцы превосходят нас численно в 4–5 раз. Появилось несколько «лайтнингов», они присоединились к остальным. Я поймал одного в прицел. Огонь!

Трассирующая очередь прошла прямо над моей головой, я инстинктивно пригнулся.

Раздались взрывы. Хорошая стрельба!

Я был вынужден уйти с моей позиции в вертикальный штопор, используя старый надежный прием. На некоторое мгновение я получил передышку и бросил взгляд на приборы. Кажется, все в порядке. Веннекерс появился рядом и показал на четыре «лайтнинга» слева.

За ними!

Заложив крутой вираж, мы спикировали на них. Они блестят на солнце. Я открыл огонь. Слишком рано, очередь прошла выше.

Не знаю, что делать с моей слишком высокой скоростью.

А сейчас «лайтнинг» у меня на хвосте. Я мгновенно бросил машину влево, заложив крутое пике. Двигатель ревет. Я сбросил скорость. Мой самолет дрожит от сильной перегрузки. Слетели заклепки с рамы крыла. У меня заложило уши. Медленно и осторожно начал выравнивать самолет. Меня вдавило в сиденье. В глазах потемнело, подбородок прижало к груди.

Мимо прошел «лайтнинг», объятый пламенем. На его хвосте висит «мессершмитт».

Есть!

Это Веннекерс.

Через несколько секунд он появился рядом со мной. Я помахал ему обеими руками: «Поздравляю!» «Он охотился за вами», — ответил он.

Через мгновение Веннекерс сбил янки с моего хвоста.

После приземления я подошел к нему, чтобы пожать руку, поздравить с успехом... но, прежде чем я успел открыть рот, он сказал:

— Не нужно благодарить меня, господин старший лейтенант. Я просто не хотел, чтобы эти мерзавцы сделали вашу жену вдовой. Кроме того, представьте, как неприятно было бы летчикам нашего звена возиться с вашими останками!

Механики, стоявшие рядом, встретили это замечание взрывом хохота. Я похлопал этого долговязого парня по плечу. Мы вместе пошли в комнату для летчиков. За это время приземлились остальные. Сегодня вернулись все.

3 марта 1944 года

Американцы бомбят Гамбург. Шпехт не может лететь, и на меня временно возложено командование эскадрильей. У нас было 40 самолетов, а сейчас осталось 18. Их я и поднял в воздух.

Над Гамбургом я наметил цель — небольшую группу «бойнгов». Мои 18 самолетов на 1500 метров выше их. Я приготовился было пикировать, но заметил, приблизительно на 1000 метров ниже слева, группу из 60 «мустангов». Они не могут видеть нас, поскольку мы находимся между ними и слепящим солнцем.

Это настоящая удача!

Я сбросил скорость, чтобы дать янки немного продвинуться вперед. Веннекерс идет рядом, размахивая руками и показывая большой палец. Он в полном восторге. Первый раз мы оказались в такой позиции, что сможем преподать им настоящий урок, но надо быть осторожными, чтобы не атаковать раньше времени. Они все еще не заметили нас. Вперед!

В практически отвесном пике мы врезались в самую середину янки и почти одновременно открыли огонь. Мы застали их врасплох. Закладывая широкие виражи, «мустанги» попытались скрыться. Некоторые из них загорелись, еще не достигнув облаков. Один буквально развалился под огнем моих пулеметов.

Возгласы триумфа раздаются в эфире.

Вечером я получил сообщение из штаба дивизии, что обломки не менее 12 «мустангов» найдены в секторе Цезарь-Антон-четыре и Цезарь-Антон-семь.

Но была и доля печали, омрачающая нашу безмерную радость. Барран не вернулся. Несколько нилотов видели «Мессершмитт-109» без крыльев, падающий вниз. Что же с ним случилось?

4 марта 1944 года

Новости о Барране! Он в госпитале недалеко от Гамбурга.

«Мустанг» отстрелил ему оба крыла, затем его самолет взорвался. Он был ранен, но смог выпрыгнуть с парашютом.

Из всех «ветеранов» со мной остались только Веннекерс и Фест. Все остальные пилоты молоды и неопытны, они с нами только с января.

6 марта 1944 года

Сегодня у нас был бой с «тандерболтами» южнее Бремена.

После полудня я поднял в воздух на тестовый полет летчика, прибывшего в наше звено вчера. Во время полета на низкой высоте он рухнул на землю и погиб.

8 марта 1944 года

Прошлой ночью я слышал рев множества двигателей над головой. Англичане бросили на бомбардировку Берлина более 1000 самолетов.

В полдень мы поднялись на перехват американцев, направляющихся к той же цели. Я снова команду эскадрильей.

После первой лобовой атаки я сбил один «боинг» и поджег второй. Не смог увидеть, как он упал, поскольку несколько «тандерболтов» попытались сесть мне на хвост.

Мое звено потеряло сержанта Байта. Его тело было найдено в кукурузном поле к северу от аэродрома, где он и был сбит.

Во время второго перехвата я сбил еще один «боинг». Он рухнул на землю после первой лобовой атаки, получив очередь в кабину. По всей видимости, оба пилота погибли, и самолет потерял управление, поскольку на нем не было никаких признаков огня.

Во время следующего боя с «тандерболтами» мой самолет получил множество пробоин, серьезно повреждены двигатель и левое

крыло. Я едва добрался до аэродрома. Заходя на посадку, обнаружил, что у меня нет левого шасси, правое шасси не убиралось. Я был вынужден приземляться на одно шасси. Когда я коснулся посадочной полосы, врачи и пожарные уже ждали там, готовые принять меня, но их помощь не потребовалась. Мне удалось приземлиться.

Я немедленно приказал подготовить мне запасной самолет, чтобы подняться в воздух в третий раз. Но он был поврежден во время налета. Два механика тяжело ранены.

Четвертое звено предоставило мне самолет по приказу командира эскадрильи. Шпехт и я взлетели вместе, с нами сержанты Хауптманн и сержант Цамбелли, наши ведомые.

Когда мы попытались атаковать группу «либерейторов» над Люнеберг-Хиз, нас неожиданно атаковало около 40 «тандерболтов». В разгоревшемся бою оба наших ведомых были сбиты. Командир и я с огромным трудом спаслись.

После приземления я получил сообщение из Дипхольца о том, что сержант Веннекерс находится в госпитале, его сбили, и он тяжело ранен.

Ночью, в телефонном разговоре со штабом дивизии, командир попросил временно освободить эскадрилью от боевых действий. Мы не можем продолжать.

Просьба отклонена. Мы должны выполнять задания до последнего самолета и последнего пилота. Берлин, столица рейха, весь в огне.

В комнате для летчиков повисла мертвая тишина. Джонни Фест и я сидели там в креслах до поздней ночи. Мы говорили немногословно. Гора окурков в пепельнице постепенно росла, поскольку мы курили одну сигарету за другой.

Джонни рассеянно смотрел на портреты на стене. Мне казалось, что сейчас лица оживут, и мы услышим голоса наших старых товарищей, такие близкие...

Волни... мы возвращались с его похорон в машине командира, когда на дороге неожиданно выбежала девушка с венком из сосновых веток. Это была его невеста. Она постеснялась встать рядом с нами у могилы, поскольку боялась, что не сможет совладать с горем, обрушившимся на нее, когда она узнала о его смерти три дня назад...

Штайгер... был очень похож на своего брата-близнеца. Я встретил его в Тюбингене год назад и сначала подумал, что это Герд. Сходство было поразительное: только мать умела их различать...

Кольбе... его тело нашли среди обломков, без обеих рук. Его жена попросила обручальное кольцо. Как мы могли сказать ей правду?

Крамер... почему, ну почему этот мальчик потерял голову, когда его самолет падал в море?

Герхард... его мать часто пишет мне, и я должен рассказывать ей все о ее отважном сыне. Она надеется, что его смерть ради свободы нашего народа и благосостояния рейха не окажется напрасной...

Фюрманн... на месте, где его самолет упал в болото, мы поставили дубовый крест. На нем прикрепили две монеты по пять франков...

Деллинг... не вернулся со своего второго полета. Его тело поглотило море.

Киллиан... его бесконечные интриги с женщинами приносили мне массу неприятностей...

Доленга... что стало с его очаровательной женой? Я был шафером на их свадьбе в Джевере...

Новотны... его отец в Брюнне, он написал мне, что два его других сына тоже погибли в бою...

Раддац... его дорогая Мира-Лидия пролила тогда много слез, но вскоре нашла утешение в другом месте. Она была не единственной женщиной, находившей его чары неотразимыми...

Арндт... не вернулся со своего первого боевого вылета...

Рейнхард... мой старый добрый дружище однажды показал мне фотографию: он вместе со своими шестью братьями, все в форме, у всех Железные кресты первой степени...

Замбелли... играл на аккордеоне. Последняя тревога застала его, когда он азартно распевал веселую песенку. Его аккордеон все еще лежал на столе, когда оставшиеся в живых вернулись с задания, во время которого он был убит...

Вайсгербер...

Хетцель...

Кройгер...

Вайт...

Хефиг...

Трокельс...

Трендле...

Остались только мы с Джонни...

15 марта 1944 года

9.55. Снова в бой.

Взлетели шесть самолетов, вернулись четыре. Это конец.

Несколько сотен «тандерболтов» и «лайтнингов» сопровождали более 1000 тяжелых бомбардировщиков. Джонни и я приземлились, обливаясь потом. Мы оба были подбиты.

Мы снова плюхнулись в наши кресла. Вошел Шпехт.

— Эскадрилья снимается с боевых действий на шесть недель, — объявил он. — Думаю, мы заслужили этот отдых.

Джонни и я смогли только кивнуть в ответ.

Как только командир докурил сигарету и вышел из комнаты, я достал бутылку бренди из моего шкафчика.

Через два часа я достал вторую бутылку. Первая уже пуста. Мы с Джонни одни.

Джонни рассказывал мне о своей девушке, она живет у него дома, в Везеле. Я рассказал ему о Лило: через месяц она ждет нашего второго ребенка.

Джонни решил, что у него будет четверо детей, после того как он женится на своей девушке.

— Конечно, если... — пробормотал он себе под нос, — мы остаемся живы.

Когда стемнело, мы пошли в город. Алкоголь снял напряжение последних недель и помог нам забыться.

— Давайте отметим этот день как следует, — предложил Джонни.

Мне понравилась эта идея — я чувствовал то же самое и был готов на все. Сейчас не нужно сдерживать себя.

Я сердечно похлопал Джонни по плечу: — Джонни, старина, ты совершенно прав. Сегодня мы устроим грандиозный праздник!

Мы нетвердой походкой шли по улице, горланя песни. К счастью, было темно. Никто не мог нас видеть.

Джонни знал одну молодую вдову в этом городе. Мы пошли к ней. Она была с подругой. Мы пили и танцевали, пока ноги держали нас.

Ничего не имеет значения, только бы закрыться от всего, забыть на мгновение.

Я провел ночь в какой-то странной постели.

24 марта 1944 года

Когда утром я вернулся на аэродром, меня встретили громкими криками:

— С днем рождения!

Все летчики звена выстроились в шеренгу во главе со старшим инженером. Я прошел вдоль строя и пожал руки всем моим парням.

Я знаю их всех несколько лет: каждое лицо мне близко. Я знаю, что они любят меня, и в душе горжусь ими. Я всегда стремился создать в звене чувство особого товарищества и единения. И мне это удалось. Мы все объединены одним общим идеалом — «пятеркой».

28 апреля 1944 года

К нам поступает поток новых летчиков, назначенных в последние недели. За исключением сержанта, прибывшего с Восточного фронта, где он был награжден Железным крестом, все они — молодые неопытные сержанты, направленные к нам сразу после окончания летных школ, и совершенно не готовы действовать в боевых условиях.

Но они обладают высоким моральным духом и прекрасно подготовлены физически. Я сам провел с ними около 120 тренировочных полетов. Два наших ветерана проинструктировали их по слепому полету. Кроме того, новички прошли тщательную подготовку по бомбометанию и стрельбе.

В середине апреля наш старый добрый Барран присоединился к нам после того, как его выписали из госпиталя.

К нам прибыли совершенно новые самолеты прямо с завода. Они оснащены сверхмощными двигателями и метановым устройством. Последний я тестировал сам. Он позволяет нам в экстренном случае получать от двигателя повышенную мощность на несколько минут. Такая мощность получается путем впрыскивания в цилиндры смеси метилового спирта и воды.

На мой самолет снова прикреплена камера. Несколько отрывков из моих последних съемок появились в «Еженедельном обзоре Германии», в хроникальных фильмах, демонстрируемых в кинотеатрах по всей стране.

«Пятерка» снова в строю!

С 15-го по 20 апреля я был командирован на экспериментальный аэродром в Лехфельде, где я первый раз полетел на реактивном самолете, «Me-262». На обычной модели при горизонтальном полете я достиг скорости 1500 километров в час. Тысяча таких самолетов должны быть поставлены в войска до конца года. Боже, спаси томми и янки!

Несколько недель назад в Цвишенане я видел майора Шпехта на «Me-163». За три минуты он поднялся на высоту 8000 метров. Говорят, что этот самолет может достигать скорости 1700 километров в час. Еще в 1941 году он уже развивал скорость 1500 километров в час.

Конструирование других новых моделей продвигается стремительно. Авиационная промышленность Германии работает очень эффективно.

Однако американцы каждый день бомбят наши заводы. Смогут ли они остановить производство самолетов до того, как новые машины будут поставлены в достаточном количестве? В зависимости от ответа на этот вопрос решится исход войны в небе — получается смертельная гонка со временем. Перспектива темная. День ото дня ухудшается положение на восточном фронте. Опера-

ция в Африке провалилась в марте: 120 000 немецких солдат заключены в тюрьмы, все они — прекрасно обученные и опытные бойцы. Ситуация в Италии стала критической. Как союзники итальянцы совершенно бесполезны и ненадежны, так было всегда.

С запада мы ожидаем высадки американцев на континент. За несколько месяцев эскадрилья завершила последние приготовления к операции «Доктор Густав Вильгельм». Каждый пилот прошел всестороннюю теоретическую подготовку для операций против десанта.

Достаточно нажать кнопку тревоги, чтобы привести в действие огромные силы на западе.

Этим утром майор Шпехт назначен командиром 11-й авиагруппы. Несколько дней назад он был награжден Рыцарским крестом.

Я назначен его преемником в должности командира второй эскадрильи 11-й авиагруппы. Я также рекомендован к досрочному присвоению звания капитана за «Бесстрашие перед лицом врага». По всей видимости, в мои 23 года я самый молодой командир эскадрильи в Военно-воздушных силах Германии на данный момент.

Маленький Шпехт, улыбаясь, пожал мне руку три раза и поздравил меня: во-первых, с присвоением мне звания капитана; во-вторых, с моим назначением на новую должность; в-третьих, с тем, что Лило подарила мне вторую дочь.

Сегодня прекрасный день: светит солнце, а тучи где-то далеко на горизонте.

29 апреля 1944 года

Скопление вражеских самолетов в секторе Дора-Дора! Мы снова в воздухе! Обновленная эскадрилья готова к бою.

Три дивизии бомбардировщиков приближаются со стороны Ярмута. С наших баз в Голландии сообщают о сильном эскорте истребителей. Мне приказано встретить истребители, завязать бой, отвлечь. Эскадрильи «фокке-вульфов» тем временем смогут беспрепятственно атаковать бомбардировщики.

10.00. По эскадрилье объявлена боевая готовность.

К моему самолету проведена телефонная линия от дивизионной службы наблюдения. Сообщения о местонахождении врага поступают непрерывно. Они прошли Амстердам... южную оконечность Иссель-Бэя... идут севернее Девентера... пересекли границу рейха... к западу от Рейна.

11.00. «Эскадрилья на взлет! Эскадрилья на взлет!» — громыхал громкоговоритель. В воздух взметнулись сигнальные ракеты. Взревели двигатели. Мы в воздухе! Одно звено за другим подни-

мается в воздух и поворачивает налево, выстраиваясь в единый плотный строй.

Я включил радио и связался с базой.

«Малышки в секторе Густав-Квелле. Двигайтесь к Ханни-восемь-ноль».

Я подтвердил прием.

Продолжаю набирать нужную высоту, уходя влево... 6000... 7000... 8000 метров.

Рядом с нами идут другие эскадрильи. Это преимущественно «фокке-вульфы».

«Они сейчас в секторе Густав-Зигфрид и Ханни-восемь-ноль».

Я подтвердил прием.

Высота 10 000 метров. Новые компрессоры превосходны.

11.30. На более низкой высоте к западу от нас я заметил следы выхлопов. Это «лайтнинги». Через несколько минут они уже прямо под нами, за ними идут бомбардировщики. Они летят строем, растянувшись до самого горизонта. «Тандерболты» и «мустанги» летят, окружая их.

Наши «фокке-вульфы» двинулись к ним. Одновременно я спикировал на «лайтнинги» подо мной. Они заметили нас и развернулись в нашу сторону, встречая атаку. Группа «тандерболтов», около 30 самолетов, тоже направилась в нашу сторону. Это именно то, что мне нужно.

Теперь дорога «фокке-вульфам» открыта. Один из «боингов» уже горит. Майор Мориц вступил в бой вместе со своей эскадрилей штурмовиков.

Ожесточенная схватка завязалась и у нас. Наше дело мы сделали, теперь каждый за себя. Я висел на хвосте «лайтнинга» несколько минут. Он уворачивался как дьявол — разворачивался, пикировал, взмывал вверх почти как ракета. Я смог выстрелить только несколько раз. Звено «мустангов» атакует с тыла. Трассирующие очереди проходят прямо над моей головой. Я резко ушел вверх. Мой ведомый, сержант Дрюе, идет прямо за мной.

Я снова получил возможность стрелять по «лайтнингу». И наконец, попал. Из его правого двигателя пошел дым. Но я был вынужден уйти с этой позиции. Оглянувшись, я увидел восемь «тандерболтов», висящих у меня на хвосте. Очереди снова свистят над моей головой.

Мои противники явно очень опытные. Я совершал всевозможные маневры, включал ускоритель, пытался уйти при помощи моего любимого вертикального штопора. Но через несколько секунд эти мерзавцы снова оказались у меня на хвосте. Они стреляют все время. Я не понимаю, как они упустили меня, но произошло именно так.

Мой ведомый шел за мной как приклеенный, рядом или чуть позади. Я приказал ему оставаться там же, он тихим голосом подтвердил команду.

Наконец мне улыбнулась удача — я поймал в прицел янки. Открыл огонь из всех пулеметов и пушки. Американец резко пошел вверх. А все его товарищи сели мне на хвост.

Несмотря на пронизывающий холод, пот градом катится по моему лицу. Это настоящий ад. На мгновение меня вдавило в кресло на крутом вираже, через несколько секунд я уже устремился вниз, повиснув на ремне безопасности и практически касаясь головой крышки капота, мой желудок поднялся к горлу.

Кажется, время остановилось.

За это время «фокке-вульфы» прекрасно поработали. Я видел около 30 пылающих «боингов», падающих вниз. Но осталось еще несколько сотен, упрямо продолжающих движение на восток. Берлин ждет еще один горячий денек.

Стрелка на приборе показывает, что топливо закончилось. Мигает красный свет. Не более чем через десять минут мой бак будет пуст. Пикируя, я заложил вираж. «Тандерболты» исчезли.

Спустившись до облаков, на высоте 1000 метров я постепенно выровнял самолет. Определил, что, но всей вероятности, нахожусь недалеко от Брунсвика или Хильдесхайма.

Посмотрел на часы. Возможно, через 45 минут я снова поднимусь к бомбардировщикам. Может, мне удастся добраться до толстопузого янки...

Небо все еще перечеркнуто полосами следов выхлопа, свидетельствующими об ожесточенной схватке. Неожиданно мой ведомый свернул в сторону и исчез в облаках. Что за черт?..

Я мгновенно обернулся и инстинктивно пригнул голову. «Тандерболт» висел на моем хвосте, за ним еще семь. Они одновременно открыли огонь, изрешетив мою машину. Мое правое крыло загорелось.

Я нырнул в облака. Впереди мелькнула тень — это «тандерболт». Я пустил очередь. Его хвост вспыхнул.

Я уже вижу землю. Открыв люк, я приготовился прыгать. Очередь прошла прямо над моим ухом и отозвалась несколькими тяжелыми ударами по моему пылающему самолету. Снова «тандерболт», в 30 метрах позади меня.

Проклятие! Я попаду под его пропеллер, если прыгну сейчас. Я пригнулся в кресле как можно ниже, стараясь не высовываться за броневой лист за моей спиной. Крылья и фюзеляж изрешечены очередями. У моей правой ноги зияет большая дыра. Пламя подбирается все ближе: я чувствую жар.

Удар! Приборная доска разбилась вдребезги перед моим лицом. Что-то попало мне в голову. Мой двигатель замолчал — кончилось топливо.

Что же делать?

Скорость, конечно, быстро падает. Это помешало моему противнику попасть в меня, и он оказался передо мной. Всего на несколько секунд он показался в моем прицеле — это шанс забрать его вместе со мной! Я нажал на гашетки. Меня колотило от напряжения. Только бы попасть!

Мой залп попал прямо в цель, в центр его фюзеляжа. Самолет метнулся вверх, оставляя за собой полосу дыма, его охватило пламя. Открылся люк, и летчик прыгнул.

Земля несется мне навстречу. Прыгать уже поздно. Я над каким-то полем. Пламя обжигает мне лицо. С глухим ударом я врезался в землю. В воздух взметнулись комья земли и тучи пыли. Машину занесло, она оказалась глубоко в земле, как в могиле. Я прикрыл лицо рукой и уперся ногами. Все произошло стремительно. Страшный удар в голову. «Это конец!» — такой была моя последняя мысль перед тем, как потерял сознание.

Не помню, как выполз из-под горящих обломков. Я не мог связно мыслить, меня полностью сковала эта ужасная боль в голове. Помнил, как рядом со мной свистели пули, когда взорвались боеприпасы. Я пошатнулся и упал, но снова поднялся. Единственной мыслью было успеть уйти подальше, пока самолет не взорвался. Его поглотил огонь — яркое пламя на фоне черного дыма.

В нескольких сотнях метров горят обломки другого самолета. Сквозь туман в голове я понял, что это мой янки. Только бы боль в голове утихла! Я обхватил голову руками и опустился на колени. Все кружилось у меня перед глазами. Меня безостановочно тошнило, пока не вывернуло зеленой жидкостью.

В конце концов я скатился в неглубокую канаву и снова потерял сознание. Кажется, я уже...

Когда я снова пришел в сознание, заметил человека, стоящего неподвижно и смотрящего на меня. Это был молодой, стройный мужчина. Американец!

Я попытался сесть на край ямы. Долговязый янки сел рядом со мной. Вначале мы молчали. Все, что я мог сделать, — упереться локтями в колени и обхватить голову, разламывающуюся от боли. Он предложил мне сигарету. Я поблагодарил его, отказался и в свою очередь предложил ему свои сигареты. Он тоже отказался, мы закурили каждый свою сигарету.

— Вы летели на «мессершмитте»?

Я подтвердил на своем ужасном английском.

— Вы ранены?

— Кажется, да.

— На вашем затылке кровь.

Я чувствовал это и сам. Янки продолжал:

— Как же вы сбили меня?

Я посмотрел на него искоса.

— Не понимаю, как вы смогли! Ваш самолет пылал точно факел!

— Я не знаю.

Высокий американец рассказал, как он заметил меня над облаками и погнался за мной вместе с товарищами.

— Мы считали, что нам очень повезло, — добавил он.

Я в свою очередь спросил:

— Почему вы оказались впереди, когда мой двигатель остановился?

— У меня была слишком большая скорость. Кроме того, я не мог предположить, что вы сможете стрелять.

— Это было вашей ошибкой.

Он усмехнулся:

— Думаю, я не первый, кого вы сбили?

— Нет, вы — мой двадцать шестой.

Американец рассказал, что он сбил 17 немцев. Через несколько дней он собирался домой. Он заметил кольцо на моем пальце и спросил, женат ли я.

— Да, у меня двое маленьких детей. — Я показал ему фотографию Лило и Ингрид.

— Очень милые, — заметил он, кивнув, — правда, очень милые.

Я был рад, что мои девочки ему понравились.

Он тоже женат. Теперь его жена будет напрасно ждать его. Он нервно спросил, что будет с ним.

Я сказал, что его направят в специальный лагерь для пленных американских летчиков.

— Вы офицер?

— Да, капитан.

— В таком случае вас отправят в лагерь для офицеров. С вами будут обходиться хорошо. Мы обходимся с нашими пленными так же хорошо, как и вы со своими.

Мы дружески поболтали около получаса. Кажется, он славный парень. Между нами не было никакой вражды, даже намек на это. У нас слишком много общего. Мы оба — летчики, и мы оба только что едва спаслись от смерти.

Внезапно нас окружили солдаты с автоматами.

— Уберите ваши пушки, болваны! — прикрикнул я на них.

На дороге нас ждал грузовик. Шестеро американцев уже сидели там. Лица их были мрачны. Мой капитан и я сели рядом с ними.

Несмотря на мучительную боль, я попытался подбодрить их, рассказал несколько анекдотов.

На дороге мы подобрали еще нескольких американцев, которые были сбиты. Один из них серьезно ранен в ногу. Я видел, как солдаты бережно положили его в машину.

Мы приехали на аэродром Брунsvик в Бройтцуме. Там я попрощался со своими попутчиками, и мы пожали друг другу руки.

— Удачи!

— Всего наилучшего! — говорил каждый на своем языке.

Через час прилетел Барран и забрал меня в Арадо. В эскадрилье потерь не было. Я — единственный, которого сбили.

Позднее, в штабе, я снова потерял сознание. Меня отнесли в мою квартиру, у меня сильно поднялась температура. Ночью меня отвезли в госпиталь.

10 июня 1944 года

Прошло несколько страшных недель. Врачи определили перелом основания черепа. Я перенес кровоизлияние в череп и получил некоторые нервные расстройства. Несколько дней я не мог произнести ни слова. Даже сейчас моя речь не восстановилась полностью. Пострадала память, я до сих пор очень легко возбуждаюсь. Меня даже хотели отправить в психиатрическую лечебницу. Я отказался — это могло действительно свести меня с ума.

Несколько дней назад союзники высадились в Нормандии. Моя эскадрилья направлена туда под командованием моего старого товарища, капитана Крупински.

Я позвонил во 2-ю истребительную дивизию и попросил разрешения вернуться в эскадрилью немедленно. Генерал отказал.

— Кноке, сейчас ваша первейшая задача — привести себя в порядок. Вы пока не можете быть направлены в бой. Я не позволю вам совершить самоубийство, отправив вас в зону боевых действий. Вы должны подумать о своей семье, — резко парировал он.

Вчера я прошел полное медицинское обследование в госпитале военно-воздушных сил. Результат потряс меня: я совершенно непригоден для полетов.

Русские неудержимо наступают на восточные границы Германии. Наши войска в России обескровлены. Наши дивизии воюют там без передышки с 1941 года. Подкрепления, которые были направлены туда, переведены на Западный фронт.

20 июля 1944 года

Совершено покушение на фюрера! Народ Германии возмущен до предела. Какие цели были у заговорщиков? Простые немецкие солдаты рассматривают эту безуспешную попытку восстания как

самое постыдное предательство.

Мы слишком хорошо видели последствия нацистского режима с его глупостью и произволом. Мы понимали, что положение в рейхе оставляет желать много лучшего. Исправление этого неудовлетворительного положения дел первая задача немецких солдат после окончания войны.

Но сейчас нас ждут другие дела. Самая насущная проблема сейчас Германия, само существование рейха поставлено на карту.

6 августа 1944 года

Последние два месяца я провел в горах недалеко от Тегернзее. Мои раны зажили, и я прекрасно восстановился.

Постоянно думаю о моих товарищах, переживающих сейчас трудности, опасности. Почти стыжусь того, что живу здесь как лорд в своем замке.

Сегодня я узнал, что Джонни Фест погиб в бою, его сбили «тан-дерболты». Это страшное известие.

10 августа 1944 года

Двухдневное медицинское освидетельствование закончилось еще одним разочарованием. Я не годен к полетам.

Мои медицинские документы, включая заключение комиссии, были вручены мне с поручением передать их врачу новой части, куда я буду назначен.

Я забуду сделать это. Потеря памяти имеет и свою положительную сторону.

11 августа 1944 года

Моя бывшая эскадрилья вернулась в Вунсдорф для короткого отдыха. Я отправился туда навестить моего старого друга Крупински.

Потом я рапортовал в штаб дивизии о том, что выписан из госпиталя и готов к дальнейшей службе. Я получил приказ отправиться во Францию с моей бывшей эскадрильей, чтобы принять командование 3-й эскадрильей 1-й авиагруппы.

12 августа 1944 года

Вечером мы переведены в Висбаден с 74 самолетами. Крупински был вынужден прыгнуть с парашютом на дороге, когда его самолет загорелся. Он ранен и направлен в госпиталь, поэтому я временно принял командование эскадрильей, следующей в Висбаден.

13 августа 1944 года

Приказ отправляться на передовую поступил очень поздно. Было почти темно, когда мы садились на пшеничное поле, которое использовали как аэродром.

Старший лейтенант Кирхнер погиб, врезавшись в столб в темноте. Удивительно, что остальные приземлились благополучно. Поднималось большое облако пыли, когда садился каждый самолет.

Ночью я приехал в 3-ю эскадрилью 1-й авиагруппы, чтобы принять командование моей новой «когортой».

К моему изумлению, я обнаружил, что сменяю капитана Войтке, моего первого боевого командира. Мы пожали друг другу руки, казалось, годы побежали вспять, и я снова молодой и неопытный летчик, рапортуящий ему о своем первом боевом назначении во 2-ю эскадрилью 52-й истребительной авиагруппы.

Он засмеялся, увидев мое удивленное лицо. Я был уверен, что этот старый солдат, с его огромным опытом, имеет сейчас звание по крайней мере полковника.

Несколько дней назад его сбили, он был ранен. Впечатление от внушительного вида этого гиганта усиливалось тем, что у него были перевязаны левая рука и грудь. По всей видимости, его давняя склонность к чрезмерному употреблению алкоголя не нашла поддержки в высшем командовании Военно-воздушных сил.

Ночью он передал мне командование эскадрильей.

14 августа 1944 года

Рано утром я поднялся в воздух вместе с моим ведомым.

Над Репном мы натолкнулись на шесть «тандерболтов». Поднимаясь из облаков, мне удалось сбить одного. Он взорвался в воздухе. Я немедленно нырнул в облака и направился к базе. Внизу на дороге я увидел колонну джипов с маленькими прицепами. Мы снизились и атаковали их с бреющего полета. Один из джинов загорелся и свалился в кювет.

За вечер мы совершили еще два вылета, сопровождая наши истребители-бомбардировщики, атакующие позиции американцев к северо-западу от Ренна.

15 августа 1944 года

Погода очень жаркая и душная. Мы снова сопровождаем наши истребители-бомбардировщики. В завязавшемся бою я довел мой личный счет до 28, сбив еще один «тандерболт».

Всего мы совершили сегодня шесть боевых вылетов.

16 августа 1944 года

«Спитфайры» атаковали нашу взлетную полосу и аэродром 10-го звена, но не нанесли особого ущерба. Я поднялся в погоню вместе с группой моих самолетов и сбил один «спитфайр» над Этампом.

Еще два боевых вылета совершено сегодня, но без особого успеха. Мы атаковали транспортную колонну союзников.

17 августа 1944 года

В 10.00 вражеский разведчик появился над нами, в момент, когда несколько наших самолетов совершали посадку. Негодяй собирается навести на нас свои бомбардировщики!

Конечно, через час появились 8 истребителей-бомбардировщиков, они с бреющего полета атаковали наши самолеты, уничтожив один. Еще не осела пыль, а я уже поднимаюсь в воздух, выкатив самолет из закамуфлированного ангара и преследуя атаковавших.

Вдруг я увидел «лайтнинг», он был один, наверное разведчик. Над деревней Озонетт я сбил его.

Вечером, когда мы заходили на посадку, вернувшись с задания по атаке наступающих американских танков, взлетная полоса вдруг оцетинилась фонтанчиками земли. В колышущемся от жары небе я заметил около 12 «мародеров». Мы атаковали их, хотя у нас осталось очень мало топлива. Трех сбили мои ребята, я сбил четвертого.

Мы вынуждены садиться в Брети, наша посадочная полоса изрыта глубокими выбоинами.

Ночью эскадрилья переведена в Маролль.

18 августа 1944 года

Из Этамиа американцы двинулись вперед к Сене, севернее Парижа.

Нашей авиагруппе приказано перебазироваться в Валли, восточнее Суассона. Немедленно организована наземная группа для приема прибывающих самолетов.

С моими 40 самолетами я атаковал вражескую колонну недалеко от Аврена, вместе с другими звеньями нашего авиакрыла. Над Лизье я сбил «мустанга». Через пять минут второй «мустанг» пал под огнем моих пулеметов.

19 августа 1944 года

Когда-то я считал годы моей жизни по количеству лет.

Сейчас все по-другому. Это лето — кошмар, от которого не спастись. Жара душит. Смерть собирает свой чудовищный урожай — я каждый день уворачиваюсь от ее косы.

Самое худшее во всем этом — ожидание того, что эта коса настигнет меня, как настигла других, переживать эти бесконечные часы, превращающиеся в дни, тянущиеся один за другим. Самой смерти я не боюсь — она будет мгновенной. Я много раз был на волоске от нее в прошлом, поэтому и знаю. Самое худшее — это ожидание удара и неизвестность того, когда он наступит.

Между вылетами я или лежу около моей палатки, или медленно спускаюсь в лодке по реке Эсне, что в нескольких метрах от моего штаба. Вода кристально чистая, и я с маленькой острогой пытаюсь охотиться за рыбой, которая скользит между камнями. Сильная, хищная рыба бьется в агонии на кончике моего копья, взметнув в воздух воду, окрашенную кровью. Когда наступит моя очередь, все будет намного быстрее.

Я стал очень молчалив. Я ни с кем не разговариваю без крайней необходимости, да и то только с моим адъютантом, начальником медсанчасти или начальником хозотдела. Мой адъютант — австриец в звании капитана годится мне в отцы; наш врач — распутник, он не думает ни о чем, кроме собственного комфорта и женщин, начальник хозотдела беспрерывно болтает, не замолкая ни на минуту. Мы не получали личной почты уже давно. Это даже хорошо. Там будут письма от Лило с новостями о доме, о детях. Сейчас лучше не вспоминать об этом.

Я скучаю по Джонни Фесту: он был бы сейчас со мной. Этот высокий рыжеволосый парень — почему он, да и все остальные, должны были пасть жертвами косы Смерти?

Последнее время солнце палит нещадно. Каждый раз, когда я закрываю капот перед взлетом, мне кажется, что я закрываю крышку моего гроба. Я обливаюсь потом. Когда я возвращаюсь, рубашка полностью прилипает к моему телу.

Каждый день кажется вечностью. Ничего не осталось: только бесконечный ад боев и ожидание, изматывающее душу ожидание удара, который неизбежно случится рано или поздно. Ночь не приносит облегчения. Она короткая, душная и угнетающая — никакого расслабления.

В 3.00 каждый день звонит мой телефон. Это из штаба авиагруппы. Я получаю боевое задание на день — патрулировать территорию, сопровождать истребителей-бомбардировщиков, атаковать такие-то наземные цели в таком-то секторе. Затем я получаю доклад главного механика о состоянии техники. Самолетов становится меньше с каждым днем.

Сегодня эскадрилья получила приказ атаковать цели к северу от Парижа. Американцы продвинулись к Сене из сектора Лизье-Аржанта. Южнее Парижа они уже перешли реку.

Мы поднимались в воздух четыре раза. И четыре раза я не мог достичь цели, поскольку нас перехватывают вражеские истребители, намного превосходящие численно.

Я приобрел какое-то сверхъестественное чувство уверенности в воздушном бою. Вероятно, у меня есть инстинкт прирожденного охотника. Я действую спокойно и обдуманно, словно меня ведет чья-то невидимая рука. В этом нет ничего героического. Каждый раз, когда я ловлю в прицел вражеский самолет, он неизменно совершает какой-нибудь простейший тактический промах. Я смотрю, как он разбивается, холодно и бесстрастно, без всякой эйфории наблюдаю его смерть. Сегодня я таким образом сбил три «тандерболта», мне повезло.

Но что толку в этом? 5 наших самолетов не вернулись. Это очень плохо для нас. Для нас потеря 5 самолетов или 5 пилотов равнозначна потере 50 самолетов для врага.

28 августа 1944 года

Противник пытался форсировать Сену на понтонных мостах между Верноном и Мантом. Они осуществляют непрерывное прикрытие с воздуха вместе с плотным заградительным огнем зениток.

Вчера за шесть вылетов в этот район эскадрилья потеряла 12 самолетов. Это конец.

Сегодня утром по рапорту в эскадрилье осталось 4 пригодные к полетам машины. Еще два самолета с перекошенными фюзеляжами подходят только для небоевых полетов. Я не могу посылать в бой моих ребят на древних развалюхах.

А в 6.00 мне позвонил начальник штаба корпуса. Он яростно мне выговаривал: — Сегодня утром вы доложили, что имеете только четыре пригодных самолета. Но я узнал, что у вас есть еще два. Вы сошли с ума? Осознаете реальную ситуацию? Я рассматриваю это как саботаж. И не буду этого терпеть. Все ваши самолеты должны летать. Это приказ!

Он ревел как бык. Я не получал такого разноса с тех пор, как закончил учебу в летной школе, и был настолько взбешен, что едва контролировал свой гнев. Почему я должен терпеть кривляния этой обезьяны? Он посмел обвинить меня в саботаже! Кабинетные стратеги и герои в штабе мне надоели. Они ничего не знают о проблемах на фронте, с которыми мы сталкиваемся каждый день, их это не заботит.

Я решил лететь сам на одной из этих колымаг, а на другой отправил моего ведомого, капрала Деринга. Мы получили приказ взлететь в 8.00 и встретиться с другими эскадрильями нашей авиагруппы над Суассоном. Мне надлежит принять командова-

ние всей группировкой.

За две минуты до часа X заурчали двигатели. Мы выкатились из укрытий и встали против ветра. Взлетной полосы не было, только рыхлое поле. Моя колымага с грохотом катится по полю, с трудом набирая скорость. Я еле смог добиться, чтобы эта калоша все-таки поднялась в воздух, успев увернуться от деревьев на дальнем конце поля.

Деринг стал слишком резко набирать высоту, и его двигатель заглох. Левое крыло его самолета оторвалось, и он рухнул на деревья. Взметнулся столб пламени. Деринг погиб мгновенно — нас осталось пятеро.

Приказ начальника штаба корпуса хуже, чем помешательство, он приводит только к смерти!

База сообщает, что другие эскадрильи не могут подняться в воздух, поскольку их бомбят вражеские самолеты.

«Двигайтесь в сектор Зигфрид-Густав».

Севернее Суассона расположился маленький городок Тернье. Там, на пересечении канала Сомм и реки У азе, находится большой железнодорожный узел. Это место бросается в глаза с большого расстояния. Здесь 3-я эскадрилья 1-й истребительной авиагруппы проведет свой последний бой против американцев над французской территорией.

Мы встретили здесь более 60 «тандерболтов» и «мустангов». Спасения не было: это верная смерть. Мне остается только отдать приказ атаковать. Так мы можем достичь по крайней мере моральной победы.

База до сих пор пытается передавать приказы. Я выключил связь, к дьяволу их всех теперь!

Мой самолет не может подняться выше 3000 метров. Он еле двигается и плохо слушается меня. Я уверен, что это его последний полет.

Бой продолжался не больше нескольких минут. Капрал Вагнер сбит первым, ему не удалось спастись.

Я увидел еще один самолет, охваченный огнем, сержант Фрайганг успел прыгнуть. В следующее мгновение его ведомый рухнул вниз.

Остались только сержант Икес, мой ведомый, и я. Выхода нет. Если это конец, я продам свою жизнь как можно дороже. Пойду на таран и заберу кого-нибудь из американцев с собой.

Трассирующие очереди накрывают нас со всех сторон. Снаряды сыплются на мой самолет как град, и он постепенно теряет скорость.

Икес держится прямо за мной. Я совершаю неширокие круги. На мой хвост сел «мустанг». Я не могу стряхнуть его. Мой самолет

такой медленный, словно он слишком устал, чтобы лететь дальше. Еще несколько очередей прошили мой фюзеляж сзади.

Последним усилием двигателя я резко поднял самолет вверх, затем сбросил скорость. Американец не ожидал этого. Он промахнулся и теперь оказался передо мной и чуть ниже. Я отчетливо увидел лицо летчика, когда он обернулся. Он слишком поздно вошел в пике. Я прямо над ним. Если не попаду, то смогу протаранить его. Я чувствую леденящий холод.

Расстояние сокращается быстро: между нами осталось всего несколько метров. Моя очередь попала в его фюзеляж: я стараюсь попасть в пилота. Его двигатель загорелся. Мы пойдем вместе! Я почувствовал сильный толчок от первого удара и увидел, как отвалилось мое правое крыло. Через мгновение я откинул люк и прыгнул. Яростная волна пламени взметнулась за мной. Два взрыва слились в один огненный шар.

Через несколько мгновений мой парашют раскрылся. Недалеко от меня, чуть выше, раскрылся другой парашют. Это Икес.

Над нами как сумасшедшие кружились американцы. Им понадобилось несколько минут, чтобы выяснить, что в небе не осталось ни одного «мессершмитта».

Я приземлился на поляне в лесу. Не знаю, где нахожусь, на немецкой стороне или в тылу врага. Поэтому я спрятался в густом подлеске. Американцы улетели на запад.

Я с удовольствием расслабился, зажег сигарету и лег на парашют, втянув ароматный дым. В качестве меры предосторожности я снял с плеч погоню и сунул Золотой крест в карман. Я ношу обычный кожаный комбинезон, темно-синюю шелковую майку, поношенные штаны и черные туфли. У меня настолько непрустский вид, что никто сразу не угадает во мне немца.

Моя осторожность скоро оправдалась.

Приблизительно через 15 минут после моего приземления я заметил четырех штатских французов на другом конце поляны. Они оживленно жестикулируют.

С моим школьным французским я смог понять, что они ищут меня. Каждый из них хочет искать в разных местах. Я понял, что они думают, будто упал американец. Все четверо вооружены. Это явно подпольные террористы французского движения Сопротивления.

Я потянулся к пистолету в кармане моего кожаного комбинезона.

Четверка стала прочесывать кустарники. Рано или поздно они меня обнаружат. Поэтому я решил выйти им навстречу.

Они удивленно посмотрели на меня, ошестинившись автоматами. Сейчас я должен быть спокойным и рассудительным. Фран-

цузы жестоко ненавидят нас, немцев, всей своей темпераментной душой. Я их не осуждаю — без всякого сомнения, на их месте я чувствовал бы то же самое. Но если эти негодяи догадаются, что я немец, мало мне не покажется.

Я спокойно вышел им навстречу и как можно дружелюбнее поприветствовал их по-английски:

— Привет, парни!

Напряженные лица постепенно расплылись в улыбках. Они приняли меня за янки.

С максимально возможным американским акцентом я попросил их на очень плохом французском помочь мне найти «моих товарищей».

Они стали объяснять мне, где я нахожусь. Американские танки «шерман» в полутора километрах отсюда. Мы должны быть осторожны, потому что местность до сих пор кишит «этими вшивыми ботами». Бои проходят со всех сторон от нас. Действительно, теперь я первый раз услышал грохот канонады.

Самый высокий из французов — с самой отталкивающей внешностью — держит в руках немецкий автомат. Мне совсем не нравится его взгляд. Он стоит позади, подозрительно тихий. Может, он сомневается, что я тот, за кого себя выдаю?

Мы шли через густой лес, пока не выбрались к железной дороге.

Неожиданно послышался треск немецкого автомата, кажется, это «МГ-45», и очень близко. Французики шлепнулись на землю. Высокий бандит остался стоять за мной, он явно не хочет терять меня из виду. С другой стороны железной дороги доносится грохот танковых двигателей.

Я спросил, куда идет колонна.

— К Амьену.

Амьен?! Неужели я так далеко забрался во время боя? Город уже некоторое время в руках американцев. Проклятие! Мне совсем не хочется провести остаток войны в плену где-нибудь в Америке.

Я узнал, что ближайший отсюда город — Несль. Значит, канал Сомм где-то на севере. Судя по утренним донесениям разведки, он под нашим контролем. Мне нужно двигаться на север. Но как же мне избавиться от этих проклятых лягушатников?

Послышался тяжелый грохот канонады. Он доносится с запада. Французы осторожно перешли рельсы и махнули мне рукой, призывая идти за ними. Долговязый стоит за мной, с автоматом наперевес, а то бы я метнулся в лес и отправился своей дорогой на север.

Пройдя несколько сотен метров, мы подошли к дороге. Она прямая как стрела, видно вперед на несколько километров.

Треск очередей снова послышался слева. Три француза осторожно перешли дорогу. Долговязый сделал два или три шага вслед за ними, потом повернулся ко мне. Наши взгляды встретились. Кажется, он догадался. Мне нужно уходить! Второго шанса не будет, сейчас или никогда!

Я рванулся назад к лесу. Долговязый ринулся за мной прежде, чем остальные поняли, что происходит. Он начал стрелять. Я прыгнул в ложбину. Фонтанчики земли взметнулись вокруг меня.

У француза опустела обойма. Он вынужден отвлечься, чтобы перезарядить автомат. У меня достаточно времени, чтобы достать пистолет и прицелиться. Я вскочил на ноги и выстрелил. Он упал с пулей в голове.

Я подобрал его автомат.

— Прости, мой друг, но тот, кто стреляет первым, живет дольше.

Тяжело дыша, я бросился в лес. Ветки хлестали меня по лицу. Три остальных француза остались позади.

Через 15 минут я наткнулся на наш патруль. Это танкисты.

В Шони офицер ВВС предоставил мне свою машину. Только поздно ночью я вернулся на мой аэродром. Я прибыл в старый французский замок, где размещается наш штаб. Мой адъютант, капитан Маршалл, начальник медсанчасти, главный механик, капитан Вессельс, и начальник штаба сидят за обеденным столом. Они приветствовали мое возвращение криками восторга. Их лица помрачнели, когда я рассказал им о судьбе наших товарищей.

Я еще не закончил рассказ, как позвонили из штаба. На линии командующий. У него плохие новости.

Вражеские танки неожиданно атаковали Суассон и Фисм. В окрестностях этих городов разгорелись ожесточенные бои. Одна из американских бронегрупп находится всего в нескольких километрах от нашего аэродрома. Другие вражеские подразделения отрезали нас на востоке. На севере противник оказывает тяжелое давление на Лаон. Если наступление на Лаон не будет остановлено, мы окажемся в тяжелом положении. Мне следует немедленно объявить тревогу во всех звеньях и отдать приказ эвакуироваться на аэродром недалеко от местечка Бомон в Бельгии. Несколько дней назад я там был в разведке, чтобы наметить летное поле на случай эвакуации. Наша подготовительная партия находится там.

29 августа 1944 года

Мы напряженно работали всю ночь.

Через 6 часов после приказа об эвакуации аэродром опустел. Стоянки для самолетов, штаб эскадрильи, мобильные ремонтные мастерские — все размонтировано. 128 грузовиков уже двигаются в направлении Бомона, забрав все оснащение и более 600 человек.

Я приказал каждой машине двигаться поодиночке, чтобы избежать атаки с воздуха на колонну. Несколько дорог, которые еще не заблокированы противником, забиты машинами с отступающими частями.

Французы — обитатели нашего замка — надели воскресные наряды и приготовились встречать американских освободителей с корзинками фруктов и цветами. Они были в ужасе, когда американские танки начали обстреливать здание. Когда прекрасная французская девушка в своем лучшем наряде накрывала мне завтрак, снаряд попал в башню замка.

Противник занял ближайшую деревню — в двух километрах к югу. Всего час назад там располагался штаб 8-го звена. Наша пехота отступает под прикрытием танков в сторону Валли.

Собраны последние метры телефонного кабеля. Последний грузовик выехал на мост над Эсне. На холме я обернулся, чтобы последний раз посмотреть на наш брошенный аэродром. Насколько я вижу, мосты за нами взорваны.

Мой быстрый «Форд V-8» хорошо приспособлен для того, чтобы петлять по забитой дороге между машинами. Город Лаон разбомбили буквально за час до нашего прибытия. Теперь он весь в огне. На подъездах к городу скопились немецкие колонны, беспрерывно подвергающиеся атакам бомбардировщиков и штурмовиков. Они практически беззащитны, везде видны горящие автомобили.

На несколько часов мы укрылись в лесу, пережидая атаку. Уже стемнело, прежде чем мы проехали по горящим улицам Лаона.

Меня мучает один вопрос: что стало с моими парнями?

Мы ехали ночью при ближнем свете фар. Это требовало большого напряжения. Время от времени я сменял водителя за рулем. Бесконечные колонны скопились на дороге. Машины ломаются и останавливаются. Французские активисты Сопротивления усеяли дорогу гвоздями и маленькими контактными минами. Я рад, что приказал прикрепить щетки впереди колес, чтобы защитить шины. В конце концов я почувствовал себя разбитым. Усталость и нервное напряжение прошедших двух суток наконец сказались. Я съехал с дороги в лес. Через несколько минут я уже спал как убитый.

1 сентября 1944 года

Все машины нашей эскадрильи добрались до Бомона. Несмотря на непрекращающиеся бомбардировки и налеты штурмовиков днем и нападения террористов французского Сопротивления ночью, ни одна машина не пропала.

Я глубоко шокирован и теми рапортами об ухудшении ситуации, которые получал, и тем, что видел своими глазами за последние два дня на французских дорогах.

Думаю, что организовать эффективное сопротивление наступлению врага невозможно. Несколько бронечастей СС и десантных подразделений продолжают отчаянно сопротивляться. Но наши войска в целом потеряли боевой дух. Мне омерзительно смотреть, как наши оккупационные войска отступают, не помышляя о сопротивлении, после того как они несколько лет стояли во Франции. Личная безопасность — вот что беспокоит гражданскую и военную администрацию. Отступление выродилось в трусливое, паническое бегство с целью любой ценой избежать столкновения с противником. Годами эти офицеры и чиновники наслаждались роскошной, паразитической жизнью во Франции. Понятие о воинской обязанности забыто. Сумки и чемоданы — вот чем забиты дороги. Их машины нагружены свертками с награбленным. Часто они едут со своими французскими подругами, тоже жаждущими поживиться награбленным.

Если мы проиграем эту кампанию, французские женщины должны нести самую большую ответственность. Ночи страсти и распутства подорвали нравственные устои наших солдат и офицеров. Они больше не хотят жертвовать своей жизнью во славу отечества благодаря энергичным усилиям профессиональных шлюх и любительниц сладкой жизни. Будь я командующим, быстро бы навел порядок при помощи военного трибунала. Этим мы, но крайней мере, проявили бы свое уважение к солдатам, героически сражающимся на востоке.

Судьба моей эскадрильи пока не решена. Сейчас я получил приказ оборудовать новый аэродром недалеко от Манша. У меня приблизительно 1000 солдат и еще 1000 бельгийцев обслуживающего персонала.

10 сентября 1944 года

Пока я не получил ни новых самолетов, ни летчиков. Несколько дней назад эскадрилья была переведена в Вестервальд. Я провел несколько операций вместе с офицерами штаба. В этих боях я получил возможность увеличить свой постоянно растущий счет.

Здесь, в Германии, царит совершенный хаос с тех пор, как рейхсфюрер СС Гиммлер взял на себя командование резервными войсками. Кажется, фюрер передает командование вооруженны-

ми силами лидерам своей политической партии, отстраняя военных руководителей. Слава Гитлера как «величайшего военного гения всех времен», распространившаяся в начале войны, медленно, но верно меркнет. Он поступил бы мудрее, предоставив ведение боевых действий опытным генералам.

Несколько дней назад я присутствовал на конференции с генералом Галландом, командующим истребительной авиацией. Возможно, моя эскадрилья будет расформирована совсем, принимая во внимание чрезвычайную сложность ее восстановления. Производство наших самолетов серьезно затруднено вследствие воздушных атак союзников. Почти все заводы разрушены, а недостаток топлива еще больше ограничивает наши возможности.

Более того, трудность представляет вопрос укомплектования эскадрильи. Подавляющая часть опытных летчиков или погибла, или ранена. На западе и на востоке наша линия фронта каждый день понемногу отходит назад. Сейчас мы ждем новое «секретное оружие».

Мы, летчики-истребители, в частности, очень ждем появления реактивных самолетов. По идиотскому распоряжению Гитлера, данному несколько недель назад, первые реактивные двигатели, которые сойдут с конвейера, будут использованы исключительно как «оружие возмездия».

Гитлер с гневом отверг протесты командного состава истребительной авиации всех уровней, Галланда и даже Геринга. Нам запрещено обсуждать возможность использования реактивного двигателя в воздушных боях.

Немецкая авиация медленно истекает кровью, защищая рейх. Наши города, заводы полностью разрушены, они практически беззащитны перед методичными бомбардировками англичан и американцев. А в это время единственное, о чем может думать Гитлер, — это «возмездие»!

Если бы нам предоставили хотя бы одну или две авиагруппы, оснащенные новыми «Me-262», мы получили бы хороший шанс для исправления ситуации. В противном случае война в воздухе будет проиграна.

2 октября 1944 года

Два дня назад меня направили в 8-ю истребительную дивизию. Моя эскадрилья переведена под Вену. Я здесь, чтобы получить пополнение и самолеты, перед тем как отправиться воевать в Венгрию.

Сегодня у меня была прекрасная встреча. Генерал-майор, начальник штаба дивизии, пригласил меня в штаб, чтобы представить начальникам отделов. В отделе разведки я встретил того,

кого ожидал встретить меньше всего! Старший лейтенант Гюнтер Герхард! Я не мог поверить своим глазам!

Это мой старый друг, который, как мне сообщили, погиб больше двух лет назад. Гюнтеру тоже сообщили, что я погиб в ожесточенной схватке на западе.

Это был один из самых счастливых сюрпризов войны для меня. По моей просьбе Гюнтер немедленно назначен в мою эскадрилью, заменив капитана Маршалла в должности моего адъютанта. Мой старый друг был в восторге, сменив гнетущую атмосферу в штабе на чистый воздух боевой части.

7 октября 1944 года

За последние несколько дней я постоянно получал пополнение. Летчики, направленные в мою эскадрилью, являлись на рапорт в штаб. Среди них было несколько знакомых лиц, пилоты, вернувшиеся к боевым действиям после госпиталя. Некоторые из них летали на бомбардировщиках до того, как были расформированы их части.

Наши самолеты должны прибыть в течение нескольких дней. Я могу только надеяться на то, что это будут реактивные машины.

9 октября 1944 года

Сегодня рассеялись все мои надежды на будущие операции.

Вскоре после полуночи я получил по телефону приказ направиться в Анклам, на север Германии. Я лично должен поехать туда заранее на автомобиле и доложить командному составу истребительной авиации, созданной рейхсмаршалом Герингом.

После того как я отдал необходимые приказы по эскадрилье, в 3.00 вместе со старшим лейтенантом Герхардом и водителем отправился в дорогу. У нас 36 часов, чтобы добраться до Анклама через Прагу, Дрезден и Берлин. Мы запаслись топливом на всю дорогу, поскольку не были уверены, что сможем заправиться на дороге.

Около 16.00 мы остановились для короткого отдыха в гостинице в чешской деревне, заказав по чашке кофе. Отдохнув, я сел за руль, и мы продолжили путь. Мы не проехали и километра, как, потеряв управление, машина взорвалась. Мы врезались в парапет моста. Сидевшего рядом со мной Герхарда выбросило из машины, и он сломал ногу. Водитель выбрался из машины, потом потерял сознание. Меня самого прижало к сиденью. Я был ранен — осколки попали мне в ногу, из моих сапог сочилась кровь. В отчаянии я попытался выбраться из-под обломков. Послышался шум еще одной приближающейся машины, затем взрыв. Последовал страшный удар — «фольксваген» врезался в наш автомо-

бил. Его вынесло с дороги, и он свалился в глубокий кювет на другой стороне. Прилагая отчаянные усилия, я в конце концов выбрался из машины. Мое левое колено разбито, как и правое бедро. Лежа на спине, я медленно полз, отталкиваясь локтями, стараясь добраться до ямы на обочине.

Прошло два часа, прежде чем нас подобрали эсэсовцы. Водитель второй машины мертв. Катастрофы с обеими машинами, как выяснилось, вызваны взрывом магнитных мин. Это дело рук чешского подпольного террористического движения.

Ночью нас забрали в госпиталь военно-воздушных сил, где Понтеру и мне немедленно сделали операции. Моя левая нога распухла и побелела. Хирург сначала хотел ее ампутировать, поскольку не надеялся спасти. Я был в полном отчаянии. Мне не хотелось провести остаток моих дней калекой. Потребовалось два с половиной часа работы, чтобы привести мое колено в относительный порядок. На обе ноги мне наложили шины, после чего наконец отправили в палату, где уже лежал Гюнтер, которому тоже наложили шину на одну ногу. У него было еще несколько серьезных травм.

Я попросил одну из медсестер принести мою сумку и достал бутылку бренди, которую мы с Гюнтером осушили за несколько минут.

В эту ночь я не чувствовал никакой боли!

3 декабря 1944 года

Восемь недель — восемь долгих, бесконечных недель — я лежал в постели и не мог пошевелиться. Гюнтер лежал в соседней кровати. Дни монотонно сменялись мучительными ночами.

Раны на моем левом колене зажили. Правая нога постепенно становится короче, мне придется смириться с этим.

Доктор обещал скоро разрешить мне встать. Завтра утром снимут шины.

4 декабря 1944 года

Сегодня рано утром мне сняли шины. Обе мои ноги стали страшно худыми. Правое колено словно одревенело. Я настолько ослаб, что едва смог сесть на кровати. Хотел сделать шаг, чтобы посмотреть, смогу ли встать, смогу ли ходить, в конце концов. Но каждый раз, когда я пытался встать, у меня начиналось головокружение.

7 декабря 1944 года

Два дня назад я сделал мои первые шаги, опираясь на костыли, и прошел по палате. Вчера рискнул выйти в коридор. Сегодня

отправляюсь на короткую прогулку к реке Молдау. Я должен снова ходить. Даже если придется начинать все сначала, как маленькому ребенку, я готов к этому.

10 декабря 1944 года

Каждый день я совершаю чуть более длинные прогулки. С помощью одной из сестер дошел до театра. Это десять минут ходьбы для здорового человека, но у меня путь занял больше часа. Мои руки покрылись ранами и волдырями, но я делаю явные успехи.

12 декабря 1944 года

Меня отправили на курорт в австрийские Альпы для лечения радоном. Неподвижность левого колена постепенно проходит. Но правая нога все еще ничего не чувствует, она висит на поврежденном бедре и стала короче более чем на пять сантиметров.

Провожу много времени в долгих и утомительных прогулках с костылями по снегу. Каждый день принимаю радоновые ванны, которые должны стимулировать мышцы и суставы.

16 декабря 1944 года

Военные сводки просто убийственные. Я обозначаю продвижения противника на запад и восток на моей карте и пришел к заключению, что победа недостижима.

Я не верю, что война кончится с ясными результатами или будет реальным победителем. Единственно возможная победа — это установление прочного мира. Я не понимаю, как можно достичь прочного мира, пока существует большевизм. Придет день, когда они захотят завоевать весь мир, основываясь на коммунистической теории о мировой революции. Цена, которая будет уплачена за это, — порабощение всех народов, всего человечества.

19 декабря 1944 года

Лило удалось добиться моего перевода в морской госпиталь в Сандербуше (позднее перешедший к канадской армии как 7-й канадский армейский госпиталь). Он находится всего в нескольких километрах от Джевера. У нас очаровательный домик, который Лило превратила в уютное гнездышко. Там она меня сейчас ждет с нашими детьми. Мы хотим быть вместе, что бы ни случилось за последние тяжелые дни войны.

21 декабря 1944 года

Я еще упорнее стал ходить на костылях, ради моих родных. Мое единственное желание — поскорее вернуться домой. Для меня,

калеки, война закончилась.

Зальцбург подвергся массовой бомбардировке перед тем, как прибыл мой поезд. Нас пересадили на грузовики — 20 изрешеченных машин — и отвезли на следующую железнодорожную станцию.

Пронизывающе холодной ночью мы приехали в Розенхайм, где должны дождаться восстановления сообщения с Мюнхеном. В результате бомбардировки станция разрушена.

Тысячи людей в панике бросились врассыпную, услышав свист бомб в воздухе. Лишенные возможности убежать из-за ран, мы бросились на землю между рельсами и лежали, пока не закончился свинцовый дождь. Потом мы собрались в кучу и мерзли несколько часов, дожидаясь поезда.

Станция в Мюнхене горела, когда мы туда прибыли. Англичане бомбили и здесь. Медсестры из Красного Креста помогли мне, когда я уже не мог передвигаться самостоятельно. Мои товарищи остались в Мюнхене, в госпитале.

За семь часов мой поезд добрался до Аугсбурга. При нормальных обстоятельствах это заняло бы только час. На протяжении всей ночи бомбардировки не прекращались.

В Аугсбурге меня взяли под покровительство сестры из Красного Креста. Я не мог идти. Смертельно устал: мне хотелось только закрыть глаза и спать... спать... спать...

22 декабря 1944 года

Меня попытались поднять с кровати в полдень. Американцы бомбят город, и меня хотят проводить в бомбоубежище. Я прогнал их, крикнув, чтобы они оставили меня в покое. Хочу спать.

Вечером я поехал с военным эшелоном, который должен прибыть в Ганновер утром.

23 декабря 1944 года

Напряжение этих странствий слишком велико для меня. Болят все мышцы. Прекрасно, что повсюду встречаю добрых людей, готовых помочь. Из-за моих костылей я чувствую себя беспомощным, как маленький ребенок.

Железнодорожники посадили меня на грузовой поезд, отправляющийся в Бремен. Кабина машиниста очень красивая и теплая. Машинист и кочегар устроили для меня сиденье на куче мешковины.

Они были удивлены, увидев мои знаки отличия и награды. Не могли поверить, что раненые боевые офицеры могут путешествовать в таких тяжелых условиях.

Мы говорили о войне, о разрушенных городах и заводах. Машинист потерял всю свою семью во время бомбардировки в Бремене. Кочегар потерял зятя, погибшего в России. Оба согласились со мной в том, что нужно заключить мир на западе, чтобы направить все ресурсы на восток. Оба готовы идти на войну с русскими снова, как во время Первой мировой войны, когда они были молоды.

Маленький пригородный пассажирский поезд в конце концов довез меня до Джевера. Была полночь. Командир авиагруппы прислал за мной свою машину, чтобы отвезти меня домой.

Стоя в темноте у ворот сада, я смотрел, как Лило вышла из дома и бросилась ко мне. Я хотел схватить ее в объятиях, как делал раньше, но на этот раз не смог. Обе руки нужны мне, чтобы держать костыли.

Я поцеловал Лило, и мы пошли к дому вместе.

Когда она заговорила, ее голос дрожал.

— Ты так медленно идешь, — сказала она. — Я не представляла, что все настолько плохо.

В гостиной тепло и уютно. Я очень, очень устал. Устал от напряжения и усилий переездов, устал от того, что видел, слышал и пережил, устал от войны. Но сейчас, кроме всего прочего, я счастлив. Счастлив вернуться домой, наконец, счастлив, что мы с Лило снова вместе.

Завтра сочельник, и маленькая Ингрид будет носиться по комнатам с растрепанными золотыми волосами. Она будет осыпать меня бесконечными вопросами: «Ты вернулся навсегда? Почему тебя так долго не было? Почему ты ходишь так медленно? Почему случилась война? Почему... почему... почему?..»

Конец

До середины января я не мог выходить из дому. Снег и лед мешали мне отправиться в госпиталь.

Я узнал, что капитан Войтке снова принял командование эскадрильей после выписки из госпиталя, но несколько дней назад погиб в бою. Мне прислали бортжурналы, официальное подтверждение моих побед, и сообщили, что я награжден Рыцарским крестом.

Журналы содержат записи о почти 2000 полетах, в том числе более 400 боевых вылетов. Я сбил 52 вражеских самолета. В общей сложности пролетел расстояние более миллиона километров. Полечу ли я когда-нибудь снова?

1 января 1945 года наша авиагруппа предприняла свою последнюю широкомасштабную операцию. Английские и американские аэродромы во Франции и Бельгии успешно разбомблены. Для многих моих товарищей это стало последним вылетом. Около 500 немецких летчиков погибли. Майор Шпехт также не вернулся. Я вспоминаю прошлую встречу Нового года. Великую миссию, которую «маленький командир» ждал, он исполнил ровно через год.

Совершив свое последнее, величайшее усилие, немецкая военная авиация, по существу, прекратила существование. Осталось всего несколько авиагрупп.

Наступающий враг на востоке и западе перешел в это время границы рейха. Миллионы немцев на востоке бежали перед приближающимися ордами азиатов. Невозможно описать словами ужас и страдания, переносимые ими.

Мои родители тоже были вынуждены покинуть свой дом. Мать и сестра приехали ко мне в конце января. Об отце не было никаких сведений.

Круглосуточные бомбардировки наших городов англичанами и американцами продолжаются непрерывно. Сотни тысяч людей погибли во время этих бомбардировок.

Тяжелые бои продолжаются на всех фронтах. Немецкие солдаты сражаются отчаянно, защищая каждый клочок родной земли. Согласно последним данным, потери с немецкой стороны оцениваются в 4 000 000 человек.

День за днем, даже в таком отдаленном уголке, как у нас, во Фризии, деревенский покой разрывает вой сирен, возвещающих об очередном налете. Снова и снова Лило должна уносить детей и некоторые вещи в убежище. Для меня вырыли траншею позади дома. Даже бетонное убежище не могло оказаться более удобным

для меня — мне нравится видеть, что происходит, я привык к этому.

В марте попросил у командира авиагруппы разрешения помогать в работе наземного персонала. Несмотря на костыли, я успевал многое сделать за день: выбирая поля, как посадочные места для военных аэропланов, дежуря на постах контроля, создавая мобильную систему станций слежения.

Мы входим в систему обороны Вильгельмсхафена. Город превращен в крепость и будет обороняться до последнего бойца. Гарнизон будет поддержан с воздуха в случае блокады. Я вошел в состав командования гарнизона как офицер, отвечающий за воздушные операции. В гарнизоне состоит около 40 000 моряков-пехотинцев, обученных для ведения боев на суше. Все они неопытны, оружия хватило только на маленькую часть.

Прошла неделя, и я все более и более убеждаюсь в тщетности нашего сопротивления на западе. Сохранение всех наших сил необходимо для того, чтобы остановить продвижение русских в Европу. Я знаю, что в случае перемирия на западе миллионы истощенных, обессиленных, подавленных, уставших от боев немецких солдат воспрянут духом, объединятся и, собрав свои последние силы, отдадут их в борьбе против коммунизма, чтобы защитить свои дома и уберечь Европу от непоправимой катастрофы.

Я сам, не испытывая ни малейших колебаний, сяду в кабину истребителя, чтобы лететь и биться снова, пока последний захватчик не будет изгнан из моего отечества.

Это не только мое мнение — так думают все офицеры и солдаты, с которыми я разговаривал за последние недели. Мы все очень хотим, чтобы наступил день, когда западные союзники поймут, что не Германия представляет угрозу их жизни и свободе, а Советская Россия.

В день памяти наших героев, 11 марта 1945 года, я сделал следующую запись в моем дневнике.

«Эта война показала стандарт, которым должен измеряться дух Германии, мерило всего.

Мы осознали в мирное время различие между добром и злом. Сегодня смелость должна быть отграничена от трусости.

Война дает храбрым возвыситься. Бог наделил их смелостью и силой. Даже если они могут погибнуть, их героическая смерть никогда не должна быть забыта.

В этот час, самый тяжелый час для нашего дорогого отечества, немецкий народ вспоминает о них. Мне стоит только закрыть глаза, чтобы вспомнить моих погибших товарищей, которые воевали рядом со мной в жесточайших схватках.

За последние два года я стал очень одинок. Немногие из моих товарищей вернулись с этой войны, которую мы называли „Великое кладбище истребителей“. Мы часто терпели поражение из-за численного превосходства врага, и часто — в честном бою. Но даже после поражения мы оставались победителями — победителями над собой, победителями наших глубинных инстинктов, которые угрожали лишить нас смелости и веры.

Снова и снова, ни минуты не колеблясь, мы поднимались в воздух. Каждый раз кто-то не возвращался, но никогда не было отговорок или недовольства. Те из нас, кто выжил, получили множество ранений. Я сам был ранен пять раз и остался калекой.

Если когда-нибудь встанет вопрос о том, чтобы прогнать русских обратно в их леса, болота и степи, прежде заключив мир с Западом, я с большой готовностью буду сражаться снова. У меня будут новые товарищи: вместе мы вернем дух прошлого и станем частью этой традиции. Встретившись, мы с улыбкой пожмем друг другу руки, а потом с грустью вспомним наших павших товарищей... Их жажда подвига навсегда останется с нами, летчиками-истребителями. Выполнив нашу задачу, освободив нашу родину, мы победным ревом наших самолетов сможем воздать достойную дань памяти наших героев и наших товарищей.

Их смерть не была напрасной».

Война проиграна.

Война проиграна... Война проиграна...

Эти слова бьют по нервам как кувалда.

Германская нация потерпела полное, сокрушительное поражение. Все значение этого находится вне моего понимания.

Гитлер мертв. Рейх повержен и находится во власти оккупантов. Когда-то могущественная немецкая армия перестала существовать.

Оставшиеся в живых находятся в лагерях для военнопленных или бродят по деревням, сбившись в неуправляемые шайки либо попрошайничая поодиночке. Немецкий солдат опозорен, даже память погибших замарана.

Наш мир разрушен.

Сейчас бесполезно задаваться такими академическими вопросами, как ответственность и вина.

Война проиграна. Достаточно остановиться на том, что победа досталась сильнейшему.

Мы потрясены сенсационными разоблачениями, стремительно следовавшими друг за другом. Наша дорога в будущее проходит теперь через нищету и нужду. Чудовищный деспотизм был развит среди нацистов в окружении Гитлера.

Негодую от отвращения, боевые немецкие солдаты и офицеры отвернулись от тех, чьи страшные военные преступления и зверства сейчас открылись. Преступники, которые, как правило, работали в концлагерях и лабораториях в тылу, опозорили честь Германии. Преступления, совершенные под знаком свастики, заслуживают сурового наказания. Союзники могли бы оставить этих преступников боевым немецким солдатам для совершения правосудия.

Война проиграна. Перемирие заключено. Значит ли это, что наступил мир?

Иллюстрации

Примечания

1

Август Гейгер (August Geiger) — затем служил в ночной истребительной авиации и одержал 53 победы. Гауптман Гейгер погиб ночью 29/30.09.1943 г. когда его BF-110G-4 W.Nr.5477 «G9+ER» был сбит «Бофайтером» Mk IV F командира 141 Sqdn. RAF Джона Брахэма (John Braham). Гейгер выпрыгнул на парашюте, но тот зацепился падающий самолет. 02.03.1944 г. Гейгер был посмертно награжден Дубовыми Листьями к рыцарскому кресту. (Nr 416).

2

Йозеф Менапаке (Josef Menarase) в течении первого года боев на Восточном фронте, летая на Hs-123, он выполнил 592 боевых вылета. 20.08.1942 г. после 650 боевых вылетов командир 2/Sch.G1 обер-лейтенант Менапаке был награжден рыцарским крестом. Гауптман Менапаке погиб 06.10.1943 г. когда его самолет был сбит в районе Могилева.

3

С октября 1940 г. он служил в штабе 1-й истребительной авиашколы и отвечал за летную подготовку курсантов.

4

В английском варианте фельдфебель feldfebel Schmidt (откуда у переводчика книги Л. А. Игоревского сержант —?)

5

Вообще-то правильно «SE+KE».

6

Впоследствии Баркхорн, Ралль и Крупински стали лучшими асами Люфтваффе. К концу войны оберст-лейтенант Баркхорн

одержал 301 победу, майор Ралль — 275 побед, майор Крупински — 197 побед.

7

Эрнст Грюнерт пропал без вести (погиб) 09.07.1943 г. на Восточном фронте.

8

Фритц Лозигкейт — в составе «легиона „Кондор“» участвовал в войне в Испании, а затем с 23.09.1939 г. он был командиром 2./JG26 17.05.1941 г. Лозигкейт был направлен в немецкое посольство в Токио, где формально числился в штате военного атташе, а фактически был инструктором в японской военной авиации. С марта 1942 г. по 01.04.1943 г. он был командиром IV./JG1, потом с 01.06.1943 г. командиром I./JG26, а с 22.06.1943 г. командиром III./JG51. 01.04.1944 г майор Фритц лозигкейт был назначен командиром JG51 а ровно через год 01.04.1945 г. он был переведен на должность командира JG 77. Всего в ходе Второй мировой войны майор Лозигкейт совершил около 750 боевых вылетов и одержал 68 побед при этом 56 — на Восточном фронте.

9

Хуго Фрей (Hugo Frey) — Командир 7./JG11 гауптман Фрей погиб 06.03.1944 г. в районе г. Фленсбурга, недалеко от немецко-датской границы. В своем последнем бою он сбил 4 В-17 но сам был атакован и сбит американским истребителем. Посмертно гауптман Хуго Фрей был награжден Рыцарским крестом. Всего на его счету было 32 сбитых — самолета в т. ч. 26 В-17 и В-24.

10

Гауптман Доленга (Dolenga) — позднее перешел в ночную истребительную авиацию и погиб 23.11.1943 г. в авиакатастрофе.

11

09.10.1943 г. гауптман Эберле занял должность командира III./JG1, а 12.07.1944 г он был назначен командиром вновь сформированной III./JG4. Всего на его счету было 33 победы из них 12 на Восточном фронте.

12

В радиопереговорах Люфтваффе использовали специальный кодовый словарь. «Бандит» или «индеец» обозначало истребитель противника, «Цезарь-Ида» (Caesar-Ida, сокр. C-I) — квадрат, где он находится, «Ханни» («Hanni») — «семь-ноль» — что он летит на высоте 7000 метров.

13

К концу войны на счету фельдфебеля Ханса-Герда Веннекерса (Hans-Gerd Wennekers)...

14

В английском варианте по переводу получается офицер управления истребителями из штаба дивизии (люблю доделывать за издателей unsam).

15

Оберст Карл Хентшель (Karl Hentschel) с 17.08.1942 г. по 01.10.1943 г. возглавлял истребительное командование «Немецкая бухта» (Jagdfliegerfuhrer Deutsche Bucht). «Немецкой» в Германии называют Гельголандскую бухту.

16

Имеется в виду Vf-109G. Пилоты Люфтваффе называли свои самолеты собственными именами в соответствии с буквами их модификации. так например, Vf-109D называли «Дора» (Dora), Vf-109E — «Эмиль» (Emil), а Vf-109F — «Фридрих» (Friedrich).

17

В английском варианте 4 (four).

18

В английском варианте командиру (commander) — имеется в виду командир JG1 оберст-лейтенант Эрих Микс.

19

Генерал-лейтенант Вальтер Швабедиссен (Walter Schwabedissen) был командиром 2-й истребительной авиадивизии с 01.05.1942 г. по 30.09.1943 г.

20

В английском варианте не «боинг», а «летающая крепость» (Flight fortress) черным по белому, ура переводчику.
P.S. Это был B-17 возглавлявший 93BG.

21

Генерал Йозеф Каммхубер (Josef Kammerhuber) был командиром 12-го авиакорпуса с 09.08.1941 г. по 15.09.1943 г. Весной 1943 г. ему подчинялись 1-я, 2-я, 3-я и 4-я истребительные авиадивизии.

22

Опять же в английском варианте «янки», а не «американские бомбардировщики» блин.

P.S. Вероятно, на практике эта идея так и не была претворена в жизнь так как нет ни каких данных о том, чтобы какая-либо из эскадрилий JG26 выполняла подобные вылеты.

23

Обер-фельдфебель Erich Fuhrmann. Погиб 17.11.1943 г., когда во время перелета с аэродрома Сент-Тронд на аэродром Маркс южнее Евера его Bf-109G из-за неполадок в двигателе упал в болото в районе реки Эмс. Всего на его счету 5 побед. (см. далее)

24

Фельдфебель Wilhelm Fest (Вильгельм Фест). Погиб 08.05.1944 г. в бою с P-47. На его счету 10 побед.

25

Фельдфебель Herbert Biermann — Всего на счету 7 побед. 01.06.1943 г. над островом Вангероге его Bf-109G столкнулся с истребителем фельдфебеля Кремера (Kramer), который в результате попаданий в хвостовую часть потерял управление. Бирман смог «дотянуть» до аэродрома, но при посадке его «Мессершмитт» перевернулся. Самолет был полностью разрушен, но сам Бирман практически не пострадал.

Кремер же выпрыгнул не парашюте, однако от сильного рывка лопнуло две стропы и купол раскрылся только на половину. На большой скорости Кремер упал в воду, получив при этом тяжелые травмы. Он был подобран спасательным катером и отправлен в госпиталь. Фельдфебель Кремер погиб 27.07.1943 г. когда во время тренировочного полета его Bf-109G из-за отказа двигателя упал в Северное море. Это произошло всего через несколько дней после его выписки из госпиталя.

26

Фельдфебель Гельмут Леннарц (Helmut Lennartz) — всего на его счету было 11 побед из них 8 одержал летая на Me-262. 15.08.1944 г. в 13.34 Леннарц сбил B-17, который стал первым четырехмоторным бомбардировщиком, сбитым пилотом Me-262.

27

Унтер-офицер Арндт (Arndt) — был механиком Кноке начиная с лета 1942 г.

28

Командир 4./JG11 гауптман Герхард Зоммер погиб 12.05.1944 г. когда его Vf-109G был сбит в бою в районе г. Липпштадта в 58 км. юго-западнее Мюнстера. Всего на его счету 20 побед из них 14 В-17 и В-24. Посмертно гауптман Зоммер был награжден Рыцарским крестом.

29

Родился в Вене в семье военного. Служил в австрийских ВВС, а после аншлюса Австрии перешел в Люфтваффе. Командир 6./JG11 гауптман Эгон Фалькензаммер (Egon Falkensammer) погиб 22.12.1943 г. когда его Vf-109G был сбит в бою в районе Мюнстер-Оснабрюк. Всего на его счету 9 побед из них 6 на Восточном фронте в составе JG51.

30

Погиб 27.09.1943 г. когда его самолет был сбит в районе Эмден-Вильгельмсхафен.

31

Всего в то утро пилоты JG11 сббили 14 В-17 еще 7 бомбардировщиков были на счету истребителей JG1.